

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

5-6 (450)

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Михаил Бару. Повесть о двух головах.....3
Герман Лукомников. «Червь проснулся дождевой...» *и др. стихи*.....36
Света Литвак. «на одветроме лебеди, утки, чайки...» *и др. стихи*.....40
Сергей Дигол. Не забудьте выключить
Рассказ из цикла «Пантелеймонова трилогия».....44
Григорий Стариковский. «новый улисс» *и др. стихи*.....53
Зиновий Зиник. Белый негр и черная кола. *Рассказ*.....57
Алексей Александров. «Весна занавешена тюлем...» *и др. стихи*.....64
Евгений Стрелков. *Стихи из цикла* «Арзамас».....68
Михаил Куценогий. Прописка. *Рассказ*.....73
Анаит Григорян. Про Марфу и Петра. *Стихи*.....82
Виктор Іванів. Челленджер II. *Стихи*.....88

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Вячеслав Лопатин. Кич.....94

ИНТЕРВЬЮ

Харьковская литература и шире. *С соредакторами литературного журнала «©оюз Писателей» Андреем Краснящих и Юрием Цаплиным беседует Юрий Соломко*.....136

«Явно я в Новосибирске»
С Германом Лукомниковым беседует Антон Метельков.....142

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Андрей Пермяков. «Наглядевшись на ангелов через окуляр микроскопа».....158
Александр Котюсов. Фотошоп.....160
Сергей Трунев. Антология безысходного реализма.....166
Олег Рогов. Пятый том.....168
Николай Скворцов. Отброшенные главы.....169

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Трудно быть богом теории хаоса
в эпизоде из жизни сборщика железа..... 170

© «Волга», 2014

Михаил БАРУ

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОЛОВАХ

Тотьма

В маленькой Тотьме целых три гостиницы: «Варницы», «Монастырские кельи» и «Рассвет». «Варницы» дороже всех, но там ресторан с живой музыкой, которая умучивает постояльцев до полусмерти, в «Монастырских кельях» удобства в конце коридора, а в «Рассвете» нет ресторана и тихо, но всего три канала в телевизоре – первый, второй и культурный. Говорят, что в глухих деревнях тотемского района и того меньше. Или вовсе как включишь – так появляется картинка, на которой наше навсегда грозит с экрана пальцем, чтоб не баловались. Бабы телевизор включают детишек пугать, когда они расшалятся, или мужа, если вернется домой пьяный. Но это редко, конечно. Бабы там такие... Только приди домой пьяный и откажись есть манную кашу. Так накормит... Впрочем, с манной кашей я заехал несколько вперед и даже в сторону. Сначала о Тотьме, которая на минуточку, а вернее, на десять лет старше Москвы. Был бы я на десять лет старше Москвы – из вредности уступал бы ей места для инвалидов с детьми в общественном транспорте. Вот только ехать до Москвы из Тотьмы далеко – сначала две с лишним сотни километров не по самой лучшей в мире дороге до Вологды, а потом еще полтысячи до столицы. Не убежишь из Тотьмы... Ну, да никто в Москву и не бежит. Дорога столица для тотьмичей во всех смыслах этого слова. На заработки едут в Вологду, в Ярославль, в Петербург. Туда же едут учиться, чтобы выучившись и осев в Вологде, Ярославле, Петербурге и... Москве, если повезет, время от времени приезжать в Тотьму на каникулы, в отпуск, за грибами, ягодами, на рыбалку...

Не всегда так было с работой в Тотьме. Это сейчас местный молокозавод в смену перерабатывает всего шесть тонн молока, а раньше сотню. Это сейчас закрыты льнозавод и мясокомбинат. Это сейчас местная пилорама еле пилит рамы, а раньше... а еще раньше тотьмичи варили соль. Бурили скважины в поисках соляных ключей и бадьями поднимали на поверхность рассол, который затем выпаривали на железных сковородах. Готовую соль ссыпали в мешки из рогожи и везли продавать. Или дарить. К примеру, тотемский воевода Кузьма Строганов в начале семнадцатого века «ударил челом государю... тысячью пудов солью». Умный был воевода. Понимал, что пустым челом можно только шишку набить.

По правде говоря, это только на словах да на бумаге производство соли укладывается в два предложения, а на самом деле... Скважины бурили на глубину более ста и даже ста пятидесяти метров. Для этого строили высоченные, похожие на крепостные, рассолоподъемные башни. Трубы в скважину ставили деревянные, просмоленные,

---

Михаил Бару родился в 1958 году в Киеве. Окончил Российский химико-технологический университет в Москве. Химик и инженер, кандидат технических наук. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 1999 года. Автор нескольких книг стихов и прозы, в том числе «Обещастье» (2005), «Следы птиц» (2007), «Один человек» (2008), «Цветы на обоях» (2009), «Записки понаехавшего, или Похвальное слово Москве» (2010), «Тридцать третье марта, или Провинциальные записки» (2011), «Дамская визжаль» (2011). Составитель первой российской антологии хайку и трехстиший «Сквозь тишину» (2006). Живет в Москве.

скрепленные для прочности железными обручами. В местном краеведческом музее хранятся фрагменты рассолоподъемной трубы шестнадцатого века. Если ее лизнуть... то можно занозить язык. Процесс бурения мог затянуться на несколько лет. В процессе бурения набегали и, все разграбив, убегали казанские татары, поляки, литовцы, казаки... а тотьмичи, для которых соль была хлебом насущным, все бурили, качали, выпаривали, затаривали ее в мешки, грузили на дощаники, насады, лодки, лодочки и везли по реке Сухоне, на которой стоит Тотьма[1], продавать во все концы нашей, уже и тогда хронически необъятной родины.

Скважина была дорогим предприятием[2], и очень часто участие в ней было долевым. Московский или местный купец мог владеть такой трубой сам, без совладельцев, а остальные имели кто половину, что четверть, кто осьмушку... Доходило даже до одной шестидесяти четвертой доли. Мало того, такие крошечные дольки иногда делили еще и на какие-то уж совсем нанодоли под названием «жеребьи». Вот выписка из писцовой книги 1647 года: «Труба Наставка Прилуцкого монастыря, а в той трубе малая доля Анисиму Нератову двадцатая доля. В той же трубе тридцать вторая доля дьяку Осипу Палицыну. Четвертая да шестнадцатая, да тридцать вторая доля Васьки Выдрина, в той же трубе четверть гостю Алексею Булгакову»[3]. И это не все. Буровое оборудование,

---

[1] На самом деле Тотьма стоит у места впадения в Сухону маленькой речки под названием Песья Деньга. При образовании этого названия не пострадала ни одна собака и не была истрачена ни одна копейка. Его придумали финно-угорские племена, которые жили в этих местах до прихода славян, и звучало оно как «Песь Еденьга», что означает на вепсском языке, как открыли ученые филологи, «Песчаная река». Правду говоря, скучнее этого открытия и сделать невозможно, а потому на этот счет у аборигенов имеется собственная легенда, по которой ехал через их места Иван Грозный, да опрокинулся его возок посреди Песьей Деньги. Цари тогда не то чтобы амфоры со дна морского, но и плавать-то толком не умели. К счастью, местные крестьяне, прятавшиеся на всякий случай в кустах, тут же выбежали и на руках перенесли возок с царем на сухое место. Благодарный царь, понятное дело, тут же вытащил из кармана Малюты Скуратова денег, чтобы дать мужикам на водку, и как раз уронил золотой в реку.

– Пес с ней, с деньгой-то! – сказали мужики. – Главное, что рядом с царем постояли.

Что касается цели поездки Ивана Васильевича, то... да. Он вез с собой библиотеку. В последние годы жизни царь был озабочен только одним – как бы понадежнее ее спрятать. Вот и возил ее с собой по разным глухим местам. То в одном монастыре присмотрит подвал для нее, то в другом... В Тотьме есть древний Спасо-Суморин монастырь, а из монастыря, как утверждают знающие люди, на другой берег Сухоны ведет подземный ход длиной три километра. Такой широкий, что в нем две тройки могли разъехаться. В этом подземном ходу, как говорят все те же знающие люди, есть ответвления, а в ответвлениях устроены облицованные камнем помещения, а в помещениях есть полки, а на этих полках... библиотеки нет. Честно говоря, и сам подземный ход, и помещения, и тройки... Но монастырь точно есть. Вернее, то, что от него сталось. Ну, и Песья Деньга все так же впадает в Сухону. Над нею перекинут мостик, а на железных перилах этого мостика школьники пишут о том, что «вторая школа рулит», что «директор первой школы лох» и... небольшого ума человек, что «ура! каникулы!», что «Мишуринский Руслан крут», а «Верка Шумова – самая уебищная тварь района».

Что же до Петра Алексеевича, то он в топонимике края не оставил никаких следов. Ездил мимо, ездил... Впрочем, один раз остановился на соляных промыслах и собственноручно поднял со дна шахты бадью с рассолом и тут же потребовал положенной за труды платы. – Пес с... ней, с деньгой-то! – сказали мужики и отдали ему заработанное.

[2] У каждой, пробуренной в муках, трубы было свое название. Тогда были не приняты пышные названия вроде «Имени взятия Казани» или «Гвардейская, ордена Ивана Грозного второй степени, дважды хоругвеносная, имени Третьего Поместного Собора»... Называли просто: «Веселуха» или «Береза», или вовсе «Задняя».

[3] Хоть в примечаниях, но стоит сказать и о пайщиках. Осип Палицын – сын боярский вологодского архиепископа. Удачно женился и после смерти тестя весь его соляной промысел прибрал к рукам. Через какое-то время уже торговый человек гостиной сотни. Воевал со всем посадом. Податей не платил, общественных служб не нес. Садист. Избивал своих кабальных людей, таможенных голов и попов. Местный батюшка отказал ему в причастии за то, что Палицын был страшный сквернослов. В ответ на отказ Палицын избил его до крови и выдрал бороду. Сутяга. Неизменно выходил сухим из воды. Дослужился до дьяка Посольского приказа. Анисим Нератов – солепромышленник и купец. На средства его потомка, Осипа Нератова, был построен в Тотьме в восемнадцатом веке храм Рождества Христова. Алексей Булгаков – солепромышленник, внук богатого московского гостя Бахтеяра Булгакова. Васька Выдрин – разгильдяй. Бизнес свой... Следы его теряются.

столбы, бечева и прочий инвентарь тоже делились на доли. Миноритарии в ЗАО «Труба» могли владеть одной восьмой долей в трубных снастях и даже в бечеве. Со стороны, быть может, это выглядит молекулярно-экономическими отношениями и похоже на филиал сумасшедшего дома, но... Представьте, к примеру, что у вас нет доли в трубе. Не в соляной. Вот прямо сейчас и нет. Даже одной миллионной нет доли, а не то что одной шестьдесят четвертой. Зато вы владеете маленьким, буквально микроскопическим краником на этой трубе и можете... Вот на этом месте лучше всего перестать мечтать, успокоиться и вернуться в Тотьму, на берега Сухоны, по которой со времен Ивана Грозного сплошным потоком шли товары заморских купцов из Архангельска в Вологду и Москву, а из Москвы и Вологды плыли меха, кожи, пенька, воск, черная икра и медведи с балалайками. Через Тотемскую таможню проходило столько грузов, что она боролась за звание «Шереметьевской».

В середине семнадцатого века был в Тотьме таможенным головою некто Гаврилов. Как и всякий таможенный голова, он... Да и кто бы удержался на его месте? Всего за год образовался недобор пошлин на полторы тысячи с лишним рублей. По тем временам это были такие огромные деньги, которые даже и сейчас меньше чем за день не украдут хоть бы и в самой Москве. И это при том, что пошлины Гаврилов брал в два и в три раза больше положенного. На допросе посадские люди показали, что к загребущим рукам головы прилипали в большом количестве казенные деньги, которые он давал в рост, земельные участки, огороды, покосы и соляные варницы. Из Москвы, из следственного комитета, прискакал человек с приказом таможенному голове немедля ехать на допрос. Делать, однако, нечего – надо ехать. На время своего отсутствия Гаврилов передал все свои, с позволения сказать, «промыслы» купцу Кубасову. Тот заступил на должность таможенного, а в придачу и кабацкого головы, и оказался... Видно, место там такое было. Красило всех, кто на нем оказывался, одной краской. Кубасов еще и скупал краденое, бил смертным боем подчиненных целовальников и даже был причастен к ограблениям тотемских пьянчуг в кабаках в ночное время. Стали писать в Москву жалобы, и уж был готов вмешаться в это дело воевода, как пришел из столицы указ Кубасова не трогать, а дать ему доработать положенный срок и выйти в почетную отставку с разрешением, в виде особой милости от царя, варить пиво и ставить мед. Он и вышел как раз к тому моменту, когда в Тотьму вернулся Гаврилов, которому удалось договориться об условном сроке и возмещении недоимки. Имущество Гаврилова оценили в шестьсот с лишним рублей, а недостающие деньги обязали выплатить посадских людей в шесть лет. И это логично, потому что за награждением виновных у нас всегда следует наказание невиновных. Посадские старосты обращались с челобитными в Москву, с просьбой освободить от платежа посад, а взыскивать с Гаврилова...[1] Кажется, дело еще и сейчас не закончено. На этом месте мы оставим семнадцатый век и перейдем в восемнадцатый.

[1] Фактологическую основу «Повести о двух головах» я вычитал в диссертации А.П. Колесникова «Город Тотьма в семнадцатом веке», главы из которой опубликованы в третьем томе прекрасно изданного краеведческого альманаха, посвященного Тотьме. Эти тома, содержащие большое количество интереснейшего материала по истории Тотьмы, написанные при участии Тотемского краеведческого музея и Вологодского педагогического университета, входят в серию «Старинные города Вологодской области». Книги о Тотьме изданы на средства администрации Тотемского района. Продаются они практически даром. Я приобрел два тома за сто рублей. Почему я обо всем этом так подробно пишу? Да потому, что теперь у нас в провинции такое бывает редко. Краеведов-то у нас много и они все как один энтузиасты, но чтобы область затеяла такое серьезное издание, а районная власть взяла и, не говоря худого слова, оплатила... Самое удивительное, что книги эти вышли в середине девяностых годов, а первая книга, посвященная Устюжне, в девяносто втором году. В Москве кипели страсти, расстреливали из танков Белый дом, выползали из грязи в князи, а незаметные, упорные краеведы писали, стояли в бесконечных очередях за продуктами, копались в архивах, ходили на работу, не получали вовремя крошечную зарплату, и все равно писали, чтобы через два года вышел второй том альманаха об Устюжне и первые тома о Вологде, Кириллове и Белозерске. Вот только не надо делать гвозди из этих людей. Гвоздей у нас много, а книг мало. Особенно по краеведению.

Петр Первый проезжал через Тотьму неоднократно. Библиотеки у него, как у Ивана Грозного, не было, и он не искал подвала, в который ее можно было бы спрятать, а искал место для того, чтобы прорубить окно. Окно-то он, как известно, прорубил и заодно порубил на мелкие, заросшие бурьяном тропинки торговый путь из Архангельска до Москвы по Северной Двине и Сухоне. Худо пришлось Тотьме. Но беда одна не пришла. Беда приводила с собой конкурентов-солеваров из Соли Камской, где соленосный раствор залегал ближе к поверхности, и содержание соли в нем было выше. Мало-помалу солеварение в Тотьме хирело. Тут бы Тотьме и превратиться навсегда в заштатный городишко с сонными курами, покосившимися домишками и кабаками. Она бы и превратилась, кабы не... но тут надо немного отступить назад и много на Восток, откуда в Петербург возвращались участники экспедиции Беринга и Чирикова, открывшие Алеутские и Командорские острова и побывавшие на Аляске. Их рассказы о лежбищах морских котиков, не боящихся людей, о каланах, песцах, черных лисицах, морских коровах, сиренах... Уже через четыре года к американским берегам отправилась торгово-промысловая экспедиция, снаряженная на деньги тотемского купца Федора Холодилова. Теперь в его белоснежном каменном двухэтажном особняке на берегу Сухоны находится районное полицейское управление. По какой из комнат часами ходил из угла в угол Холодилов, обдумывая свое рискованное предприятие? Да ни по какой. У него и денег не было на такой особняк, пока не разбогател Федор Холодилов на продаже пушнины, добытой на Аляске. За сорок лет его экспедиции добыли пушнины на сотни тысяч рублей.

Вслед за Холодиловым потянулись и другие купцы. Компании тотемских купцов снарядили два десятка экспедиций в Тихий океан. Только братья Пановы организовали одиннадцать экспедиций и вывезли мехов на миллион рублей. Братья украсили Тотьму удивительной красоты Входоиерусалимским храмом, который, кроме того, что он храм, еще и бегущий под всеми парусами фрегат или корвет, или бриг, колокольня которого смотрится грот-мачтой всей Тотьмы. Не у всех, конечно, были такие деньги, как у Пановых, или как у купца-морехода Черепанова, построившего на свои средства Троицкую церковь. Посадский человек Петр Шишкин отметился в истории составлением первой карты Алеутских островов, а мещанин Иван Александрович Кусков и вовсе основал в Калифорнии крепость Форт-Росс и был ее комендантом много лет. Форт-Росс, о котором мы давно позабыли, а из тех, кто позабыл, большая часть и вспоминать не хочет, был для нас как вал между Англией и Шотландией для императора Адриана, как Индия для Александра Македонского, как Эверест для Эдмунда Хиллари. К Форту-Росс шли Ермак и Ерофей Хабаров, к нему плыли Семен Дежнев и Витус Беринг. Дальше мы никогда... И теперь уже вряд ли. Дальше был только спуск – сначала продажа форта, а затем и продажа Аляски. А повернись все по-другому? Теперь ведущий новостей рассказывал бы нам с утра пораньше, что на Аляске и в Калифорнии уже проголосовали и по данным ЦИК там с убедительным преимуществом побеждает партия «Единая Россия». Или приехал бы к нам Шварценеггер... Нет, не приехал бы – срочно прилетел. Его бы вызвали в Кремль для отчета. Устроили бы выволочку за отвратительные дороги, за безумные цены на газ в Лос-Анджелесе, за прорыв канализации и разгул гей-пропаганды в Сан-Франциско и направили главой администрации в какой-нибудь, прости Господи, Урюпинск-на-Амуре. И никто не стал бы нам тыкать в глаза этой чертовой Силиконовой долиной. Ну, не уродился там горох, не уродился. В следующем году посеяли бы овес пополам с кукурузой. Шойгу бы и посеял. Кому же, как не ему...

Иван Александрович Кусков после выхода в отставку вернулся в Тотьму. Он был тогда в звании коммерции советника. Таких советников тогда в империи было всего пять, но... он вернулся в Тотьму и через три месяца заболел и умер. Похоронили его на кладбище Спасо-Суморина монастыря. Теперь там кладбища нет, а есть футбольное поле.

Негде было играть тотьмичам в футбол при советской власти – вот они и... Надгробия, правда, не выбросили, а поступили с ними по-хозяйски – заложили в фундамент строящейся бани. Но памятник Кускову все же есть. Новенький, с крестом, чугунными цепями, якорем, выкрашенным черной краской и четверостишием про «оскаленные берега Аляски». С портретом Ивана Александровича и парусным кораблем на гранитной плите. Поставили его в укромном углу, за полуразрушенным монастырским корпусом. Есть в Тотьме и музей Кускова, в том самом доме, в котором он провел три последних месяца своей жизни. Бревна, из которых сложен дом, считай, что все новые, но одно, а может и два, из тех самых, которые были при Кускове. Так сказали сотрудникам музея реставраторы из Вологды. А которые те бревна – не показали...

Кусков как-то писал своему другу и учителю Баранову, управляющему Российско-Американской Компании: «Служить на пользу Отечества – есть ли в нашей жизни большая награда, Александр Андреевич. Что для тебя, что для меня. Тем и живем, тому и рады бываем. Иной жизни для себя не мыслю...» Положа руку на сердце – много ли сейчас найдется людей, способных такое написать в частном письме? Не в газете, не с трибуны прокричать, не на предвыборном митинге, а в частном письме, о котором не узнает ни живой журнал, ни фейсбук. Еще и существительное Отечество написать с прописной, а не со строчной буквы.

На память об Америке остались Тотьме несколько бегущих по синим волнам северного неба белых, как облака, храмов, выстроенных в стиле «тотемское барокко», да изображение черной американской лисицы на гербе города.

От нескольких столетий солеварения осталось куда как меньше – название гостиницы «Варницы», фрагменты деревянной рассолоподъемной трубы в краеведческом музее, маленький бальнеологический санаторий-профилакторий неподалеку от Тотьмы и еще один побольше в селе имени Бабушкина. Лечат там соляными ваннами, сбором грибов, ягод, а зимой еще и лыжами. Чтобы отдыхающие не скучали, возят их на экскурсии в тотемские музеи. В Тотьме на десять тысяч жителей пять музеев. Едва ли где в России, да и не только в ней, найдется город, в котором на каждые две тысячи жителей приходится один музей. Тут тебе и музей мореходов, расположенный во Входоиерусалимской церкви[1], и дом-музей Кускова, и музей церковной старины, и поэта Рубцова, уроженца здешних мест, и, наконец, краеведческий, в котором одном многие тысячи интереснейших экспонатов[2].

Краеведческий музей в Тотьме не только музей, но и организатор фестиваля «Город детства на Царёве»[3]. Фестиваль этот устраивают каждые два года для детдомовских де-

[1] Музей туда въехал не сразу после того, как при советской власти храм закрыли. Долгие годы там был винзавод, и от него в экспозиции музея осталась машина для закрывания бутылок. В одиннадцатом году краеведческий музей, благодаря титаническим усилиям своего директора, выиграл грант и все два миллиона семьсот тысяч, полученные по этому гранту, были отданы на реставрацию Входоиерусалимской церкви. Об этом, конечно, нужно писать заглавными буквами и не в примечаниях.

[2] Взять, к примеру, такой экспонат, как бивень мамонта. Редкий российский провинциальный музей без него обходится. В тотемском краеведческом их два! Еще и череп мамонта с сохранившимися перегородками для мысли. У мамонта, как известно, в голове помещалась всего одна мысль, но довольно больших размеров, и думать ее всю сразу он не мог. Он думал ее последовательно, частями. Для того в мозгу и существовали перегородки, которые сохранились в очень немногих черепах мамонтов. Тотемский экземпляр – один из них. В музее есть еще и нижняя мамонтова челюсть. И жемчужина палеонтологической экспозиции – молочный зуб мамонтенка. И это не все. В одном из залов музея стоит в полный рост чучело огромного медведя. Знаменито оно тем, что на правой верхней лапе у него нет одного когтя. Нет, это не охотники взяли коготь себе на память. По старинному поверью женщине, которая никак не может выйти замуж, помочь это сделать может только медвежий коготь с правой верхней лапы, который нужно постоянно носить с собой. Признался мне экскурсовод, что недосмотрели они. Спилил кто-то коготь. Вернее сказать, спилила. Может, уже и замуж вышла, а коготь отдала той, кому он нужнее.

[3] Царёва – приток Сухоны.

тей и детей из малообеспеченных семей Вологодской области. Заканчивается праздник выпуском в небо воздушных шариков. Сколько участников – столько и шариков. Шарики не простые, а волшебные. Если загадать желание и отпустить в небо шарик, то оно непременно исполнится. Но сначала организаторам надо купить шарик, наполненный гелием. Для того чтобы купить шарик, наполненный гелием, нужны деньги, и тут сколько желаний не загадывай, а они в карманах волшебным образом не появятся. Делать нечего – идут сотрудники музея с протянутой рукой к местному купечеству.

– Ну и как купечество? – спросил я у музейного экскурсовода Светы. – Не оскудевает его рука?

– Жаднючие! – в сердцах выпалила она и тут же спохватилась: – По-разному бывает. Ходили мы к одному богатому, у которого и дом большой, и машина дорогая, и дочь в Москве платно учится, двести тысяч за один семестр. Он нам сразу так и сказал: – Не дам, и не приходите ко мне больше. Другой направил к жене. Мол, благотворительностью она у меня занимается. Пришла я к его жене, а та мне: – Попрошайки! Как вам не надоест-то просить? – Пришлось снова вернуться к ее мужу. Дал он денег. Немного, но дал. На десять детских подарков хватило. Ну, а с шариками такая история. Пришли мы к продавцу шариков. Каждый шарик стоит шестьдесят рублей. У нас сто детей в прошлом году было участников. Вот и считайте. Даром он нам не отдал, но уговорили мы его продать по сорок. Тоже экономия. Есть, правда, у нас и другой спонсор. Он живет в Вологде, но сам наш, тотемский. У него в Тотьме магазины. Он и детскому дому помогает нашему, и церкви, и нам денег сразу дал – мы и попросить толком не успели. Сколько попросили – столько и дал. Он меня еще удивил тем, что пришел в музей и заказал экскурсию. Хочу, говорит, познакомиться с музеем. Просто так. Для себя. Вот только просил своей фамилии никому не раскрывать.

В одном из залов музея увидел я необычайной красоты рисованные программки театральных спектаклей местного народного театра. Оказалось, что рисовал их тотьмич Феодосий Вахрушов. Ученик Ильи Репина, обладатель нескольких серебряных медалей Академии Художеств, он после известных событий семнадцатого года прошлого века вернулся в Тотьму и уж более из нее не уезжал. Вахрушов был страстным театралом и не только рисовал афиши, но и с удовольствием играл в любительских спектаклях. Тут бы надо вздохнуть и сказать, что нет уж того театра... Да, того нет. Зато есть новый. Даже два. Как оказалось, Тотьма живет бурной театральной жизнью. Все предыдущие полтора века театральной своей истории Тотьма обходилась одной труппой, а несколько лет назад произошло мучительное деление... или умножение... Короче говоря, молодежь создала свою труппу, в которой блистает журналистка «Тотемских вестей» Евгения Румянцева. Тотьмичи, однако, с удовольствием ходят на спектакли и старого и нового театра. А вот с оркестрами получилось наоборот. В начале прошлого века в Тотьме их было три, а теперь остался всего один, но зато играет он...

Кстати, о театральных афишах. В городском сквере я увидел афишу спектакля «Утиная охота», а рядом с ней листовку, решительно призывающую прийти на митинг против произвола ЖКХ, который состоится на центральной площади. Рядом висела еще одна, предлагающая не отвлекаться ни на спектакли, ни на митинги, а поехать всего за полторы тысячи рублей в шоп-тур, в столицу текстиля город Иваново и приобрести там практически даром трикотаж, подушки и одеяла. Чуть правее и ниже ветер трепал наполовину отклеившийся и полинявший от дождей листок, на котором была напечатана на цветном принтере фотография красивой девушки с длинными волосами и приписано: «Внимание! Пятнадцатого июня, восемнадцать лет назад родилась эта чудесная девушка по имени Света. Приметы: высокая стройная блондинка с голубыми глазами, ослепительной улыбкой и открытой душой. Если вы встретите эту девушку, обязательно, слышите, обязательно поздравьте ее с днем рождения!» Неподалеку от сквера розо-

вые облака цветущей на месяц позже московской сирени сгущались над домом номер восемь. Дом, как было написано на прикрепленной к нему табличке, окружен «лучшей придомовой территорией» с тремя большими цветочными клумбами, фигурно огороженными вкопанными наполовину в землю пустыми пластиковыми бутылками из-под разноцветных фант, спрайтов и пива. Мимо клумб ехали на велосипедах двое мальчишек лет шести-семи и рычали изо всех сил, подражая мотоциклам. В квартале от дома номер восемь, в церкви Рождества Христова, стоял, пронизанный золотыми иголками солнечных лучей, зеленый дух свежескошенной травы, принесенной туда к Троице. Над храмом, над Сухоной, над Тотьмой высоко-высоко в небе летел самолет. Тотьма такая маленькая, что самолеты пролетают над ней, не притормаживая даже на минутку. Оттуда, с самого верху, Тотьма похожа на детский секретик. Эти секретики с блестящими фантиками и цветами во времена нашего далекого детства девчонки устраивали в земляных ямках под осколками стекла, а мальчишки находили и разоряли. Теперь везде асфальт, и мест для таких секретиков почти не осталось, но в глубине вологодских или костромских или архангельских лесов их еще можно найти. Найдете – любуйтесь. Только не разоряйте[1].

Козьмодемьянск

Туристу в Козьмодемьянск хорошо не приезжать, а приплывать по Волге. Если плыть из Москвы в Астрахань, то после Чебуреков, Чемоданов, Чебурашек и немного не доходя до Чебоксар – как раз и будет Козьмодемьянск. С раннего утра на пристани ждут теплоход местные жители с вяленой чехонью и копченым лещом, глиняными свистульками, колокольчиками, магнитиками на холодильник, французскими духами в розлив, вареными раками, плетеными корзинками, малиной, черникой и клубникой в пластиковых стаканчиках и ведерках, пирожками с картошкой, рисом, луком и яйцом. Ждут туристов и экскурсоводы. Как только под громкие, пронзительные крики теплоходных массовиков-затейников их выведут на набережную, построят в колонны, оторвут от копченых магнитиков, вяленых колокольчиков, лещей с рисом, яйцами и картошкой, глиняных раков, плетеных корзинок, полных французской малины, черники и клубники в розлив, тех, кто уже успел до них дорваться, – тотчас же, не давая опомниться и устремиться к новым неизведанным прилавкам, ведут в первый из четырех городских музеев.

Художественно-исторический музей Козьмодемьянска – вместе и картинная галерея и краеведческий музей. Галерея он потому, что в самый разгар гражданской войны казанские художники организовали Волжско-Камскую передвижную выставку с целью «приблизить искусство к народу». По мере того, как искусство приближалось к народу, к Козьмодемьянску, в котором остановилась выставка, приближался фронт. В Казань было возвращаться опасно, да и в Нижний плыть с картинами было, мягко говоря, неостроумно. Решили переждать месяц-другой. Потом третий-четвертый. Через год художник Григорьев, кстати, уроженец Козьмодемьянска, на основе передвижной выставки, в которой были полотна Айвазовского, Левитана, Репина, Поленова, Шишкина и

[1] На самом деле рассказ о Тотьме можно было продолжать, но я понял, что чем больше о ней рассказываешь – тем больше остается нерассказанного. Рамки короткого рассказа гнутся, трещат и никак не вмещают множества интересных фактов из истории Тотьмы, пусть они и не имели большого значения как, например, история о том, что в начале прошлого века в городе работал специализированный магазин по продаже фотоаппаратов фирмы «Кодак». Да сейчас и в Вологде, поди, не найдешь специализированного магазина по продаже фотоаппаратов. Или легенда о том, что царь Петр пил чай из серебряного ковша на огромном ледниковом валуне под названием «Лось», лежащем посреди Сухоны. Ковш он этот потерял, напившись чаю до бесчувствия, и с тех пор каждый, кто приезжает в Тотьму…

Маковского из частных собраний Казани, создает музей. Еще через два года исполком Козьмодемьянского уездного Совета со всей пролетарской решительностью постановляет «ввиду усиленной работы в области народного образования и как основателя музея тов. Григорьева, местный городской музей именовать музеем имени тов. Григорьева Александра Владимировича». Когда в тридцать восьмом году Григорьева, к тому времени одного из создателей и председателя Ассоциации художников революционной России, отправляют на восемь лет в лагеря, у музея его имя отбирают. В пятьдесят четвертом году Григорьева реабилитируют, в шестьдесят первом хоронят на Новодевичьем, и через пять лет возвращают музею его имя. После того как Григорьев вышел из Карлага, он жил в Тарусе и зарабатывал себе на жизнь тем, что писал вывески для столовых и закусочных. В художественной галерее Козьмодемьянска есть картины Григорьева, а вот вывесок нет ни одной. Понятно, почему их нет, но... жаль.

В краеведческом отделе музея все точно так же, как и в краеведческом отделе музея Галича или Мурома, или Весьегонска – непременные бивни мамонтов, позеленевшие от времени ископаемые самовары, прялки, швейные машинки «Зингер», пушечные ядра, чучела волков, лосей, сов, стрельца в красном кафтане, граненые аптекарские пузырьки позапрошлого века, столетний ржавый аппарат для тайного голосования шарами и статуэтки пляшущих под гармонь мужиков то ли кузнецовского, то ли поповского фарфора. Раз уж зашла речь о статуэтках, то надобно признаться – более всех мне понравилась та, что называлась «Конь в пальто», представлявшая белого коня в черных круглых очках и бордовом пальто, из кармана которого торчит журнал «Огонек». Впрочем, никакого отношения к фарфору она не имела, была сделана из пластмассы, толстого сукна, проволоки и стояла в зале современного искусства.

Но вернемся к истории Козьмодемьянска. Когда в середине шестнадцатого века Иван Грозный плыл из покоренной Казани в Москву, то у него, кроме французских духов в розлив, которых он на дух не переносил, и пирожки, и малина, и копченые лещи и казанские магнитики на кремлевский ледник – все было с собой, и он, может быть, и проплыл бы мимо того холма, на котором теперь стоит Козьмодемьянск, но уж больно место ему приглянулось. Так приглянулось, что повелел он заложить на холме крепость. Было это в канун праздника святых бессребреников Космы и Дамиана, а потому и городу дали имя Козьмодемьянск. Правду говоря, местные жители его между собой так почти никогда и не называют, а обращаются к нему запросто – «Кузьма».

В первые десятилетия своего существования был Кузьма... да одним названием и был. Только через три десятка лет воеводы Солнцев-Засекин и Туренин поставили на склоне холма острог и поселили в нем стрельцов и однодворцев. Под защиту нового острога... никто не рвался. Некому было. Вокруг стоял, как писали в документах того времени, «пустой черной дикой лес», в котором пошаливали черемисы, так и не смирившиеся с падением Казани. Немного погодя перевели из Свияжска ямщиков и поселили в этом черном, диком лесу под городом. За ямщиками стали приезжать командированные таким же командно-административным способом кузнецы, шорники, бондари, слесари, пекари и крещеные инородцы. Льгот переселенцам не обещали и, к примеру, шорникам не светило стать офф-шорниками, а обещали набеги черемисов, пожары и участие в военных походах против крымского хана. Жили не столько земледелием, сколько охотой, рыбалкой и лесоторговлей. Дичи в те времена вокруг Козьмодемьянска было столько, что одними только медведями можно было населить небольшой европейский город вроде Парижа или Лондона. И это не считая лисиц, куниц, белок, рысей, оленей, бобров, норок и даже горностаев. Ну, про рыбу и рассказывать нечего. Скажу только, что нынешние окунь, чехонь, плотва и синец были тогда вроде мелких млекопитающих в эпоху господства динозавров. Сидели себе тихо под корягами и дрожали, глядя на проплывающих мимо многопудовых осетров и стерлядей. Окуней, чехонь и плотву ловили

в те времена только детишки, старики, инвалиды да бабы на сносях. Настоящие рыбаки для того, чтобы показать размер выловленного осетра, становились в цепь и брались за вытянутые в стороны руки. Вот такой же был тогда и лес – могучие, высокоствольные дубы и неизвестно на какой высоте оканчивающиеся мачтовые сосны. Как увидел эти дубы и сосны Петр Алексеевич... так и стал Козьмодемьянск крупнейшим на Волге центром по заготовке леса для русского флота, а потом и вовсе второй после Архангельска российской лесоторговой биржей с многомиллионными оборотами. В Козьмодемьянске происходила смена бурлаков. Ветлужские сдавали огромные, до двухсот пятидесяти метров в длину, плоты волжским, пропивались до нательных крестов и нанимались на новую работу.

Теперь того леса нет. Мы построили из него фрегаты, корветы и бриги, показали крымскому хану и туркам кузькину мать и... Крыма тоже нет. Черт с ним, с Крымом, но леса жалко. Едешь сельскими дорогами по Козьмодемьянскому району, видишь старый одинокий дуб посреди поля и думаешь: – Повезло тебе. Не призвали по молодости на действительную флотскую службу. Не то бы ныряли сейчас за тобой искатели затонувших кораблей на дно морское.

Ну, а кроме корабельного леса известен был на всю Волгу Козьмодемьянск гнутой мебелью из черемухи, резными можжевеловыми палками, которые так и называли «козмодемьянками», да кружевными наличниками на окнах купеческих домов. В одном из таких домов теперь устроен музей купеческого быта на Советской улице. По случаю жары двери в нем распахнуты настежь, а из окна первого этажа, из маленького динамика тихонько поет Утесов про самовар, Машу и чай вприкусу. Трехцветный дубовый паркет в доме такого качества, что и сейчас, спустя сто с лишним лет после его укладки, не скрипит. И это при том, что до музея здесь в советское время был и райком комсомола, и редакция газеты, и даже квартиры. Ходишь между монументальных буфетов, граммофонов, жардиньерок, гнутых венских стульев, высоких зеркал в резных оправах, обеденных столов с самоварами и тонкими чашками на вышитых скатертях с бахромой и... руки чешутся проводить к выходу экскурсовода, затворить двери, пройти в гостиную, дернуть за шелковый шнурок колокольчика и велеть поставить самовар... Нет, сначала принести большую рюмку анисовой водки, паюсной икры в маленькой, запотевшей ото льда, хрустальной розетке, сливочного масла со слезой и горячий калач, а уж потом можно и крепкого чаю со сливками и собственноручно щипцами наколотым сахаром.

После рюмки анисовой, калача с маслом и икрой, чая со сливками... хочешь не хочешь, а надо идти в музей сатиры и юмора имени Остапа Бендера, который находится на площади имени Карла Маркса, бывшей Базарной. На этой же площади стоит, еще с конца семнадцатого века, часовня, построенная козьмодемьянскими стрельцами по обету, после того, как они вернулись живыми из Азовского похода. Часовне этой в прошлом веке, как и художнику Григорьеву, пришлось хлебнуть горя. Была она долгое время керосинной лавкой с разобранной крышей, но смогла, как и он, выжить.

Что же до музея, то можно в него и не ходить. В Козьмодемьянске любая кошка с собакой расскажут вам, что город был прототипом Васюков в романе «Двенадцать стульев»[1]. Каждое лето в Козьмодемьянске при большом стечении народа проводят

[1] *Экскурсовод, понизив голос, призналась, что, скорее всего, Васюки – это аббревиатура названий городка Васильсурска, деревни Юрино и самого Козьмодемьянска. Получается, что в названии «Васюки» только буква «к» принадлежит Козьмодемьянску, а Васильсурску целых три. Еще и первых. Потому-то Васильсурск до сих пор и не признал ни де юре, ни де факто права Козьмодемьянска на бренд «Васюки» и готов доказывать свои права хоть в Страсбурге, в суде по правам литературных героев. Козьмодемьянск со своей стороны утверждает, что только от него можно доплыть за одну ночь до Чебоксар на лодке, как это сделали Киса и Ося. Мало того, предъявляет в качестве неоспоримого доказательства наполовину сгнившие остатки деревянной лестницы, по которой спасался бегством великий комбинатор. Видел я эту лестницу – и правда, сгнила.*

фестиваль юмора с шахматным турниром и поиском бриллиантов в гарнитуре мадам Петуховой. Для конкурса выделяются даже настоящие бриллианты – колечко или сережки. Покупаешь себе на аукционе стул из гарнитура, разрываешь на нем обшивку и находишь... Если, конечно, повезет. Те, кому не повезло с бриллиантами, могут попытать счастья на тараканьих бегах, которые устраивает музей. Специальный сотрудник, отвечающий за их проведение, перед забегом ловит... нет, не тараканов, а лесных красно-черных клопов-солдатиков. Вот на них-то и делают ставки. Правда, в качестве выигрыша можно получить лишь буклет музея или какой-нибудь другой невинный сувенир.

Был на фестивале проездом даже «Аншлаг» во главе с Региной Дубовицкой. Народу собралось в тот год невообразимое количество. Невообразимое количество было страшно разочаровано тем, что никто из записных шутников и юмористов не выступил, а просто посидел на сцене. Надо сказать, что заезжие знаменитости Козьмодемьянск не балуют. По словам экскурсовода, сотрудницы музея купеческого быта, молодой и симпатичной девушки Нади, кроме «Аншлага» приезжал к ним однажды Аркадий Арканов и «Дискотека Авария». Вот, собственно, и все. Из культурных мест в Козьмодемьянске есть еще недавно построенный бассейн и Горномарийский драматический театр. Горномарийский потому, что город вместе с районом входит в республику Марий Эл. В театр молодежь... чаще в бассейн. В свободное от бассейна и работы время молодежь сидит с пивом на лавочках в городском саду или стоит с ним же на набережной Волги, или лежит, не выпуская его из рук, на городском пляже. Работа, к счастью, в городе есть. Если вытянуть в одну линию все электрические розетки, выпускаемые только за один год на Козьмодемьянском заводе электрических розеток и выключателей, то в них можно воткнуть такое количество вилок от утюгов, чайников, электробритв, телевизоров, компьютеров и кофеварок, которого у нас нет и вряд ли скоро будет. Такая же ерунда получается с выключателями. Ими можно выключить полстраны как минимум. Включая пенсионеров, которые и без того давно обесточены. Что же касается второго Козьмодемьянского завода, выпускающего автомобильные колодки и автомобильные предохранители, то ими можно затормозить и предохранить... Зарплата, правда, в Козьмодемьянске не то чтобы высокая. В среднем тысяч десять, а то и меньше. При стоимости однокомнатной квартиры в миллион с лишним... Подумаешь, подумаешь, да и подашься на заработки в Нижний или в Москву.

Но это уж темы вовсе не туристические. Туристу, перед тем, как вернуться к обеду на теплоход с грузом магнитиков, свистулек, колокольчиков, копченых лещей, вареных раков и французских духов, надо успеть посетить последний из городских музеев – этнографический. Туда же приезжают фотографироваться на фоне деревянных мельниц, курных изб и амбаров горных марийцев козьмодемьянские молодожены. На моих глазах подружки невесты принимали перед фотографом самые замысловатые позы, держа на вытянутых руках красиво вырезанное из пенопласта слово «счастье». На самом деле, если отложить в сторону пенопластовое счастье и разуть глаза, то окажется, что... пора возвращаться на пристань. Впрочем, если вы в Козьмодемьянск не приплыли, а приехали сами по себе и остановились в единственной в городе гостинице «Лада»[1], то можно и не торопиться[2]. Лучше купить ар-

[1] «Лада» находится в советских, верхних кварталах города, который теперь поднялся от исторического центра вверх по склону на самую вершину холма. Новые, дальние микрорайоны Козьмодемьянска местные жители называют «Кубой» и «Чили».

[2] В гостиницу лучше не возвращаться – летом там обычно не бывает горячей воды. Кондиционеров там нет круглый год даже в номерах люкс, а рассохшиеся оконные рамы открываются с трудом и противным стекольным дребезгом и уж после открытия не закрываются вовсе. Зато при гостинице есть ресторан «Горный», в котором по выходным празднуют свадьбы, и тамада с микрофоном до самого утра настойчиво предлагает гостям приобрести в пользу жениха и невесты куски свадебного торта с начальной ценой сто рублей. Когда цена за кусок с огромным трудом поднимается до ста пятидесяти рублей надо иметь большую выдержку, чтобы не встать с постели, не спуститься в ресторан в трусах и не крикнуть: «Что ж вы, суки, жметесь!», купить весь торт и заткнуть им рот тамады навсегда.

буз побольше, буханку свежего белого хлеба, который в Козьмодемьянске отменного качества, и пойти на Волгу купаться, а после купания уписывать арбуз с хлебом. Красный арбуз, голубое небо, синяя река, белые облака и такого же цвета теплоход, проплывающий вдалеке... Даже если у вас не окажется в кармане монетки, чтобы бросить в Волгу, то стоит вернуться еще раз, чтобы бросить ее и вернуться еще раз, чтобы еще раз бросить.

Васильсурск

Строго говоря, история Васильсурска начинается за год до его основания. Нехорошо начинается – с убийства русских купцов и великокняжеского посла Пожогина на Арской ярмарке в Казани в 1523 году. Иван Грозный, до рождения которого оставалось еще семь лет, никак не мог пойти и взять штурмом Казань, а потому пришлось этим заниматься его отцу, Василию Третьему. Тот выступил из Москвы с войском, но дошел только до Нижнего Новгорода, где и остановился, а дальше послал своих полководцев: воеводу Василия Немого и князя Бориса Горбатого-Шуйского. Немой плыл по Волге на барках, а Горбатый шел по берегу. До Казани они не дошли, справедливо рассудив, что лишать, пусть и не рожденного еще, Ивана Грозного такого трофея себе дороже. Судя по командировочным удостоверениям обоих воевод, выступили они из Нижнего двадцать седьмого августа, но уже через пять дней, первого сентября[1], в месте слияния Суры и Волги соединились и заложили крепость, названную ими в честь великого князя Васильевым Новгородом. Много лет спустя, превратившись в город, стала она именоваться Васильгородом и, в конце концов, Васильсурском. Местные жители называют его и вовсе Василем, а себя васильчанами.

Тут надобно сказать, что место, на котором основали Васильсурск, было, да и сейчас остается для горных марийцев, населявших эти места еще до прихода русских, особенным. Предания утверждают, что на вершине холма в незапамятные времена стояла марийская цитадель под названием Цепель, и был внутри этой цитадели замок марийских князей. Может, и стояла. Может, и был. Остатки валов и рва есть, но поскольку никаких письменных свидетельств, по причинам отсутствия у древних марийцев письменности, не сохранилось... Как бы там ни было, а каждый год, одиннадцатого сентября, в день усекновения главы Иоанна Предтечи окрестные марийцы в белых одеждах собираются на вершине холма для совершения своих языческих обрядов в честь бога Кугу-Юмо. Поклоняются священному Супротивному ключу и приносят жертвы священной сосне на берегу Волги. Почему в день усекновения главы Иоанна Предтечи? Да потому, что марийцы еще и православные. Иронизировать по этому поводу я бы не стал. Поздравляет же партия коммунистов всех с праздником Пасхи, совмещая это с регулярными ритуальными посещениями мавзолея. Вот только с белыми одеждами у них... Впрочем, к Васильсурску это все не имеет никакого отношения.

Первые годы своего существования Васильсурск жил обычной жизнью прифронтовой крепости. То казанские татары набегут и все пожгут и разграбят, то русские стрельцы учнут стрелять из пушек и пищалей в сторону Казани, то Волга с Сурой устоят такое наводнение или оползень, по сравнению с которыми происки Казани покажутся детскими игрушками. Крепость была местом обмена военнопленными и, что не менее важно, – местом торговли, поскольку Василий Третий запретил русским купцам ездить в Казань на ярмарки, а торговать на своей территории, которой и стал к тому времени Васильсурск. Правда, казанцы об этом не знали и дважды в тридцатых годах шестнад-

[1] *День города, однако, празднуют в Васильсурске не первого сентября, как можно было бы подумать, а в середине августа из-за просьб семейных дачников, у которых первое сентября занято другим праздником.*

цатого века умудрялись брать штурмом и разорять крепость, которую, в конечном итоге, от греха подальше, перенесли на вершину холма. С основанием Иваном Грозным крепости Свияжск возле самой Казани, а потом и взятием самой Казани, Васильсурск получил передышку, которая переросла в длительный отдых и даже в беспробудный сон. Иван Грозный все же успел посетить Васильсурск и отведать сурских стерлядей, которым, по словам царя, даже волжские в подметки не годились. Восхитили его и специальным образом засоленные в тыквах огурцы до такой степени, что повелел Государь всегда поставлять их к царскому столу[1]. Вместе с сурскими стерлядками, конечно. Теперь об этих сурских стерлядях не помнят даже те, которые слышали рассказы о них от внуков тех, кто видел правнуков тех, кто ловил, но не смог поймать. Ко дню города в нынешнем году местный умелец делает макет царской рыбы из раскрашенного картона.

К тому времени, когда в Васильсурск пожаловал Петр Первый, город спал и видел десятый сон. От многочисленного гарнизона стрельцов в крепости оставалось не более четырех-пяти десятков, а торговля не то чтобы не цвела, но даже и не делала усилий, чтобы образовать для этого побеги. Петру Алексеевичу было, понятное дело, не до огурцов – на носу был Азовский поход, но проехать мимо такого количества высокосортного корабельного леса он не мог и тотчас же его объявил заповедным. Мало того, еще и каждое дерево приказал пометить специальным клеймом. Тут бы ему уже и отдохнуть и поесть стерляжьей ухи с огурцами, но легенда утверждает, что царь успел перед самым отплытием в Казань посадить дубовую рощу. Неугомонный Петр успел еще и пригласить в Россию двух то ли голландцев, то ли немцев для того, чтобы обучать местных жителей лесному хозяйству. Они и приехали в Васильсурск, но уже после смерти Петра Алексеевича, который, кабы чудесным образом воскрес, не преминул бы им ноздри вырвать и сослать в Сибирь за самовольную рубку вековых дубов и сосен в заповедных лесах с целью, как говорится, личного обогащения. Рубили хитро – проплывающему по Волге не видно было ничего, но стоило зайти внутрь заповедной дубравы...

Собственно рубкой леса в те времена занимались специальные люди – лашманы. Проще говоря, лесорубы в переводе с немецкого. Лашманов по правительственному указу набирали из татар, мордвы и чувашей крепкого телосложения. С той поры остались в Васильсурске лашмановские мостки, фамилии Лашмановы, да еще лашмановскими называют особенно крупных тараканов.

Приезжала в Васильсурск и Екатерина Вторая. Вернее, приплывала на одиннадцати красиво изукрашенных ~~желтых ладах калинах~~ галерах. Местные огурцы не удостоила даже и взглядом – у нее были свои, нежинские. Отобедать все же изволила и уплыла вниз по реке, возведя город в ранг уездного, дав ему имя Василь и герб в виде «основания корабельной кормы в знак того, что в окрестностях сего города заготовляются лучшие корабельные леса». При сыне ее, Павле Петровиче, который тоже проплывал с сыновьями Сашей и Костей мимо и остановился перекусить, городу вернули часть земель, отписанных в наказание за то, что васильчане во время бунта под предводительством Степана Разина присоединились в полном составе к войску злодея. А вот Пушкин через Васильсурск уже не проплывал, но проезжал, собирая материалы к истории Пугачевского бунта. Александр Сергеевич остановился на ночлег на постоялом дворе в пригородной слободе Хмелевка. В своей записной книжке он помечает: «Васильсурск – предание о Пугачеве. Он в Курмыше повесил майора Юрлова за смелость его обличения – и мертвого секли нагайками. Жена его спасена его крестьянами. Слышал от старухи, сестры ее, живущей милостынею». Майора Юрлова у нас знает каждый ребенок под

[1] Признаться, за годы путешествий по нашей провинции не раз слышал я подобные истории именно об огурцах. Если собрать все огурцы, которые понравились Ивану Грозному, Петру Первому и Екатерине Второй в русских провинциальных городках и которые приказали они поставлять к своему царскому столу... Когда они успевали в промежутках между огурцами съесть хотя бы корочку хлеба, не говоря о стерляди, – ума не приложу.

именем капитана Миронова. Вот и получается, что здесь, на постоялом дворе Васильсурска, и был исток нашей «Капитанской дочки». Вот здесь и нужен памятный знак с выбитой на нем записью из записной книжки. Вот здесь и должны принимать в пионе... Ну, хорошо. Пионеры – это все же чересчур. Пусть хотя бы проплывающие мимо теплоходы с туристами причаливают к пристани Васильсурска. Правда, для этого нужно сначала построить пристань...

Не будем, однако, заплывать вперед. Вернемся в девятнадцатый век, который был для Васильсурска золотым. Рыбной торговлей в городе занимались купцы Дюжаковы. За пятьсот рублей в год они арендовали Волгу выше и ниже города и три десятка рыбаков, а четыре буксирных парохода и несколько барж обеспечивали им торговлю рыбой не только в Василе, но и по всей Волге. Купец Беломойкин[1] держал почтовую станцию. Ежедневно только в Москву с письмами и посылками уходила дюжина троек, а в Казань три. Звон от колокольчиков стоял такой, что слышно было даже на противоположном берегу Волги. Да что берегу – из самих Чебоксар присылали нарочного просить сделать потише. В городе было две гостиницы – Беломойкина и Порозенкова. Переночевать в них стоило всего тридцать копеек. У Беломойкина на третьем этаже гостиницы был клуб с бильярдом, сигарками, кофе и ликерами в маленьких рюмках, а у Порозенкова зато порция котлет или селянки стоила всего тридцать копеек и к ней рюмка водки за пятачок, две пары чаю за двенадцать копеек и стакан глинтвейна для тех, которые «хочут свою образованность показать», за все те же три гривенника. Рядом с гостиницей Порозенкова был магазин, в котором торговали икрой, белорыбицей, табаком и фруктами. В красивом трехэтажном здании с часами находилась аптека, принадлежавшая в конце позапрошлого века Абрамовичу, а в начале прошлого Натальсону.

Была в Васильсурске и типография, и бумажная фабрика, которая производила до четырехсот пудов разных видов бумаги в сутки. Любая собака и даже кошка в Васильсурске скажет вам, что именно в клубе этой фабрики проходил шахматный турнир, устроенный великим комбинатором. Что же до остатков лестницы, по которой Остап спасался бегством, то в Васильсурске их больше, как минимум, на один, чем в Козьмодемьянске.

В конце девятнадцатого века и в начале двадцатого Васильсурск, благодаря красоте своих пейзажей, стал дачной Меккой для художников и писателей. Приезжали сюда на этюды и Репин, и Шишкин, писавший здесь корабельные сосновые рощи, и Левитан. Мало кто знает, что именно здесь, а не в Плёсе, происходили события, описанные в чеховском рассказе «Попрыгунья». До семидесятых годов прошлого века на Покровской улице стоял неприметный, крашеный суриком дом, в котором жила Ольга Ивановна Дымова с художником Рябовским. Последний, как известно, имел прототип в лице друга Антона Павловича, Исаака Ильича. В первом краеведческом музее Васильсурска, разграбленном еще в двадцатые годы, кажется, даже была грубая деревянная тарелка, из которой Рябовский ел щи. К сожалению, и сам дом не сохранился тоже. Его и почти всю Покровскую улицу с красивыми купеческими домами, спускавшимися с вершины холма к Волге, разрушил оползень семьдесят девятого года. Теперь по обеим сторонам бывшей Покровской улицы, успевшей побывать при советской власти и Октябрьской, и улицей имени 25-летия Революции, растут лопухи и крапива.

Приезжал отдыхать в Васильсурск и Горький вместе с женой и сыном. Здесь он писал «Фому Гордеева». Кроме жены и сына матерый человечище привез с собой огромные гусли, подаренные ему в каком-то из марийских сел. Бывало, надоест ему бумагу и чернила переводить, возьмет он гусли, заберется на самый верх холма и давай в три горла петь про то, как над седой равниной моря ветер тучи собирает, а между тучами и

[1] *Потомки его и сейчас живут в Васильсурске.*

морем гордо реет... и тут как раз жена пришлет маленького Максимку звать буревестника к обеду.

Гусли Горького зачем-то уцелели и висят на стене нынешнего, третьего по счету, краеведческого музея. Правда, без струн. В музее тихо. Только половицы скрипят. Еще бы им не скрипеть, если деревянному зданию почти полтора века, а ремонт в последний раз делали тогда, когда на гуслях Горького были целы струны. Денег на ремонт... Как почти везде в провинции. Правду говоря, и сам Васильсурск теперь не город, а поселок городского типа. Просто поселок, которому в этом году четыреста девяносто лет. На его ремонт тоже нет денег. Жителей осталось в Васильсурске чуть больше тысячи. Это летом, когда приезжают дачники и возвращаются те, кто уезжал на заработки в другие города, а зимой не более шестисот. Медсестры, к примеру, едут в Москву ухаживать за лежачими больными. За месяц можно заработать тысяч тридцать. По местным меркам хорошие, и даже очень, деньги. Те, кто остаются... У Елены Сергеевны, экскурсовода в музее, зарплата минимальная. Четыре тысячи шестьсот рублей. Из этой зарплаты надо отдать полторы за оплату коммунальных услуг. Три тысячи и огород – вот все ее доходы. Иногда она выходит из музея на улицу и уговаривает местную молодежь пойти в музей на экскурсию. Бросьте, говорит, пиво – в музее интереснее. Денег за экскурсию не возьму. Бесплатно расскажу. Впрочем, и платно в Васильсурском музее, считай, бесплатно – пятнадцать рублей для взрослого и десять за ребенка. Редко, но бывает так, что идут, а чаще крутят пальцем у виска. На самом деле, не крутят, а говорят. Интересуются ее психическим здоровьем. Она все равно их уговаривает.

Болеть ей нельзя. Лечить здесь особенно некому. Лечиться лучше в райцентре Воротынец, а он на другом берегу Суры. Туда, конечно, ходит паром летом. Раз пять, кажется, за день. Паром частный. Билет стоит сто рублей в один конец. Не наездишься. Не то что раньше, когда билет до Нижнего на «Метеоре» стоил трешку. Зимой паром не ходит. Зимой сотрудники местного отделения МЧС проверяют крепость льда и ставят там, где можно идти, еловые ветки. Вот по этим вешкам васильчане и переходят Суру. Там километра два или около того. Это с одной стороны плохо, а с другой хорошо. Если бы не Сура, то оставшихся в поселке семь десятков детей возили бы на автобусе в Воротынец, а школу закрыли.

Музей находится в одном доме с поселковым домом культуры. Они дружат. У дома культуры история болезни почти такая же, за исключением танцев. Танцы – это основной источник доходов. Билет на танцы стоит двадцать рублей. Вчера на танцы пришло двадцать человек. За сезон Анна Федоровна, директор дома культуры, мечтает набрать денег и купить два десятка килограммов краски и покрасить пол в фойе, где проходят занятия детской танцевальной студии. Она просила у администрации десять тысяч на ремонт туалета. Не дали. Не дали денег и на костюмы детям. Но они не унывают. Анна Федоровна сама сшила им костюмы из... да буквально из ничего и сшила. Красиво получилось. Теперь на каждый танец у детей новые костюмы. Вместе с библиотекой дом культуры и музей дают театрализованные бесплатные представления. В школе, в поликлинике, в Доме милосердия, где живут одинокие пенсионеры из Васильсурска и района. Дети танцуют, Елена Сергеевна рассказывает об истории Васильсурска, а библиотека придумывает сценарии выступлений. Еще и хор «Сударушка» поет. Он, правда, за последние годы сильно поредел. Поумирал, считай, почти наполовину. Жаль, пристани нет. К пристани бы причаливали теплоходы с туристами. Вот как в Козьмодемьянске[1]. В Васильсурске и рыба, и ягоды, и грибы куда как дешевле и лучше, а уж про красивые пейзажи и говорить нечего. Рыба у них еще ого-го какая. Нет, не стерлядь – про нее нечего и говорить, а щуки бывают пудовые. Крокодилы, а не щуки. Только бы пристань

[1] *Козьмодемьянск, с его средней зарплатой в десять тысяч, представляется из Васильсурска землей обетованной.*

для туристов построить, а они уж и расскажут, и споют, и станцуют, и денег на ремонт музея и краску для полов танцевальной студии заработают.

Я смотрел на них и думал, что если бы в день музейных работников или в день заведующих провинциальными домами культуры эти самые музейные работники и заведующие домами культуры собирались бы в парках, купались в фонтанах, шумели, приставали к прохожим на предмет проведения экскурсий... слова не сказал бы.

Прощальный взгляд со стороны Суры на Васильсурск бросить не удастся. Некуда его бросать. То, что осталось от города, вернее, от поселка, прячется на холме среди деревьев. В прошлом, когда к городской пристани с холма спускалась Покровская улица с купеческими домами, можно было. В прошлом, когда к пристани Васильсурска причаливали пароходы, буксиры и баржи. В прошлом, которое могло бы стать настоящим, но не стало.

Лух

Лух – маленький, сонный поселок городского типа в три тысячи душ на берегу маленькой, домашней и почти ручной реки Лух. Маленький Лух впадает в Клязьму, а Клязьма в Оку, а Ока в Волгу, а Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено, а лето не то, что зима. Зимою нужно печи топить, а летом и без печей тепло. В многоквартирном (по местным меркам), на полтора десятка квартир, доме, в котором живет директор лухского краеведческого музея Галина Ивановна Ширшова, зимой топят углем. У каждого есть свой маленький котел в квартире. Даже не котел, а котелок. Раньше ей хватало на зиму тонны две с половиной угля, а теперь и трех хватает еле-еле до апреля. Раньше Лух окружали леса, а теперь их осталось мало и, судя по тому, с какой любовью к наживе их вырубают, будет еще меньше. Раньше ветер застревал в верхушках огромных сосен, пышных кронах берез и лип, а теперь продувает Лух насквозь. Раньше Лух был городом и даже столицей удельного княжества, а теперь...

Если честно, то хиреть Лух стал давно. Так, чтобы приезжали в него и переворачивались самосвалы с пряниками... нет, этого не было. Татары в пятнадцатом веке приходили без них. Поляки в начале семнадцатого тоже вместо сладкого принесли железное и острое. Кстати, железное и острое в виде сабель и кинжалов, которое они побросали при отступлении или вовсе выронили перед тем, как отдать Богу душу, хранилось в Лухе и даже попало в экспозицию первого народного лухского музея, организованного в семидесятых. Потом забрали эти сабли в областной музей, в Иваново, и обратно... Нет, если поляки опять сунутся, то сабли, конечно, населению раздадут, а пока...

Во второй половине семнадцатого века, когда Луху было две с половиной сотни лет, он уже был местом ссылки. Сослали в него бывшего управляющего Посольским приказом опального ближнего боярина Артамона Матвеева. Из Луха Матвеев уехал в Москву по приказу Петра Первого. Правда, всего на четыре дня. Зарубили Матвеева взбунтовавшиеся стрельцы. Теперь в Лухе проезжающим показывают «дом Матвеева». На самом деле, это дом купца Попова, который жил позже, но... В Москве будете придираться. Там домов, в которых жили и живут бояре, хоть пруд пруди, а в Лухе, после отъезда Матвеева, из ближних бояр, почитай, и не был никто. Даже опальные норовят проехать мимо.

В конце восемнадцатого века Лух из уездного города Костромского наместничества по указу Павла Первого превратился в заштатный. Жизнь немногочисленных горожан, многочисленных кур, гусей и коров это событие уже не могло переменить ни в какую сторону. Они продолжали пасти гусей, доить коров и выращивать знаменитый лухский лук, который был так хорош, что сам Иван Грозный не садился за стол, пока ему не

подадут на специальной золотой тарелочке ядреной лухской луковицы. Выпьет царь сладкой анисовой водки или многолетнего сыченого меда, понюхает луковицу, присолит, откусит и аж заколдобится...[1]

Лук выращивают в Лухе и по сей день и каждый год устраивают праздник лухского лука. Пекут пироги и оладьи с луком, соревнуются в том, кто больше сможет нарезать лука, пролив при этом меньше всех слез. Мало кто, кроме луководов, знает, что слеза от лухского лука не только много крупнее и прозрачнее слезы, скажем, от ростовского, астраханского или тамбовского[2], но и самая горючая. Температура ее воспламенения почти не отличается от комнатной.

На этом месте читатель, быть может, зевнет и подумает, что лук – это все, чем может гордиться маленький Лух. Прибавить к луку два или три храма, колокольню, здание торговых рядов, вид с невысокого берега на реку, такую уютную и домашнюю, что, кажется, она аккуратно протекает между спальней и гостиной, и тогда уж точно будет все. Нет, не все. Мало кто... Да почти никто и не вспомнит теперь, что Лух, маленький сонный Лух, есть родина электросварки. Не Тула с ее левшами, не Петербург или Москва с их бесчисленными фабриками и бесчисленными дымами из бесчисленных труб, не Урал с рудой, домнами и адовым железным лязгом, не Германия с дотошными инженерами и их подробными чертежами, не Америка с эдисонами и фордами, а тихий, незаметный Лух, в котором жил и работал во второй половине позапрошлого века Николай Николаевич Бенардос – выдающийся русский изобретатель и инженер.

Николай Николаевич не собирался жить в Лухе, а приехал сюда, в родовое поместье своей матери, выяснить кое-какие хозяйственные вопросы и вернуться в Москву, но влюбился в Лух, в окрестные сосновые леса, в речные дали, а пуще всего в дочку хозяина лухского постоялого двора Анну Лебедеву. Долго не думал – бросил учебу в Петровской сельскохозяйственной Академии, женился, построил усадьбу «Привольное» в двенадцати верстах от Луха и завел передовое по тем временам хозяйство. Не убыточное, как чеховский Алехин или толстовский Левин, а прибыльное и на самой что ни на есть научной основе. В Юрьевецком уезде, к которому был приписан Лух, такого больше не было. Построил школу для крестьянских детей, завел библиотеку и медицинский пункт, обучал мужиков слесарному и токарному делу. Тем, кто во время обучения разучивался пить, приплачивал по два рубля.

В «Привольном» Бенардос спроектировал и построил с помощью местных кузнецов опытную модель парохода, который мог преодолевать речные перекаты, мели и обходить мельничные плотины по суше. Этот пароход проплыл и прошагал по реке Лух и Клязьме до самого Гороховца три сотни километров, а потом был доставлен в Петербург, где... не вызвал совершенно никакого интереса у чиновников. Ежели кто думает, что Николай Николаевич так огорчился, что перестал изобретать... Кроме парохода он изобрел машинку для приготовления мороженого, пароходное колесо с поворотны-

[1] Если верить рассказам экскурсоводов в наших провинциальных музеях, то выходит, что Грозный только и делал, что пробовал стерлядей и соленые огурцы из Васильсурска, ряпушку из Переславля, яблочную пастилу из Белева или Одоева, масло из Вологды, икру и осетрину из Астрахани, беляши из Казани, фаршированную щуку из Бердичева...** и заедал все это лухским луком. Между прочим, еще Сигизмунд Герберштейн или Адам Олеарий в своих записках о путешествии с посольством в Россию отмечали, что дворец русского царя в Кремле насквозь пропах жареным луком. Вот только они не знали, что лухским.*

**Экскурсоводы Белева и Одоева царский стол поделить не смогли. И Белеве и в Одоеве уверяли меня, что Иван Васильевич любил яблочную пастилу именно из их города.*

*** Ну, был во времена Ивана Грозного Бердичев под поляками, был. Царю эту фаршированную рыбу в Москву доставляли скрытно подьячие Приказа Тайных дел.*

[2] От тамбовского, по правде говоря, и вовсе не бывает слез, потому как он – картошка. Про зеленый и полосатый астраханский и говорить нечего.

ми лопастями, паровую кастрюлю, коробку для консервов, кран для умывальника, снаряд для перевозки дров и других тяжестей, на который получил патент и благодарность из Сельскохозяйственной академии Санкт-Петербурга, подсвечник для свечей Яблочкова, велосипед со взрывчатым двигателем[1], керосиновый самовар, ружейные патроны для дроби, электропаяльник для олова, механическую стиральную и отжимальную машину, устройство для разогревания черствых бубликов, гребенку для животных, способ для закупорки стеклянных банок, прибор для наливания кислот, самодвижущуюся сухопутную мину, копательную машину, висячий цифровой замок «Болт», пушку для метания канатов на терпящий бедствие корабль... и это лишь несколько позиций из списка в две сотни наименований. Бенардос разработал проект восстановления Царь-колокола и устройства для него специальной колокольни, переносные складные балкончики для мытья домовых окон, чертежную доску с прибором для натягивания бумаги, шпало-рельсы, подвижные платформы для переправки публики через улицы, прибор фрейограф, который Бог знает, что такое, но, должно быть, очень интересная и полезная штука, а также загадочный антропо-электро-метр, о котором неизвестно почти ничего. Есть только чертеж непрозрачного цилиндра на колесиках, из которого сверху торчит коротко стриженая мужская голова с бородой и усами, а снизу ноги в штиблетах. От цилиндра идут два, в завитушках, электрических провода к столу, на котором стоит коробочка с клеммами и еще один цилиндр, тоже маленький. Один провод присоединен к коробочке, а второй к цилиндру. И все. Только и есть приписка, что нарисовано это в 1895 году, января десятого дня, в городе Санкт-Петербурге на Малой Итальянской улице в доме номер шесть, квартире двадцать три. Ни сведений о том, какой этаж и сколько комнат в квартире, ни кто соседи, ни почему из цилиндра торчат только усы и борода, ни указаний на то, что эксперименты можно проводить на безбородых, безусых и даже на женщинах... ничего. Директор лухского музея, показавшая мне этот чертеж, тоже ничего об антропо-электро-метре не знает, но уверена, что если бы мы разгадали его тайну, то случился бы таких размеров прорыв в науке, что в него прорвалось бы и ушло огородами...

Но мы отвлеклись от главного изобретения Николая Николаевича – электросварки. Еще во время постройки своего шагающего парохода, Бенардосу приходилось скреплять между собой кузнечной сваркой довольно большие листы металла. Тут-то и пришла в голову изобретателю мысль разогревать эти листы перед соединением вольтовой дугой. Во время разогрева металл местами оплавлялся и соединялся. Остальное было, как говорится, делом техники. Каких-нибудь несколько лет[2] трудных, изнурительных вообще и для здоровья в частности, экспериментов по усовершенствованию технологии сварки, и золотой ключик... Вот с золотым ключиком Бенардосу не везло никогда. Финансовой помощи он не получал ниоткуда. Все свои макеты, действующие модели, испытания Бенардос проводил за свой счет. Даже патент на электросварку не сделал его богатым.

На счастье Николая Николаевича, неподалеку от Луха, в Кинешемском уезде жил другой изобретатель – Андрей Иванович Бюксенмейстер, владевший заводом по про-

---

[1] Вдруг представилось мне, как Николай Николаевич подводит к крыльцу только что собранный велосипед со взрывчатым двигателем, с цепью, матово блестящей от смазки.

– Душа моя, Анечка, – говорит он супруге, – прокатись с ветерком до реки и обратно.

Анна Алексеевна, женщина корпулентная, подбирает юбки и с опаской садится на скрипящее кожаное седло. Двигатель два раза тихо чихает, а потом как... Даже после того, как Бенардос изобрел и запустил механическую стиральную машину, она с ним все равно не разговаривала. Только устройство для разогревания черствых бубликов смогло их помирить.

[2] Если быть точнее, то не несколько лет, а двадцать с лишним лет, и после получения патента, почти до самой своей смерти, совершенствовал свое изобретение Бенардос.

изводству аккумуляторов, угольных электродов и электродуговых ламп[1]. Знакомство и дружба с Бюксенмейстером очень помогли Бенардосу при отработке технологии сварки чугуна и стали. Андрей Иванович поставлял Николаю Николаевичу электрохимические источники тока и электроугли и сам принял участие в некоторых экспериментах.

Жизнь Бенардоса, однако, не состояла из одних изобретений. Надо сказать, что лухские помещики не любили его за... да за все и не любили. За то, что бесплатно помогал крестьянам медикаментами, за то, что учил их слесарному делу, за то, что активно отстаивал идею бесплатного обязательного образования крестьян, за требование повсеместного санитарного контроля... Черт знает какие слухи и сплетни распространяли они про Николая Николаевича. Местный врач, к примеру, утверждал, что Бенардос неравнодушен к учительнице им же устроенной школы. Бенардос не стал ему говорить: «Вы лжете, милостивый государь, извольте извиниться!», не стал бросать перчатку и вызывать на дуэль. Просто взял и высек сплетника. Обошлось это изобретателю в год тюрьмы, поражением в правах, запретом на государственную службу и, по первоначальному приговору, ссылкой на житье в Сибирь. Потом Сибирь из приговора убрали и добавили три месяца гауптвахты. Сколько денег ушло на все судебные издержки, сколько здоровья было потеряно...

Только в 1885 году, после того, как изобретение, названное Бенардосом «Электрогефестом», было доведено до промышленного применения, он обратился в Департамент торговле и мануфактур с прошением о выдаче ему привилегии на «Способ соединения и разъединения металлов непосредственным действием электрического тока». Шесть лет прошло со времени изобретения электросварки в лухском имении «Привольное», которое к тому времени было продано за долги ссудным банком. На то, что осталось от раздачи долгов, Бенардос смог оплатить патентные пошлины. Привилегию Бенардосу дали на десять лет. Европейские патенты во Франции, Англии, Германии и других странах ему пришлось брать уже с соавтором и совладельцем – купцом Ольшанским, на деньги которого оплачивались европейские патентные пошлины. Потом было петербургское товарищество «Электрогефест», первая в мире показательная сварочная мастерская, золотая медаль Русского электротехнического общества, звание почетного инженера-электрика и всемирное признание. Но это уже другая история, которая более имеет отношение к Петербургу, Парижу, Берлину и другим европейским столицам, но никак не к скромному Луху.

От усадьбы «Привольное», от его слесарных, деревообделочных, механических мастерских, кузницы, дома, фруктового сада, оранжереи, фонтана, китайской пагоды и пятисаженной египетской пирамиды не осталось ничего, но до сих пор есть в Лухе школа имени Бенардоса. Есть лухский краеведческий музей, которому в восемьдесят первом году, в год столетия изобретения электросварки, было присвоено имя Николая Николаевича. На празднование столетия приехал в Лух президент Академии Наук Александров, директор киевского института электросварки академик Патон и космонавт Кубасов, первым применивший электродуговую сварку в космосе. Установили памятник Николаю Николаевичу и завели обычай устраивать ежегодные бенардосовские чтения. Они и теперь есть. Только научных докладов, как сказала мне директор музея, теперь почти не делают. И вообще ученые, инженеры-сварщики приезжают на них все реже. Мало у нас нынче инженеров-сварщиков. У нас и просто сварщиков не так, чтобы... Приезжают, в основном, ученики средних и очень средних технических учебных заведений. Их бы обучить сварочному делу, а уж потом за научные доклады браться. Да и киевский институт имени Патона теперь, хоть и ближнее зарубежье, а той помощи, что была от него раньше...

[1] Завод Бюксенмейстера работает и поныне. Называется он «Электроконтакт». На странице истории завода помещен портрет Андрея Ивановича и под ним два или три предложения об основании завода. О дружбе Бюксенмейстера с Бенардосом, о том участии, которое принял Андрей Иванович в изобретении электросварки я не нашел ни слова.

Признаться, и у лухских властей снега зимой не выпросишь. Уже который год должны перевести музей из крошечного, пришедшего в негодность, деревянного домика в каменное здание, а все никак не соберутся. Причина известная – денег нет. На весь переезд с ремонтом уже подобранного здания нужно полтора десятка миллионов рублей. Их нет и не будет. Зато нашлись двенадцать с половиной миллионов на постройку «смуровских бань», как их называют местные жители. Смуровские они потому, что построены по приказу главы местной администрации Смурова. Он до этого был в Лухе начальником милиции, а потом записался добровольцем в правящую партию и тут ему, как говорится, карта-то и пошла. Стал он главой районной администрации. Известен он еще и тем, что после вступления в должность упразднил отдел культуры. Все же нынешние нравы не в пример мягче тех, что описал Салтыков-Щедрин. Ну, сократил Смуров отдел культуры, но ведь гимназии-то, в отличие от глуповского градоначальника, не жег и наук не упразднял. Теперь о банях. На самом деле, никакие это не бани, а что-то вроде макета деревянных крепостных ворот, которые возвели из бревен на древнем крепостном валу. Были ли они в древности на этом месте, были ли они именно такого вида, были ли они вообще – никому неизвестно. Ворота, кстати, так и не достроили, но в процессе подготовки к строительству спилили часть старых деревьев в городском парке и снесли памятник уроженцу Луха, герою Советского Союза Боброва. Памятник, правда, восстановили, но если бы двенадцать с половиной миллионов употребили на переезд музея в новое здание или просто разделили бы на три тысячи жителей поселка, да раздали каждому, включая грудных младенцев, по четыре с лишним тысячи рублей...

Нельзя сказать, чтобы глава поселковой администрации совсем обделял музей и его директора своим вниманием. В прошлом году лично зашел справиться о делах и даже вручил премию Галине Ивановне в размере пятисот рублей. Она на эти деньги купила краски и что-то там подкрасила в музее. В этом году снова зашел и дал тысячу и приказал ни в чем себе не отказывать.

Но хватит о Смурове. Лучше перейдем в зал музея, посвященный еще одному известному уроженцу здешних мест – Борису Николаевичу Малиновскому. Малиновский был главным конструктором одной из первых советских вычислительных машин «Днепр». Еще в конце пятидесятых годов. Еще тогда, когда мы могли не отстать и могли даже... И теперь смартфон назывался бы умнофон, а ноутбук – блокноутом, а мышь так бы и называлась мышью.

Ну, да что об этом вспоминать. Было и прошло. Осталось нам на память всего две таких машины – одна стоит в Политехническом музее, в Москве, а вторая в краеведческом музее Луха, в небольшой проходной комнате. В рабочем состоянии она занимала сорок квадратных метров, а теперь, на пенсии, от «Днепра» осталась едва половина. Не мигают его лампочки, не крутится катушка с магнитной лентой, не скачут нолики и единички из одного места программы в другое. Да и мы, если честно, тоже давно не скачем... [1]

На самом деле, не все так плохо. Проходит в Лухе ежегодный всероссийский конкурс сварщиков. Приезжают мастера из самых разных областей. Умельцы сварили даже гло-

[1] Что же до зала, посвященного истории Луха, то он, честно говоря, не очень богат экспонатами. Немного осколков древней керамики, старый немецкий фотоаппарат, ржавый игрушечный самосвал, которому не меньше, чем полвека отроду, советская фарфоровая статуэтка узбекской девочки в тюбетейке, крестильная рубашка позапрошлого века, хрустальная сахарница под названием «Корова», старый буфет, довоенного вида очки с одним стеклом – вот, пожалуй, и все. Не всякий музей, однако, может похвастаться тем, что почти все его экспонаты подарены местными жителями. Не куплены, а подарены. Лухский музей может. И возле сахарницы, и возле фотоаппарата, и возле ржавого игрушечного грузовика лежат бумажки, на которых написаны фамилии дарителей.*

** Да и откуда, спрашивается, у крошечного провинциального музея деньги на покупку экспонатов.*

бус Бенардоса с картой Лухского района и подарили музею множество забавных фигурок и композиций из металла. Все будет хорошо у маленького Луха. И отдел культуры в нем восстановят. Расточатся враги его и непременно восстановят. Нам бы только не забывать, что Лух у нас есть, что он родина сварки, что он впадает в Лухский район, а Лухский район впадает в Ивановскую область, а Ивановская область...

И вот еще что. В Лухе есть предприятие под названием «Лухремтех». Как только я прочел это название, то сразу вспомнил, как проезжал в Ярославле мимо дома с вывеской «Ярбурвод». Держу пари, что эти названия разлучили в детстве. Они были братьями. Двоюродными, правда. Или даже сводными. У них была общая мачеха.

Городец

Ворота Городецкого судоремонтного завода охраняет рыжая собака. За кусок копченой колбасы она откроет вам калитку, поведет к стапелям и продаст недорого почти новый, только что из ремонта, буксир, выкрашенный суриком. Да она и без колбасы отдаст, если с ней поговорить по-человечески. Скучно ей сидеть одной у этих ворот. Особенно по выходным. Вы не поверите, но в Городце суда не только ремонтируют, но и строят. Как начали строить баржи и пароходы в середине позапрошлого века – так и не перестают до сегодняшнего дня. К концу девятнадцатого века каждый год в Городце спускали на воду до семидесяти деревянных барж. И какие были баржи! Длиной до сотни метров и шириной до пятнадцати. По заказу нижегородского купца-миллионера Гордея Чернова, прототипа горьковского Фомы Гордеева, в Городце построили баржу вместимостью в миллион пудов. Тогда весь город строил баржи. Даже маленькие дети мастерили из щепок крошечные баржи водоизмещением в грамм пятьдесят или сто и пускали их по ручьям. Клепали и котлы, и пароходные машины, и даже отливали из чугуна кружевные навесы, которые и сегодня украшают крылечки старых городецких домов.

Теперь баржи делают редко – в основном дебаркадеры. Плавучие пристани и доки, речные вокзалы, гостиницы и рестораны. Они и держат на плаву верфь, а туристы держат на плаву музеи Городца. Их в городе много – целый музейных квартал. Все музеи находятся в красивых старинных купеческих и дворянских особняках, все особняки отреставрированы, полы в них не скрипят, потолки не протекают, все экспозиции... Вот вы не верите, а зря. Взять, к примеру, музей «Дом графини Паниной». Одна выставка старинных часов из частных коллекций так хороша, что туристов из этого зала и вывести невозможно. Если бы в самой Москве был бы музей часов, то и тогда в нем вы не нашли бы таких уникальных немецких часов позапрошлого века с двумя кукушками! Крошечные кукушки ростом с половину мизинца, доложу я вам, выточены с большим искусством. С таким большим, что были случаи, когда они клевали посетителям не в меру любопытные пальцы.

Здание музея «Городецкий пряник» напоминает... богато украшенный сахарной глазурью пряник. Внутри, на музейных витринах, все восемь с половиной веков истории Городца в съедобном виде. Вот древние, еще каменные доски для печатных пряников с клинописными надписями местные жители находили с незапамятных времен. Археологи утверждают, что доисторические пряники подавали не к чаю, которого тогда на Волге не знали, а к ячменному пиву, и были они солеными, без меда и высушены до хрустящего состояния. Вот окаменевший Городецкий пряник предположительно середины семнадцатого века, судя по возрасту плесневых грибов, найденный в начале двадцатого века этнографической экспедицией кафедры печатных пряников института пищевой промышленности Академии Наук в Коми, в стойбище оленеводов-зырян. Се-

верные охотники и оленеводы обменивали пряники на меха. На зыряновском прянике изображена сцена ледового побоища между войском Александра Невского и тевтонскими рыцарями. Поражает тщательная проработка деталей. Как известно, в момент битвы ветер дул на псов-рыцарей и все их темные шлемы и латы усыпаны мельчайшими сахарными буквами слов, которые русские ратники кричали противнику в пылу боя. Оленеводы, как выяснили этнографы, поклонялись прянику и, после того, как он окончательно окаменел, использовали его при отправлении шаманских обрядов в качестве бубна. Еще один трехпудовый «Царь-пряник», подаренный Ивану Грозному городецкими пряничниками в честь взятия Казани хранится теперь в Москве, в Оружейной палате. Известно, что Иван Васильевич городецкие пряники любил больше тульских и вяземских, которых тогда еще и в помине не было. Да и вообще они вкуснее, хоть и меда в тесто в Городце не добавляют. Зато никогда в начинке городецких пряников, в отличие от тульских, вы не встретите ни позеленевшего самоварного краника, ни донца от патронной гильзы, ни пистолетного курка, а только фруктовое повидло самых разных сортов, орехи, изюм, цукаты, пропитанные сладким ликером, а то и вовсе подадут вам к прянику большую рюмку сладкой смородиновой или клюквенной настойки. В самом конце девятнадцатого века Городецкие купцы-старообрядцы поднесли на память семье Николая Второго, путешествовавшего по Волге, пряник весом в полтора пуда. Кстати, о старообрядцах. Их в Городце всегда было много, а уж, что касается пряничников, то они все были старой веры. Рассказывают, что издавна поклонялись городецкие староверы огромной крестообразной сосне, которая росла на древнем городском валу. Был у нее в дупле устроен киот. Власти еще при Николае Первом спилили эту сосну. Старообрядцы нашли себе еще одну крестообразную сосну и давай ей поклоняться. Власти спилили и ее. Теперь уж не осталось никаких крестообразных сосен. Да и власти теперь пилят совсем не сосны...

Вернемся, однако, к пряникам. Вообще городчане любили одаривать пряниками по самым разным поводам. Взять, к примеру, «разгонные» пряники. Их дарили засидевшимся гостям. Вынесет хозяин горсть таких пряников ... и тут же гости начинают хватать свои тулупы, шапки и прощаться с хозяевами. «Разгонными» пряниками дело не ограничилось. Местные жители изобрели даже своеобразный пряничный язык. Скажем, зять никогда не проходил мимо тещиного дома, чтобы не подарить ей пряник, а жены мужьям пекли... и, случалось, допекали.

Пряников на витринах много самых разнообразных – с царскими орлами, с советскими серпами и молотками, с теремками, стерлядками, прогулочными колясками, пароходами, паровозами, птичками, с надписями «Дарю Маше», «Дарю Зине», «Кавришка», «Дарю от всей совести моей дарю милости милости», «Подарок в день вашего ангела», «Кого люблю того дарю сердечно» и даже «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Как только они все высохнут, окаменеют, их заменят новыми, а старые внесут во двор, размочат в воде и скормят собакам. Вот потому-то в Городце собаку пряником не поманишь. Нос она от него воротит. Ей бы косточку или сосиску...

Неподалеку от музея пряников находится музей самоваров. В нем четыре сотни сверкающих полированной медью, латунью, мельхиором и серебром Иванов Ивановичей. Такого количества самоваров нет и в самой Туле. Есть самовары из Персии, есть из Китая, есть курьезный самовар, подаренный по случаю заключения Тильзитского мира Александром Бонапарту. Вместо воды в него заливается шампанское, а вместо щепок или шишек – колотый лед. Есть авторская копия путевого самовара, поднесенного императрице Екатерине Второй механиком Кулибиным во время ее визита в Нижний. Самовар не только греет воду, но и показывает дату чаепития по солнечному и лунному календарям, во время закипания играет марш гвардейцев-преображенцев, а также оснащен астролябией, точным хронометром, пружинами для уменьшения последствий

морской и дорожной качки, и хитроумным приспособлением для стряхивания последней капли из самоварного крана в чайную чашку. Есть огромные многоведерные самовары, есть крошечные, буквально на одну рюмку чая, есть самовар для левшей, у которого краник открывается против часовой стрелки, есть самовар для семей, проживших в браке больше десяти или пятнадцати лет – у него два краника и они повернуты друг относительно друга на сто восемьдесят градусов. Возле мужского краника гравирована надпись «Ты знаешь, почему я молчу?!». Мужской краник отличается еще и тем, что к его ручке припаяна миниатюрная корона, а на женском такой короны нет, но есть скалка и чугунная сковородка.

В краеведческом музее, экспонатов которого хватило бы на десяток провинциальных музеев, не мог я глаз отвести от удивительной иконы, состоящей из тонких расписных трехгранных призм. Прямо посмотришь – Святой Дух, справа посмотришь – Бог Сын, слева – Бог Отец. То есть сначала-то я взглянул и хотел идти дальше, но тут экскурсовод сказал мне, что в Ульяновске, в краеведческом музее есть похожая икона. Вот только если смотреть на нее прямо, то – Ленин, справа – Маркс, а слева – Энгельс. Есть и еще одна разновидность иконы, хранящаяся в одном из музеев Сибири. Там вместо Ленина – лучший друг физкультурников. Поневоле и заглядишься...

Два самых известных экспоната в Городецком музее – украшенный золотом и серебром княжеский шлем тринадцатого или четырнадцатого века и свинцовая печать Александра Невского. И то и другое нашли местные жители. Печать нашлась на волжском берегу, а шлем выкопали в огороде. Давно это было, еще в те времена, когда такие находки могли запросто отдать археологам. Те времена давно прошли. Теперь все имеет свою цену. Есть аборигены, которые свои находки продают Эрмитажу. Местным музейщикам даже и не предлагают. Вообще черных копателей в Городце много. Да и как им не быть, если культурный слой в городе не намного тоньше московского. Только в столице во дворе дома на Тверской или на Якиманке раскоп не устроишь – слишком много труб и кабелей придется пилить, прежде чем доберешься до чего-нибудь стоящего, а в Городце вышел в собственный огород – и копай сколько влезет. Обломки средневековой керамики даже и в руки не берут. Не хочешь копать – прогуляйся внимательно по берегу Волги. Сейчас, конечно, таких прогульщиков пруд пруди, а раньше... Один местный житель, которому лень было копать, и вовсе отдал археологам свой огород для раскопок и каждый день совершенно бесплатно, в первом ряду, сидел и наблюдал за увлекательным процессом.

Надо сказать, что почти все музеи имеют в составе своих экспозиций коллекции городецкого почетного гражданина Николая Федоровича Полякова. В музее «Дом графини Паниной» – это существенная часть коллекции часов, в музее пряников – это редкие пряничные доски, в краеведческом музее представлена его коллекция старинных сабель, палашей и кинжалов, утюгов, а в отделе природы края – чучела медведей, поскольку Николай Федорович заядлый охотник. Что же до самоваров, то все самовары этого музея принадлежат Полякову. На самом деле его коллекция почти в два раза больше – просто особняк для нее маловат. Есть обширная коллекция монет, и она тоже принадлежит маркизу Караба... Вот как найдут для нее место – так сразу и выставят. Николай Федорович не олигарх. У него нет ни заводов, ни пароходов, ни нефтяных месторождений. Он бывший глава налогового управления Нижегородской области. В начале своей карьеры он был главой городецких налоговиков, а потом стал главой нижегородских, а теперь вот...[1] Он еще и местной епархии помогает восстанавливать храмы. Кстати, в храме городецкого Феодоровского монастыря видел я икону Феодоровской Божьей Матери. Межу краями оклада и резными деревянными наличниками просунуто

[1] *Не дети, чай. Сами все должны понимать. И то сказать – не футбольный клуб купил, не яхту стометровую. И особняк у него в Городце, а не в Лондоне. Ну, не считая тех, что в Нижнем.*

было множество бумажных записочек от прихожан. Приветливый и словоохотливый батюшка рассказал мне, что поначалу верующие оставляли у иконы свои золотые украшения – кольца, нательные кресты, серьги. Однажды какой-то бомж их украл. Еще и стекло разбил, прикрывавшее икону. Ну, а на записки никто не позарится. Время от времени их вынимают, освобождая место новым. Старые не выбрасывают. Хранят. Натурально, «Стена Плача» на православный манер. Когда я сказал об этом отцу Никанору, он улыбку запрятал так глубоко в бороду, что и концов ее невозможно было разглядеть.

Гаврилов-Ям

По документам выходит, что Гаврилов-Ям – село уже со времен Ивана Грозного. Сначала-то он был деревней Гавриловой, жители которой селились у переправы через речку Которосль и были приписаны к Троице-Сергиевому монастырю. Семь дворов всего и было в деревне. В этих списках и обнаружили их впервые историки. Ну, а если без списков, то, как говорят краеведы, которых каждое слово есть ~~брехня~~ гипотеза и ~~враки~~ легенда, Ярослав Мудрый по пути из Ростова в Ярославль, который он хотел основать, проплывал как раз по Которосли мимо того самого места, где сейчас... И кабы он не проплывал ночью, когда ни зги не видать, то еще неизвестно, какое место мы бы сейчас называли Ярославлем, а какое Гавриловым-Ямом. Если у слушателей история с Ярославом Мудрым вызывает некоторое... недоумение, то рассказывают байку о мужике Гавриле, который служил почтальоном... то есть, ямщиком.

Так уж получилось, что расположено село Гаврилов-Ям аккурат на половине пути от Ростова Великого до Ярославля. Сорок верст до Ростова и приблизительно столько же до Ярославля. Удобнее места для смены лошадей и не придумать. Гаврилов-ямская станция обслуживала целых восемь направлений. Потому-то и старинный стол из зажиточного дома, теперь гордо стоящий в местном музее ямщика, имеет восемь углов. Каждый угол стола соответствует направлению, по которому скакали тройки с бубенцами и колокольчиками в Ярославль, Кострому, Москву и Ростов. Дочери ямщиков часто оставались в девках, поскольку им постоянно приходилось сидеть на углах стола. Раз уж зашла речь о музее ямщика, которым более всего известен у проезжающих Гаврилов-Ям, то нельзя не сказать о том, что идея создания его принадлежала главе местной администрации. Много ли вы видели у нас глав, которые могут придумать музей? Да что музей... Много ли вы видели у нас глав, а не совершенно противоположных частей тела?

Но вернемся к ямщикам. В тогдашних технических требованиях к ямщикам было записано, что росту они должны быть не меньше метра восьмидесяти сантиметров, статны и говорливы. Это и понятно: ямщик – это, в некотором роде, артист разговорного жанра. В старину их так и испытывали – посадит станционный смотритель перед собой кандидата в ямщики, откроет крышку своих серебряных часов с репетиром, махнет рукой и понеслась тройка удалая... Все три часа пути до Ярославля или до Ростова рот у ямщика закрываться не должен. Хочешь говори, а хочешь пой. И ни глотка воды тебе, чтобы промочить горло, ни тем более рюмки водки. Через три часа поднесут ямщику кружку воды, разрешат облизать губы, помолчать минут пять и... снова три часа обратного пути до дому. Утверждают, что местных ямщиков не могли переговорить даже их жены. И во сне ямщики беспрестанно бормотали и напевали. Описывают даже такой случай, когда, в царствование Алексея Михайловича, в Ярославле, на почтовой станции сошлись два ямщика – гаврилов-ямской да костромской – и заспорили, кто кого переговорит-перепоет. Уже и говорили они нечленораздельное, уже и языки их распухшие с огромными мозолями еле ворочались и, не умещаясь во рту, свешивались на бок, а уступать...

Экскурсовод в музее ямщика утверждал, что гаврилов-ямские ямщики были всем ямщикам ямщики и к царскому столу подавались именно они вместе с лучшими луховицкими огурцами, белевской пастилой, васильсурской стерлядью, казанскими белянами и астраханской зернистой икрой.

Вообще сотрудники музея большие затейники. Во дворе музея построен коридор из семи огромных, выше человеческого роста, подков, сваренных из строительной арматуры, выкрашенной в красный, синий и желтый цвета. Если перед входом в коридор загадать желание и коснуться рукой каждой подковы, то в течение месяца... В крайнем случае, года. Но не больше двух лет. За отдельную небольшую плату вам устроят народный обряд хомутания жениха. Для этого в музее есть хомут, увитый разноцветными лентами. Небольшую плату возьмут, если со своим женихом. С музейным будет стоить, конечно, дороже. Раз в год, в ночь музеев, можно и вовсе подкатить на тройке с бубенцами, потребовать свежих лошадей, самовар, чаю, водки, жалобную книгу, поскандалить со станционным смотрителем, написать в жалобную книгу обидных слов и даже пририсовать их, дать в зубы ямщику и умыкнуть красавицу-дочку станционного смотрителя в Ярославль или в Ростов. Но все это обойдется вам гораздо дороже. Да и ямщик у них... Может сдачи дать. Сложнее всего с дочкой смотрителя. Увезти-то ее легко, а вот привезти обратно...

Летом в музее прохладно, а зимой холодно. Чтобы в десять открыть музей, сотрудникам надо приходить к семи и включать тепловые пушки, потому что другого отопления в этом деревянном сарае, стоящем над погребом и ледником девятнадцатого века, нет никакого. Сначала-то и не знал никто, что дом, а точнее, большой-пребольшой сарай, стоит над ледником. Об этом рассказал музею один из посетителей, столетняя тетка которого работала служанкой у местных текстильных фабрикантов Локаловых. Долго искали вход, нашли, раскопали, и оказалось, что ледник и погреб вокруг него в прекрасном состоянии. Во времена Локаловых здесь хранился лед, глыбы которого по весне вырубались на Которосли. Всего за сто рублей проведут вам экскурсию и по погребу, покажут рассохшиеся кадки, мучные лари, позеленевшие от времени весы, пластмассовых игрушечных пауков в углах, за отдельную плату угостят холодной вишневой наливкой и дадут закусить соленым огурцом. Точности ради надо сказать, что рюмки маловаты, а наливку и огурцы привозят в Гаврилов-Ям из села Великое, что расположено в пяти километрах от города.

О селе Великом и о купце первой гильдии Локалове надобно рассказать подробнее. Богатый крестьянин Алексей Васильевич Локалов был родом из села Великого и поначалу-то свою прядильно-ткацкую фабрику хотел построить именно там. Кабы местные крестьяне, многие из которых были ничуть не беднее Локалова, не воспротивились этому, то еще неизвестно, какое место мы бы сейчас называли Гавриловым-Ямом, а какое селом Великим. Три раза испрашивал упорный Локалов высочайшего разрешения на строительство и только после третьего прошения ему было дозволено построить ее в Гавриловом-Яме. Ну, а дальше все как обычно – английские инженеры, нещадная эксплуатация, льняные скатерти, полотно самого лучшего качества, золотая медаль на выставке в Чикаго, нещадная эксплуатация, постройка в девятьсот двенадцатом году городского стадиона под руководством англичан, первые футбольные матчи, школа, больница, библиотека, нещадная эксплуатация, водопровод, детские ясли, клуб, телефон, бани и снова нещадная эксплуатация. Перед самой первой мировой в Гаврилов-Ям понаехали москвичи Рябушинские и скупили у наследников Локалова льнокомбинат на корню.

При советской власти локаловская мануфактура стала называться «Зарей социализма». Гаврилов-ямские ткачи проявили смекалку и стали к каждому партийному съезду и юбилею ткать преогромные бахромчатые скатерти с красными знаменами, саблями,

орденами, кремлевскими башнями и советскими гербами. Накрывали в Кремле этими скатертями бесконечные царские столы, уставляли их лучшими луховицкими огурцами, белевской пастилой, васильсурской стерлядью, казанскими беляшами и астраханской зернистой икрой. Вот только тосты произносили другие.

Часть скатертей каким-то образом осталась на фабрике. Теперь они висят шторами на высоких окнах краеведческого отдела местной библиотеки. В зале со шторами-скатертями я приметил на стене маленькую, с ладонь, репродукцию рембрандтовской «Данаи». Мало кто знает, что именно гаврилов-ямские мастера помогали восстанавливать поврежденный сумасшедшим вандалом холст знаменитой картины.

В краеведческом отделе библиотеки немного залов. Так получилось, что от досоветской истории Гаврилов-Яма осталась сотня-другая фотографий, из которых несколько десятков развешано по музейным стенам, горсть старинных медных монет, пачка бумажных ассигнаций начала позапрошлого века, непременные прялки, непременные чугунные утюги, непременные, позеленевшие от времени, самовары, косы, серпы, грабли, деревянное разбитое параличом складное кресло из дома Локаловых, дорожный сундук на колесиках, горсть аптечных пузырьков, полтора десятка ключей и замков к аптечным ящикам девятнадцатого века и... все. С одной стороны, конечно, мало. До обидного мало, но если вспомнить, что у нас остается в памяти от истории нашего родного города или села или от всей истории России...

В советском отделе на стене висят фотографии современных истребителей. Нет, в тихом Гаврилов-Яме истребителей не собирают, и не выращивают летчиков-асов, но делают к ним маленькие металлические детали. Не к летчикам, а к самолетам. Если у вас случайно имеется истребитель или штурмовик, или бомбардировщик, или что-нибудь бронетанковое, то лучших распределителей или дозаторов форсажного топлива, чем делают в цехах предприятия «Агат» вам не найти. Если вы, конечно, понимаете разницу между обычным топливом и форсажным. Или хотя бы между девяносто пятым бензином и авиационным керосином. Самолетостроители пришли в Гаврилов-Ям еще во время войны и сначала арендовали цех на льнокомбинате. Понятное дело, что сразу наладить производство всех этих клапанов, заглушек, болтов с правой и левой резьбой, ответных и контргаек было невозможно, и поначалу шили отличные льняные занавески в кабины летчиков, а уж потом дело дошло и до гаек с болтами. В качестве ширпотреба, чтобы ни враг, ни друг не подозревал об истинном назначении секретного предприятия, «Агат» выпускал коляски для кукол, складные стулья, шезлонги, багажные сумки на колесиках и мотоблоки. Говорят, что такой мотоблок имеет интегрированную систему управления вектором тяги и, если с ним знать, как обращаться, может вести до десяти грядок одновременно. Не говоря о том, что грядку он может обнаружить за несколько десятков, а то и сотен километров.

Экскурсовод рассказал, что последние несколько лет ходят упорные слухи о закрытии завода, и останется страна без мотоблоков и дозаторов форсажного топлива. Слухи уж все ноги себе стерли от ходьбы, а завод, к счастью, не закрывают. И то сказать – куда пойти работать гаврилов-ямцу? Про льнокомбинат давно уж не ходит никаких слухов. Упал комбинат, лежит и не подает никаких признаков жизни. В начале двухтысячных состоялось второе пришествие москвичей. Приехали в Гаврилов-Ям купцы из Трехгорной мануфактуры, снова все скупили и снова все рухнуло. Шныряют на развалинах какие-то ушлые ивановцы и костромичи, пытаясь то ли наладить, то ли продать на органы то, что еще осталось... Работает только маленький магазин «Русский лен», распродающий изо всех сил нераспроданные еще Бог знает с каких времен скатерти, рубашки и постельное белье. Судя по тому, что осталось еще много нераспроданного, сил, видимо, недостаточно.

На вопрос, что же еще работает в Гаврилов-Яме, кроме «Агата», экскурсовод сказал, что работают филиал рыбинской авиационной академии, школа для умственно отсталых, несколько обычных школ, почта, телеграф, телефон и самая лучшая в ярославской области баня. Может быть, где-нибудь в Ярославле, Рыбинске или Угличе ее и считают не самой лучшей, но... самая лучшая баня в ярославской области находится в городском поселении Гаврилов-Ям. Увы, теперь Гаврилов-Ям снова утратил статус города, который был ему присвоен в тридцать восьмом году прошлого века.

В принципе, после бани можно было бы и уйти из музея, но экскурсовод повел меня еще в одну маленькую комнатку, уставленную мертвыми пионерскими и комсомольскими знаменами, мертвыми вымпелами, мертвыми красными пилотками и галстуками. Знамена как знамена, галстуки как галстуки. Стояли мы под этими знаменами и ходили под ними. Оказалось, что все это кладбище можно оживить, если заказать обряд принятия в пионеры. Принимают всех – мужчин, женщин и детей в возрасте от десяти лет до семидесяти. Платите деньги и... Сначала группу кандидатов в пионеры разбивают на звенья. Звено, вспомнившее дату создания пионерской организации, объявляется победителем и ему предоставляется почетное право внести знамя под барабанный бой и звуки начищенного до нестерпимого блеска горна. Перед знаменем все читают те самые слова, которые были написаны на обороте наших тонких школьных тетрадок за две копейки: «Вступая в ряды... перед лицом своих товарищей... торжественно обещаю... как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...» Каждому повязывают галстук, и все поют «Взвейтесь кострами, синие ночи». Некоторые со слезами на глазах. Вновь принятые пионеры уезжают домой счастливые и довольные.

У экскурсовода, пожилой дамы, так блестели глаза, когда она об этом рассказывала... Я чувствовал, что еще немного, и я второй раз вступлю в то же самое. Причем за собственные деньги.

В партию и в октябрята пока не принимают. Впрочем, я думаю, если договориться с туристическим агентством, которое все это организует, то за дополнительные деньги вас примут хоть в члены Политбюро ЦК КПСС и голосом самого Генерального Секретаря, шамкая и причмокивая, объявят вас... кем захотите – тем и объявят.

Уже на улице вдруг представилось мне, как лет через десять или больше еще оставшиеся в живых советские дедушки и бабушки будут тайком от верующих родителей отдавать внуков и правнуков в октябрята и пионеры, как дети будут носить тайком под школьной одеждой красные галстуки, как, быстро оглядевшись по сторонам, будут отдавать они пионерский салют еще оставшимся памятникам вождю мирового пролетариата, как на уроках православия, самодержавия и народности будут вместо молитв шептать еле слышно:

– Перед лицом своих товарищей... торжественно обещаю... как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...

Судиславль

Впервые Судиславль появляется в летописи Солигаличского Воскресенского монастыря под тысяча триста шестидесятым годом. Появляется уже взрослым – с бородой и усами, в том смысле, что верхом на холме, опоясанный деревянным частоколом из толстых заостренных бревен, валами, рвом с водой и лягушками, уснащенный подземными ходами и деревянными башнями, из бойниц которых торчат стрелы туго натянутых луков, концы вострых сабель и все то, что должно торчать у защитников крепости от злых басурман. По правде говоря, басурмане, в смысле татаро-монголы, и не думали нападать на Судиславль. Они, может, и напали бы, кабы не сплошные болота вокруг Су-

дислявля, кабы не крошечный размер крепости, кабы на походной карте Киевской Руси, которой пользовались татарские темники, Судиславль был обозначен не случайным микроскопическим чернильным брызгом, а кружочком и названием, как Киев, Кострома или Владимир. Вот у поляков карты были не в пример точнее, и они... впрочем, до них мы еще успеем добраться. Короче говоря, если бы не повесть о том, как поссорился галицкий князь Андрей Федорович с костромским князем Никитой Ивановичем, если бы не их битва под стенами Судиславля, о которой писал солигаличский монах в своей летописи, то мы бы ждали появления Судиславля еще две сотни лет до тех самых пор, пока Иван Грозный не упомянул его в своей духовной грамоте.

Где же был Судиславль в допотопные, по-русски говоря, в домонгольские времена – вот загадка, которая не дает покоя краеведам. Назван городок по имени младшего сына Владимира Святого, Судислава Владимировича, князя Псковского, жившего в одиннадцатом веке, а значит... С другой стороны, Суздаль, основанный Владимиром и впервые упомянутый в девятьсот девяносто девятом году, назывался Судиславль в честь Судислава. Правда, Ярослав Мудрый его (не брата, а город) потом переименовал в Суздаль, а Судиславль... Вот и выходит, что их (не братьев, а города) перепутали еще в детстве, и значит, что нынешний Судиславль и есть настоящий Суз... С третьей стороны или даже с четвертой, утверждают, что Судиславль потому так назван, что Судислав сначала его основал, а потом именно в нем сидел в заточении почти четверть века по приказу брата Ярослава, а не во Пскове, как утверждают те краеведы, которые с пятой стороны. Темная, однако, история. Как бы там ни было, а каждый судиславец, хоть и не громко и не во всеуслышание, но не преминет доверительно сообщить вам, что городок их и старше Москвы, и умнее, и в молодости был очень хорош собой, да и сейчас, но... как-то не сложилось. Бог его знает почему.

Те же краеведы, которых не устраивает ни одна из этих версий, утверждают, что Судиславль с незапамятных времен был историческим и географическим центром племени меря, а в языке племени меря был корень «моска», который обозначал «коноплю». Достаточно одной буквы, чтобы этот корень превратился из конопли в название столицы нашей родины... Впрочем, тогда коноплю меряне выращивали для получения из нее пеньки, масла и мешковины, а вовсе не для того, для чего ее используют неугомонные краеведы[1].

Вернемся, однако, к Судиславлю. Во время Смуты в одной из своих вотчин поблизости от городка прятался от поляков малолетний Михаил Романов с матерью. Неподалеку от Судиславля и находилось то самое болото, в которое Иван Сусанин завел поляков и литовцев. Вот только памятник Сусанину поставили почему-то в Костроме. Еще и при советской власти сусанинское болото переписали в отдельный от Судиславля Сусанинский район. Впрочем, у нас так всегда. Взять хотя бы рассказ, который написал Тургенев, а памятник, как известно, поставили...

Михаил Иванович Глинка приезжал в Судиславль, когда писал свою знаменитую оперу и даже собирался идти в лес, чтобы заблудиться и попасть в болото. Насилу композитора уговорили не делать этого. Принесли ему в номера гостиницы купца Мухина, где он остановился, самолучшей болотной ряски, мха, тины, ветвей багульника, коньяку, до которого Михаил Иванович был большой охотник, и уже через два или три дня весь город распевал знаменитую арию польского офицера Кшепшицюльского из четвертого действия «Сусанин, Сусанин не видно ни зги...»

---

[1] Если им верить, то под Судиславлем есть множество подземных ходов, прорытых еще дружинниками Судислава и староверами, а в тех подземных ходах спрятаны несметные сокровища и книги, которые мать Судислава привезла еще из родительского дома, из Греции. Книги эти, понятное дело, составили часть библиотеки Ивана Грозного. Царь, когда ее прятал, так и не смог вспомнить, что часть книг у него зарыта в судиславских подземельях. Думал, это бояре взяли почитать и не вернули. Даже велел Малюте казнить нескольких на всякий случай.

После того, как поляков засосала русская трясина, Судиславль, потерявший всякое военное значение, решил понемногу хиреть. Наши провинциальные городки любят и умеют хиреть. Делают это с чувством, толком и расстановкой. Сначала их объезжают купцы и путешественники, потом на главной площади появляется лужа величиной с миргородскую, потом начинает рассветать на два часа позже обычного даже летом, потом жители начинают зевать в три раза чаще... У Судиславля не получилось. Город был ямской станцией на пути из Костромы в Галич, Чухлому и дальше на север, в Вологодскую губернию. Купцы проезжали по своим торговым делам, останавливались переночевать в трех или четырех местных гостиницах, требовали чаю, шампанского, блинов с икрой и соленых рыжиков к водке.

Кстати, о рыжиках. Издавна Судиславль вместе с Каргополем и Рязанью считался одним из самых крупных центров грибной торговли в России. Судиславские грибы всегда считались лучшими, поскольку они были без глаз, как рязанские, и везти их не надо было за тридевять земель, как каргопольские. В грибную пору жители Судиславля и окрестных деревень даже дома, случалось, заколачивали и уходили семьями в лес, на грибной промысел. Еще в конце девятнадцатого века одна семья за неделю сбора грибов могла легко заработать до полутора сотен рублей. На опушках лесов, в деревнях, во дворах судиславских мещан стояли во множестве грибоварни, и от этого в воздухе такая грибная спираль делалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть, а судиславцам ничего. Только дышали глубже и улыбались себе в усы. Детишки так и вовсе нанюхаются грибного навару за день так, что и есть не просят. Улыбаются в усы и не просят. Грибы варили специальные люди – грибовары. Краеведы еще в позапрошлом веке стали собирать изустный фольклор грибоваров, описания их снов, рисунки. В двенадцатом году прошлого века, в Москве, в типографии И. Д. Сытина, уроженца, кстати, соседнего Солигаличского уезда, была отпечатана большая книга с цветными иллюстрациями под названием «Сны и сказки грибоваров Судиславля». Раскуплена, говорят, была мгновенно. С тех пор не переиздавалась ни разу.

Само собой, лучшие, самые отборные судиславские грибы поставлялись к царскому столу в свежем, сушеном и маринованном виде. Сигизмунд Герберштейн, в своих «Записках о Московитских делах» рассказывает о том, как после одного из царских приемов в Александровской слободе посол шведского короля Густава, похлебав грибной лапши, два часа без остановки хохотал так, что его потом отливали холодной водой и романеей, а секретарь посольства только улыбнулся себе в усы, икнул два раза и отдал Богу душу.

Теперь о судиславских грибоварах и их замечательных снах и сказках ходят только легенды. Той самой книжки, что издал Сытин, нет даже в местном краеведческом музее, а вместо нее висят по стенам небольшого зала расписные дуги с колокольчиками, стоит в углу необъятный овчинный тулуп судиславского ямщика, который и медведю будет в пору, тут же чучело огромного медведя с оскаленной пастью, сувенирная кружка, привезенная кем-то из судиславцев с Ходынского поля, несколько женских платьев начала прошлого века, туфли местной модницы, в которых она принимала участие в конкурсе красоты по случаю проезда царской четы через Судиславль в девятьсот тринадцатом году и заняла первое место. Туфли привезли в музей из Костромы потомки этой красавицы[1]. Удивительное дело, но в судиславский музей предметы старины местные жители дарят, а не продают, как это теперь принято почти повсеместно. Подарен музею

[1] Какой-нибудь москвич, а пуще того петербуржец, читая про эти туфли, только усмехнется криво, да подумает про себя – эка невидаль. Туфли какие-то... Тащат в музей всякий хлам и потом его показывают за деньги. Не скажите. Проезжай через вас государь император, хоть бы и без супруги, да танцуй вы у него на балу, да займи первое место на конкурсе красавиц... да поцелуй он вас просто в пупок – так вы и этот пупок завещали бы музею.

художником Комлевым и большой портрет купца первой гильдии Ивана Петровича Третьякова, уроженца здешних мест. О Германе Алексеевиче Комлеве, тоже уроженце Судиславля, будет отдельный рассказ, а о Третьякове надобно сказать, что богаче его в Судиславле не было, да, пожалуй, и нет. Есть, конечно, и сейчас люди небедные, с капиталами, но так, чтобы построить городу училище или отреставрировать храм, или... но помогают, конечно. К примеру, местное предприятие по производству сварочного оборудования дало денег на ремонт туалета в городском краеведческом музее.

Третьяков по поручению местных купцов договорился в Петербурге о том, чтобы железная дорога Кострома – Галич прошла через Судиславль, Третьяков построил в городе винокуренный и токарный заводы, Третьяков скупил несколько десятков усадеб[1] вокруг города, Третьяков[2], собственно, и был золотым веком Судиславля. Иван Петрович и после смерти[3] помогает землякам – в его усадьбе, памятнике архитектуры федерального значения, и по сей день располагается районная больница. Перед самой своей кончиной советская власть решила построить новую больницу, в пять этажей, с фонтаном и садом, и уж почти построила ее, но... скоропостижно скончалась. Так и стоит недостроенная больница в центре города с выбитыми стеклами. Когда строили новую, на старую денег жалели – все равно переезжать, а вышло так, что и новой нет и старая обветшала самым последним обветшанием. Во времена Советского Союза было в судиславском стационаре сто коек, а нынче всего шесть на тринадцать тысяч населения в Судиславле и районе. Главный врач приезжает на работу каждый день из Костромы. Или почти каждый день. Власти советуют лечиться и лежать в больницах Костромы или Галича. Вот ведь как получается – уж и страны советов нет, и врачей нет, и коек больничных нет, а власти все не могут перестать советовать. В довершение ко всем бедам какой-то лихач врезался на автомобиле в парадное крыльцо больницы и сшиб один из двух столбиков, его подпиравших. Крыльцо чугунное, красивое и ажурное, с вензелем Третьякова. Столбик, понятное дело, долго не лежал на месте аварии – кто-то его прибрал. Власти злоумышленника хотели искать. Правда, хотели, но заела их текучка. Может, и сейчас хотят. Тогда судиславцы собрали денег на новый столбик – не чугунный, но деревянный, чтобы до чугунного не дал крыльцу завалиться. Столбик-то сделали, но больничные власти запретили его устанавливать, усмотрев в этом самовольную реставрацию памятника федерального значения. Так и стоит крыльцо на одной ноге[4]. Наверное, всей этой истории удивился бы иностранец, но нас удивить... До-

[1] В усадьбе Долматово отбывал ссылку знаменитый покоритель Кавказа генерал Ермолов, историю усадьбы Шишкино описал Пушкин в «Записках Нащокина», а сосед Нащокиных Илья Степанович Аристов стал прототипом Гринева в «Капитанской дочке». Знал бы Аристов, которому и при жизни досталось, что и после смерти памяти его покоя не будет от школьников... Если бы родственница Лермонтова знала, что ее скандальное венчание в селе Ильинском возле Судиславля с заезжим итальянцем Александр Сергеевич сделает основой сюжета повести «Метель», то она, быть может, и остереглась бы...

[2] Был у Третьякова тесть – купец второй гильдии Красильников. Тоже старообрядец. Ничего выдающегося. Торговал, как и все, холстами, грибами и сливочным маслом. Экономен был и бережлив, чтоб не сказать скуп. Детей и внуков заставлял на второй этаж своего дома подниматься по одной стороне лестницы, а спускаться по другой, чтоб подольше сохранить в целости и сохранности ступеньки. Не за это, однако, поминают его до сих пор недобрым словом земляки. Простить ему не могут того, что он двух своих дочерей специально не выдал замуж, чтобы те ухаживали за ним в старости. Ну, ладно бы одну, но двух... В Судиславле и теперь бывает, что отцы дочерей на выданье пригрозят строптивицам... Но это уж редко. Можно сказать почти никогда. Не те нынче времена, чтоб этим пугать.

[3] Перед самой смертью, в год начала первой мировой войны, Иван Петрович повредился в уме из-за того, что часть его капиталов находилась в немецких банках и в немецких ценных бумагах. И то сказать – объяви мы сейчас, к примеру, войну Германии или Америке, не говоря об Англии... Очередь из сумасшедших выстроится.

[4] По правде говоря, и весь изрядно обветшавший город стоит на одной ноге. И не столько стоит, сколько понемногу погружается в болота, которыми он окружен. Как тот польский отряд, который погубил Сусанин. Раньше, не при большевиках, а еще до них, под улицами города и его домами была устроена разветвленная дренажная система. Вода под

бавлю только, что могилы Третьякова и его жены на судиславском городском кладбище приводили в порядок тоже на народные деньги. В конце концов – кто им Третьяков, этим властям? Они пришли и ушли, а людям жить и ходить в больницу, и на кладбище.

Вернемся к музейным экспонатам. Вот на стене висят два портрета – Николая Второго и его супруги. Портреты как портреты – напечатаны к десятилетнему юбилею царской семейной жизни. Необычного в них то, что семь десятков лет прятали их в дровяном сарае. Владелец этих портретов в самом начале советской власти работал в потребкооперации. Кто-то из соседей на него донес, что он продал воз лука. Или не воз, или не лука, или не продал, но кто-то донес. Долго тогда не думали – арестовали все имущество и продали с аукциона. Соседи все и купили. Самого владельца портретов подержали месяц или два в кутузке, а потом вместе с семьей выселили в свой же дровяной сарай во дворе. Второй раз его взяли уже по пятьдесят восьмой статье и отправили из сарая в Магадан, откуда он уже не вернулся. Директор местного краеведческого музея Ольга Борисовна Копылова помогла его дочери получить компенсацию за незаконно репрессированного отца, и в благодарность за это та принесла в дар музею два портрета. Простая история. Таких историй у нас вагон и не один, не говоря о маленьких тележках. Вот только, как сказала мне сотрудница музея, читать материалы дела тяжело. Все эти безответные просьбы вернуть зимнее пальто, шапку, керосинку...

На одной из витрин приметил я небольшую серую коробочку начала прошлого века с пожелтелой стопкой карточек внутри. На первой было красиво написано «Почта Амура. Развлечение для взрослых». К этому заголовку был пририсован упитанный амур, увитый лентой, которая была завязана бантиком на пупке, а под амуром напечатано «Карточки, на которых написаны разные вопросы и ответы, кладутся на стол перед собравшимся обществом; если кто-нибудь из присутствующих захочет сказать что-либо другому лицу, то взяв из этих карточек одну с подходящей его мысли фразою, назвав камень или цвет, наименование которого помещено перед нею, передает лицу, с которым желает таким образом разговаривать. Лицо, получившее карточку, если желает ответить, поступает так же, как и первое, и т.д. При помощи Почты Амура можно заинтриговать и наговорить друг другу приятное и неприятное, объясниться и т.д. и все, между прочим, сидя в обществе и занимаясь общим разговором». Когда вы прочтете этот абзац, попытайтесь представить общество, занятое общим разговором, представьте, как вы называете камень или цвет, потом представьте лицо, которое вы желаете заинтриговать и наговорить ему приятное, коробочку, в которую могли бы поместиться взрослые развлечения и, наконец, попробуйте представить себе взрослых, которые так развлекались...

Возле коробочки с почтой Амура лежит маленькая желтая монета тысяча восемьсот тридцатого года. Самые обычные золотые пять рублей. Это, если смотреть на нее невооруженным взглядом, а вооруженным она фальшивая дальше некуда. Уже в наше время нашла ее у себя на грядках местная жительница и принесла в музей. От монеты этой тянется тонкая ниточка почти на двести лет назад к богатому судиславскому купцу старообрядцу Папулину. В те времена был Судиславль центром старообрядчества. Сам Папулин имел маслобойную фабрику, полотняную фабрику, торговал тем, чем и все местные купцы торговали – кожами, холстами, коровьим маслом и, конечно, грибами. В богадельне (на самом деле она была старообрядческим скитом), которую он выстроил на окраине города, постоянно проживали богомольцы. Это, если смотреть на них невооруженным взглядом, а если вооруженным, то беглые крестьяне. Они собирали ему грибы,

фундаментами домов не стояла, а уходила. Еще в советское время во время ремонтных работ находили в земле большого диаметра деревянные трубы. Никто их, конечно, не менял и не чинил. Теперь и ремонтные работы производят редко. Хоть поляков снова вызывай, чтобы тех, кто заводит город в трясину...

вязали на продажу варежки, плели лапти и кружева. Сам Николай Андреевич много жертвовал на благотворительность, а потому власти не то чтобы совсем закрывали на его деятельность глаза, но смотрели сквозь пальцы. Папулин был настолько ловок, что сумел купить, разобрать и вывезти в Судиславль из Сольвычегодска целую старообрядческую церковь, построенную еще во времена Ивана Грозного братьями Строгановыми. Оттуда же он вывез более тысячи икон строгановского письма. Сколько на самом деле было старообрядческих икон в его коллекции, теперь уж не узнать. Поговаривают, что в его коллекции были иконы, писанные самим Рублевым, и Острожская Библия шестнадцатого века. Список изъятых икон, понятное дело, не сохранился. Куда подевалась Острожская Библия, когда папулинские сокровища поместили для хранения в ризнице костромского Ипатьевского монастыря... И не только она.

Брали Папулина по личному приказу Николая Первого в 1845 году целой воинской командой из шести с лишним десятков солдат, четырех унтер-офицеров и одного поручика. От веры своей он так и не отказался, а потому и умер в тюрьме Соловецкого монастыря. Как власти ни искали, как ни допрашивали Папулина и его подельников, а следов чеканки фальшивых монет так и не нашли.

Ну, а теперь, пока экскурсовод не повел нас на второй этаж, расскажу о художнике Комлеве. Увы, в музее нет постоянной экспозиции, посвященной Герману Алексеевичу. Часть архивов, которые он еще при жизни передал в музей, некоторые его работы, фотографии хранятся в музейных запасниках. Даже и места нет для этой экспозиции, а ведь с его работами знакомы многие из нас. Был Комлев одним из лучших советских художников-миниатюристов. Не из тех, которые на рисовом зернышке пишут стихи из Евгения Онегина и которые, кроме как в микроскоп, не разглядеть, а из тех, которые рисуют почтовые марки и открытки. В детстве, когда я собирал марки с космическими ракетами, межпланетными станциями и портретами космонавтов, марки с рисунками Комлева... Нет, этого так просто не объяснить. Сидишь ты в гостях у одноклассника, или сидите вы на скамейке во дворе и изо всех сил меняетесь марками. Это вам не какой-нибудь аукцион Сотбис, на котором можно просто взять и заплатить больше всех. Тут обмен, натуральнее которого не бывает. У тебя, к примеру, есть совершенно ненужные тебе девчоночьи марки с цветами или зайчиками, которые тебе подарила ничего не понимающая в ракетах бабушка, а у твоего товарища есть серия из трех марок, посвященная двадцатилетию центра подготовки космонавтов. Вот и давай, торгуйся, прибавляй к своим цветам и зайчикам марку с танком или катюшей, а если и они не помогут, даже рогатку ручной работы с ручкой, украшенной резьбой и самой прочной на свете резинкой, за которую тебе отец чуть ухо...

Почти полтысячи почтовых миниатюр на самые различные темы нарисовал Комлев. В семидесятых годах он рисовал серию миниатюр, посвященных истории нашей почты. Два года изучал художник материалы к теме. В каких только музеях, архивах и библиотеках не бывал. Его эскизы утверждали в Академии Наук. Если бы у нас с таким тщанием делали... хоть что-нибудь. Хотя бы ракеты, которые так виртуозно вписывал в крошечные бумажные квадратики с зубцами Герман Алексеевич Комлев. Марки Комлеву заказывали и почтовые ведомства других стран. По просьбе Мадагаскара он нарисовал целую портретную галерею мальгашских национальных героев. ~~Без хвостов, как и просили заказчики.~~

На втором этаже музея в маленькой комнатке сооружают олимпийский зал. Ну, тут, как говорится, комментарии излишни. Раз у всей страны в некотором роде праздник, то и в Судиславле он должен быть, что бы себе ни думали по этому поводу сотрудники музея. Их-то как раз никто спрашивать и не собирался. В олимпийский зал уже завезли потухший факел, который нес по Костроме, кажется, судиславский школьник, куртку, шапку и перчатки с олимпийской эмблемой и надписью «Сочи». Рядом с факелом висит

на стене коврик с олимпийским мишкой, который выткала какая-то местная умелица еще к московской олимпиаде. Кажется, она во время работы над ковриком смотрела мультфильм о крокодиле Гене и Чебурашке. У мишки выткались такие огромные уши, что взмахни он ими как следует – улетел бы не только с коврика, но и из Судиславля. У противоположной стены висит на вешалке пожелтевший полушубок олимпийской чемпионки и уроженки Судиславля, лыжницы Олюниной, которая победила всех лыжниц еще в Саппоро, в семьдесят втором году. Рядом с полушубком стоит, прислоненная к стене, ее победная лыжа. Стояли бы и две, да вторую забрал себе московский музей истории олимпийского движения, который тоже срочно...

Вот, собственно, и весь музей. Есть еще зал, где стоит пианино и где проходят вечера русского романса, на которые приходят местные старушки и те, которые, как выразился экскурсовод, «работали в культуре». Время от времени в зале устраивают тематические выставки или вернисажи художников. Взрослых судиславцев в музей не затащишь, а вот школьников можно. Если, конечно, постараться. Билет в музей стоит десять рублей, а потому сначала надо уговорить учителя, чтобы он собрал деньги у детей. Учителя уговариваются плохо, потому что родители детей уговариваются еще хуже, а доплачивать самим учителям не по карману. Многие в Судиславле получают минимальную зарплату. Впрочем, даже если родители и дадут ребенку червонец, то редкое дитя донесет эти деньги даже до половины пути в музей. Музейные сотрудники уговаривают и родителей. Объясняют им на пальцах, что бутылка водки, которую они покупают, стоит гораздо...

В советское время, как рассказывала мне директор музея, было проще[1]. Школа заключала договор с музеем, а оплачивало все государство. В конце года государство перечисляло деньги с одного государственного счета на другой. Никто их и в руках-то не держал. Теперь всем охота деньги подержать в руках. И музей в этом смысле не исключение. Государство оплачивает музею только содержание здания и зарплату сотрудникам. Ну, зарплата в данном случае, конечно, слово слишком крепкое, которое надо разбавить. Тысячи две-три получает рядовой музейный сотрудник, но, поскольку такой зарплаты у нас быть не может по закону, то государство само же и добавляет к этим тысячам еще несколько, чтобы получилась минимальная из всех возможных зарплат. Надо признать, что некоторые сотрудники музея получают и по семь тысяч, а уж сколько получает директор музея, я и представить себе не смог. Короче говоря, все те деньги, все эти несусветные прибыли от билетов государство разрешает музею тратить на себя – половину на премиальные сотрудникам, а половину на развитие музея. На закупку музейных витрин, новых экспонатов, на научные исследования, на все то, что

[1] В советское время было и сложнее. Два раза в год приезжал в музей проверяющий смотреть книгу отзывов – не написали ли в ней граждане что-нибудь антисоветского. Граждане, как водится, писали. Поскольку в те времена музей находился в маленькой сырой полуподвальной комнате старинного дома, то граждане советовали местным властям поменяться с музеем помещениями. Ну, и разное другое, конечно, советовали. Не без того. В те времена всякая музейная экспозиция должна была, в соответствии с указаниями партии и правительства, состоять из строго определенных частей. Вот как в иконостасе любого храма праздничный чин всегда идет перед пророческим, а за пророческим праотеческий, так и в музейной экспозиции сначала должен был быть раздел, посвященный революции, за ним шла коллективизация, за ней индустриализация, за индустриализацией Великая Отечественная война, а завершал историю период развитого социализма, в котором мы все тогда, по утверждению партии и правительства, находились. Вся история Судиславля до семнадцатого года проверяющих не интересовала. Ее могло просто не быть. Ольгу Борисовну, которая и тогда, тридцать лет назад, была директором музея, дважды в год ругательски ругали за то, что отдела развитого социализма у нее не было. За то, что предшествовавшие семнадцатому году шесть с лишним веков истории Судиславля умещались на маленьком столике, ее не ругали, а вот за отсутствие развитого социализма... Но тут помогло несчастье. Вернее, нехватка площади. Для развитого социализма Ольга Борисовна отвела угол за печкой. Так и доложила начальству. Начальство, как услышало про угол за печкой так... а когда успокоилось, велело передать, что развитому социализму за печкой не бывать, что это для него обидно, что... и опять разволновалось. Потом прошло еще совсем немного лет, и выяснилось, что ни за печкой, ни в каком другом месте развитому социализму не место. Да и был ли он вовсе.

можно купить за эти деньги[1]. Эти, с позволения сказать, деньги, к примеру, в исключительно урожайном на прибыль тринадцатом году, составили ровно пятьдесят тысяч девятьсот рублей. Из них половину отдают на прибавку к зарплатам восьми музейным сотрудникам. В месяц получается каждому сотни по две с половиной или около того. Зато у них нет трат на транспорт, есть свои огороды, и они не лежат в больнице. Негде лежать. Перед тем, как лечь, надо еще настояться в очереди на больничные шесть коек[2]. И хлеб в Судиславле отличного качества и куда как дешевле московского. Особенно хороши румяные ватрушки, пироги с вареньем, с рыбой, мясом, луком и яйцами. Изюму, доложу я вам, в одну судиславскую ватрушку кладут столько, сколько не кладут и в три московских, не говоря о костромских. И грибов в округе видимо-невидимо. Правда, после того как в окрестностях Судиславля упразднили десяток ракетных шахт с баллистическими ракетами, выяснилось, что в те времена, когда они стояли на боевом дежурстве, из них вытекало ядовитое ракетное топливо. Не всегда, конечно, а иногда и даже очень иногда. Но очень ядовитое. Вытекало, как говорится, из вымечка по копытечку, а из копытечка во сыру землю. Не любят грибы ракетного топлива во сырой земле. Особенно в той земле, на которой они растут. А уж когда пустые ракетные шахты власти стали заполнять сотнями тонн оставшихся от наших реформ бумажных купюр, то к грибам стали подходить с опаской, а то и вовсе обходить их стороной.

Не все, конечно, в окрестностях Судиславля плохо. Из хорошего есть фабрика валенок и знаменитый на всю страну зверосовхоз, где на горе всем защитникам животных выращивают норку, соболя и лису. Во времена Советского Союза зверосовхоз входил в пятерку самых крупных зверосовхозов одной шестой части всей земной суши, а теперь и суши стало меньше, и зверосовхоз сбавил обороты в три с лишним раза. В три с лишним раза меньше убивают здесь каждый год животных. Сорок тысяч норок, соболей и лис. При зверосовхозе есть магазин мехов. Норковый полушубок, за который в Москве вы заплатите несусветных сто пятьдесят или даже двести тысяч и еще будете рады, что удачно купили, здесь вам обойдется в каких-нибудь сто. Ну, а для тех, кому по карману только подкладка в кармане норкового полушубка, есть меховые игрушки – норковые зайчики и собачки, котята, слоны и даже лоси из меха нутрии с замшевыми рогами. Все удовольствие – пятьсот рублей[3].

---

[1] Компьютер на такие доходы не купить, а без него теперь никак. Отчеты начальство требует присылать по электронной почте. И тут опять помог Третьяков. Нет, директор музея не устраивал обрядов и не взывал к духу Ивана Петровича с просьбой дать денег на компьютер или хотя бы указать место, где они зарыты, а позвонил по обычному телефону его правнучке, Музе Владимировне и денег не просил, но просто пожаловался. Муза Владимировна, у которой с деньгами не то, конечно, что у ее прадеда, в свою очередь попросила сына-академика, у которого тоже с деньгами… но он подарил музею компьютер. Пусть и бывший в употреблении, но вполне рабочий. Прошло десять лет. Видел я этот компьютер. Если бы он мог говорить, я бы у него спросил, как ему удалось дожить до такого преклонного возраста и сохранить работоспособность? Может, он каждое утро холодной водой умывал монитор?

[2] Если еще раз взять в руки калькулятор, то получается, что на каждого из тринадцати тысяч жителей города и района приходится в среднем около пяти десятитысячных койки или три квадратных сантиметра больничного одеяла, или по сантиметру от ножки кровати. Или по пять миллилитров подкроватного судна, если говорить о неприличном. Очень жаль, что теперь не принято, как это делалось при большевиках, сравнивать наше нынешнее положение с девятьсот тринадцатым годом. Прошло ровно сто лет, и мы, оглядываясь в наше светлое прошлое…

[3] И вот еще что. Везде я называю Судиславль городом. На самом деле он сейчас числится не городом, а поселком городского типа. Был и уездным, и заштатным городом, и даже селом, а сейчас вот поселок. Как хотите, а называть поселком город, которому, по самым скромным подсчетам, пошла седьмая сотня лет, у меня язык не поворачивается.

Герман ЛУКОМНИКОВ

***

Червь проснулся дождевой...
Он живой
И я живой.

***

Снизу твердь и сверху твердь.
Всюду жизнь и всюду смерть.

***

Тут такое происходит!
Солнце всходит
И заходит!

***

Нашла коса на яйца
И нежно прикасается.

***

К нам идёт цунами.
Оставайтесь с нами.

***

Что за мгла за краем глаза?

***

У меня такое чувство,
что искусство
д л я и с к у с с т в а

Герман Лукомников родился в 1962 году в Баку, с 1975 года живет в Москве. Работал дворником, сторожем, продавцом в книжной лавке «Гилея». Сотрудничал с газетой «Гуманитарный фонд». Печатался в журналах «Знамя», «НЛО», «Соло», «Волга», «Воздух» и др., в антологии «Самиздат века», а также в детских изданиях. Участвовал в проведении фестивалей и составлении антологий палиндрома и комбинаторной поэзии (вместе с А. Белашкиным и С. Фединым). Как составитель и редактор подготовил к изданию книги стихов Юрия Смирнова, Даниила Соложева (совместно с В. Орловым), Юрия Григорьева (совместно с А. и И. Бабенышевыми). Один из составителей (вместе с И. Ахметьевым, В. Орловым и А. Урицким) двухтомной антологии «Русские стихи 1950–2000 годов» (М., 2010). Автор двенадцати книг стихов, первая из которых вышла в 1993 году.

***

нет
ну есть же разница
между лиргероем и автором

сказал лиргерой

***

Где та молодая шпана...
А вот и она.

***

О сумрак облака, будь Гойя,
Слетая на́ поле нагое.
Нет, ты не Гойя, ты другое,
Каховка или Бологое,
Винтовка, понимаешь, родная...

***

дай угадаю

***

парус крыл
пару скрыл

***

Живу, до старости щенок...
Но эта штука между ног...

***

Удивись, повстречавши Лукомникова,
Чей девиз: «Не топчи каблуком никого,
Да и так не топчи, босиком их,
Даже маленьких злых насекомых!»

***

Дом Учёных.
Ну и чё, нах?

***

Когда мы придём к власти,
Она порвёт нас на части.

***

В грохочущую слякоть
Весь мир заставлю плакать.

***

Что упоение в бою?
Вот бездны мрачной на краю...

***

у нас фимоз га-
лавнова мозга

***

Стихи не пишутся – случаются,
От них другие получаются.

***

ВЫКРЕСТ, ЫДЫ ТСЕРКЫВ!

***

Да разве могут дети юга
Понять, как любим мы друг друга?!

***

спит пирожное картошка
дремлет булка марципан

***

вы знаете
куда идти

***

О, куц слог и гол, сцуко!

***

тибрют
и тибрют

и ты брут

***

о вахтёршах тёр шахтёр
о шахтёршах тёр вахтёр

***

вы даже не можете понять
что вы так не можете

***

он знал одной лишь думы власть
одну но пламенную страсть

а давайти пакуфаим

***

«В городе Рига», «на острове Крит», –
Только милиция так говорит.

Не говорите так, а говорите:
«В городе Риге», «на острове Крите»...

Света ЛИТВАК

***

на одветроме лебеди, утки, чайки
в этом городе в стайке голуби, утки, лебеди, галки
спорят с кошками, сорят крошками, с козами щиплют травку
собаки лают, чайки плавают, дети играют в карты
лебеди в парке клюют невесту, чайки лежат на волнах
утки, собаки – это не важно, голуби, галки – не страшно
вьют на каштанах гнёзда вороны, рыба уходит глубже
лебеди, лошади, козы, коровы – это уже не нужно
чайки, голуби, лебеди, утки выстроились в шеренги
все неприятности кончатся скоро, главное: кошки и деньги

2012

***

в кармане лавр, в штанине кактус
в рубахе пальмовый росток
февраль ползёт из Ялты в Гаспру
лианами дорог

разделены Зелёным мысом
торчат ветвями над заливом
олива слева, справа слива
да хиппари под кипарисом

бежит Мисхор за Кореизом
волна за яблочным огрызком
почти догнал, затмив собою
платан секвойю

на солнце снег, под снегом Крым
ущелья в стельку, пляжи в дым
в очках бульвар, в кроссовках вьюга
причуды юга

Свет Литвак родилась в г. Ковров Владимирской области. В 1981 году окончила Ивановское художественное училище. Работала чертежницей на заводе, преподавателем детской музыкальной школы, бутафором-декоратором в ЦАТСА, помощником воспитателя в яслях-саде, лаборантом Симферопольской научно-исследовательской станции. Автор нескольких книг стихов и прозы, член СП Москвы. Печаталась в журналах «Знамя», «Арион», «Дети РА» и др. В «Волге» стихи публиковались в 2011 (№5–6) и в 2012 (№11–12) годах.

***

на меня нашумело море
накричало, надуло в уши
шла оглохшая в его оре
по пропитанной солью суше

на горе озиралась лишней
сожалела о сущем вздоре
внутрь себя обращала мысли
и опять погружала в море

как избавиться ни старайся
от запретных приёмов пищи
сторонясь пароксизмов страсти
не уйти от захвата жизни

отряхну гребешки ракушек
мне прилипшие на запястье
грозный рокот всё дальше, глуше
не оглядывайся, мужайся

***

Когда знаток подробностями бредит
Свирепый звук исследуя ремнём
Идёт в расход неистовая леди
Французский дым над шёлковым огнём

Чем круче завивает чуб гламура
Над веерным огнём турецкий дым
Ещё короче злится увертюра
Ещё острей глубокий край воды

Где давится огонь клубами дыма
Стряхнув с колёс английский грузовик
Растоптанный толпою в сердце Рима
Над площадью стихает главный крик

Кто заработал право на порядок
Достоин высшей пошлости льстеца
Над польским рядом образцовых грядок
Накроют тени листьев тень листа

***

я востребую Аллу и Анну
для смешения разных цветов

для бренчания струн несогласных
несозвучных друг другу ладов

упомянутым струнам фальшивым
не сойтись воедино никак
я востребую Майю и Нину
как униженной гордости знак

я востребую Розу и Флору
для смещения мира границ
недоступных людскому позору
всей семьёй нелюбимых сестриц

для скрепления клятвенной кровью
очевидно рискованных уз
я востребую Дарью и Софью
и не думаю, что ошибусь

если вместе сведённые девы
мной востребованные вздохнут
раздадутся такие напевы
о которых не слышали тут

***

который день табун коней
одетых в сбрую золочёну
как с неба стая лебедей
который день табун коней
скользит по каменному склону
стремится к бездне всё быстрей
который день табун коней
одетых в сбрую золочёну

природа блага

все части мира милостию божьей
не станут совершенней сверх того
не смогут стать прекрасней в смысле пользы
и лучше в смысле вида своего

объект восторгов, грёз и упований
достигший совершенного вершин
посредством зримой формы познаваем
составит удовольствие души

уродливое в форме человека
природные дефекты или грех
страстями изувеченный калека
в высокое страдание облек

продукт тысячелетней мясорубки
явил собой эстетике укор
а в то же время некто Сомов-Уткин
обрёл благообразия декор

так Замухра Харчиповна Живаго
бывает, в общем, ничего себе
когда не лишена природы блага
и не воображает о себе

предмет, которым мы не обладаем
пусть даже он законченный дебил
для нас он воплощённый Далай-Лама
предмет желаний и предмет любви

традиции, законы и привычки
и множество других достойных средств
сюда включая предпочтенья личные
становятся мерилом совершенств

коль скоро мы красивы от другого
и не красивы сами по себе
то нами управляет чьё-то слово
реченное в любови иль злобе

как могут быть оценки достоверны
когда все предпосылки не верны
не всякие критерии, во-первых
не всякие сужденья, во-вторых

непредсказуем точный ход событий
всё будет, как всегда, наоборот
напрасно вы всё это говорите
никто вас не услышит, не поймёт

растраченные попусту заряды
разбившиеся вдребезги мечты
от благости проистекает благость
но гибнет красота от красоты

как не бывает ночи без рассвета
так не бывает худа без добра
доколе есть зима и будет лето
взыскует бытие небытия

как свято место не бывает пусто
так мнений быть не может кроме двух
прекрасен Филлосиска Кровопусков
и безобразен Дыдка Сопяух

Сергей ДИГОЛ

НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ

Рассказ из цикла «Пантелеймонова трилогия»

И с восьмой попытки замок не поддался.

– Руки замерзли, – соврал Пантелеймон и, сбросив рукавицы прямо на снег, энергично потер друг о друга ладони.

– Все-таки три года прошло, – тихо добавил он, на этот раз чистую правду.

Разговаривал Пантелеймон с входной дверью одноэтажного дома из красного кирпича, под крышей которого удобно, словно так и было задумано, расположилось ласточкино гнездо, пустовавшее, в отличие от дома, всего-то до ближайшей весны. Ключ, намертво заклинивший в скважине навесного замка, Пантелеймону Берку отдал сосед – Богдан Челарь, вот уже три года как обосновавшийся в Италии. С тех пор Богдан не то что не наведывался в родные Мындрешты, он и позвонил-то всего однажды.

– Ты заходи иногда, – попросил Челарь вечером накануне вылета, подливая Пантелеймону в глиняную кружку темное как кровь вино, – время, сам знаешь, какое...

Пантелеймон был односельчанином Богдана и в дополнительных разъяснениях не нуждался. Его и самого, бывало, будил по ночам звон бьющихся стекол – звуковое сопровождение очередного разграбления очередного дома. Мындрештские дома сиротели на глазах, словно в селе прописался торнадо, выхватывающий одного жителя за другим и изрыгающий их то поодиночке, а то и целыми семьями в Греции ли, в Испании, в Португалии или в России – одним словом, там, где был хоть какой-то шанс зажить по-человечески. В Мындрештах такая возможность таяла как мартовский снег на заброшенном молдавском поле.

– По данным всесоюзной переписи населения, в 1989 году в Мындрештах проживало шесть тысяч четыреста пятьдесят два человека, – сказал Пантелеймон, а Богдан горько вздохнул и понимающе закивал головой.

Столь подробной осведомленности Пантелеймон был обязан книге «Молдавская ССР в цифрах», которую он как-то взял на недельку в сельской библиотеке, да так и не вернул. Страницу с единственным во всей книге упоминанием родного села он вырвал и, подчеркнув карандашом соответствующее предложение, прикрепил листок канцелярской кнопкой к стене. Иногда, натыкаясь на пожелтевшую страницу, Пантелеймон менялся в лице и доставал из-под кровати бутылку водки.

– Дожили, – горестно шептал он, глядя в окно на опустевшее село и, ухнув, залпом выпивал из заляпанного стакана.

Вино Пантелеймон употреблял только по большим праздникам, да и то если угощали. Обычно это случалось на Святого Василия, Святого Андрея, на Пасху и Родительский день. Девятого августа, в день Святого Пантелеймона, угощал он сам, загодя покупая две десятилитровых бутыли душистого муската у Богдана Челаря, который, в свою очередь, ничего кроме вина не признавал. При коммунистах – не тех, что доразворовывали страну после народнофронтовцев

Сергей Дигол родился в 1976 году в городе Каушаны, Молдавия. По образованию историк, по профессии – рекламист. Живет в Кишиневе. Лонг-лист «Русской премии» за 2011 и 2012 годы. Лонг-лист премии «Национальный бестселлер» в 2013, 2014 годы. Публикуется в «Волге» с 2010 года.

и аграриев, а при прежних, советских, Пантелеймон и сам делал вино: каждую осень и никак не меньше шестисот литров.

– А сейчас что ж? – спрашивал он у окон домов, более не отвечавших, как в прежние времена, приветливыми лицами хозяев, продававших Пантелеймону виноград.

Своего виноградника у Берку никогда не было, да и откуда виноградник у механизатора, с рассвета вкалывающего на родной колхоз? К собственным участкам в Мындрештах всерьез относились лишь те, кто формально не имел отношения к сельскому хозяйству, но в ком, однако, свербел такой же крестьянский инстинкт, как и во всех остальных. Учителя и каменщики, фельдшеры и члены сельсовета – все те, у кого Пантелеймон покупал виноград, легко разменяли родину на унизительную, но сносную жизнь за границей, так что переход на регулярное потребление водки был в какой-то степени вынужденным. Конечно, виноград можно было украсть с колхозных плантаций, да только колхоз вот уже лет тринадцать как развалился, а на месте колхозного поля выросли ровнехонькие, словно шеренги президентского полка, частные виноградные посадки, огороженные колючей проволокой, за которой прогуливались угрюмые амбалы с автоматами наперевес.

Впрочем, перейти на горькую Пантелеймона вынудил отъезд не только поставщиков винограда, но и собственной семьи. Жену Серафиму, вычищавшую от навоза коровьи стойла в Испании, Пантелеймон не видел с девяносто девятого. Еще через год к матери присоединилась Виорика, единственный ребенок Пантелеймона и Серафимы, улетевшая при первой же возможности – по достижению восемнадцати лет и приуроченного к этому событию получению загранпаспорта.

– Как я буду без вас, – шептал Пантелеймон в кишиневском аэропорту, провожая взглядом проходящую через проем металлоискателя дочь.

Слезы навернулись на его глаза – Пантелеймону стало безумно жаль себя.

Вскоре из Испании пришло письмо. Серафима спешила обрадовать супруга, сообщив, что Виорика славно устроилась в городе Сарагосе и что даже собирается замуж. В качестве доказательства в конверт была вложена фотография, увидев которую, Пантелеймон не узнал собственную дочь. На ногах Виорики, сфотографированной вполоборота, были сетчатые чулки, переходившие в очень короткую мини-юбку, из-под которой выглядывали – вот срам-то – массивные ягодицы, которые Пантелеймон раньше как-то не замечал. Сорочка на дочери была застегнута, начиная с третьей пуговицы, и заметив в районе бюста две бесстыдно выпячивающие точки, Пантелеймон покраснел, а еще сделал вывод, что Виорика заснята без лифчика. Дочь стояла между двумя державшими ее за талию мужиками: одним – пожилым, с седыми висками и выдающимся животом, и другим – помоложе и постройнее, с усами, перерастающими в бакенбарды, и с тщательно приглаженными назад волосами. «Антонио, мой жених», – прочел Пантелеймон на обороте карточки и, перевернув фото, стал внимательно разглядывать мужчин, пытаясь определить, кто же из них Антонио, а кто жених.

Фотография, вопреки замыслу Серафимы, расстроила Пантелеймона. «Совсем уже большая», – подумал он о дочери и еще – о том, что старость не за горами. Шумно вздохнув, Пантелеймон бросил фотографию на стол и полез под кровать – за очередной бутылкой.

«Нельзя, нельзя падать духом», – подумал он, наливая водку в стакан.

Да и повод выпить был. В тот же день кроме письма Пантелеймон получил от жены денежный перевод – пятьсот евро.

***

– Алло! Богдан! Ты, что ли, брат? Ну, обрадовал! Здорово, сосед! Хо-хо! Как ты там? Алло! Алло! – орал в трубку Пантелеймон, хотя слышимость из Вероны была намного лучше, чем из Кишинева и уж тем более из Теленешт – ближайшего районного центра.

Впрочем, эмоции Пантелеймона были объяснимы, ведь слышать Челаря ему пришлось впервые за три года. И в первый раз за три года он вспомнил о просьбе соседа.

– Конечно, захожу! На днях вот подмел! – продолжал он кричать, бегая глазами по комнате и лихорадочно вспоминая, куда подевал ключ. – Серко? Подкармливаю, а как же! Прожорливый, зараза! Да говорю же, нормально все! Ты-то как?

Оказалось, не очень. Корнелия, супруга Богдана, к которой, он, собственно, и улетел в Верону, вот уже несколько лет как сожительствовала с итальянцем, продавцом недвижимости, в дом которого она попала для ухода за парализованной тещей. Со смертью тещи, по-видимому, обладавшей сильнейшим влиянием на зятя, с итальянца словно свалились оковы и, окрыленный, он поспешил освободиться и от тещиной дочери. Корнелия, женщина глупая, но обладавшая звериной – истинно женской – интуицией, прочувствовала диспозицию с первых же дней пребывания в доме, и к моменту кончины подопечной предприняла все от нее зависящее, чтобы сделать развод хозяев неизбежным. Не ожидала она лишь одного – что Богдан, ее законный супруг, которого и в Кишинев-то было не выманить, возьмет вдруг, да и объявится промозглым январским утром под окнами дома, адрес которого она зачем-то надиктовала ему по телефону и простить себе, дуре, этого не могла.

...В зале суда Корнелия рыдала так, что заглушала свидетелей, общественного защитника и даже прокурора. Ей было очень жаль мужа – небритого и осунувшегося, недобро смотревшего на нее с banco degli imputati. Напрасно успокаивал Корнелию ее итальянец: переводя замутненный взгляд с мужа на любовника, голубые глаза которого теперь особо выделялись на фоне черных мешков – верного признака сотрясения мозга, – она впадала в такое безутешное состояние, что судье приходилось несколько раз удалять несчастную из зала. Тем не менее, заявление свое итальянец не отозвал, опасаясь, что этот сумасшедший молдаванин только и ждет, чтобы убить его, на этот раз окончательно. Да и зачем ему было отзывать заявление – Корнелия-то ни о чем таком не просила.

– Я неделю как освободился! – кричал в трубку Богдан, хотя слышал Пантелеймона так же безупречно, словно звонил в Геную или в Палермо. – И у меня билет на самолет! На четырнадцатое! Пантелеймон, а я точно холодильник выключил? Поверишь, все три года в тюрьме мучался, не мог вспомнить. Алло, Пантелеймон! Слышно меня? На четырнадцатое билет, слышишь? Пантелеймон! Алло!

Пантелеймон молчал – он изучал настенный календарь.

Четырнадцатое февраля! Получается, ровно через неделю. А через пять дней, двенадцатого, Пантелеймон летит в Барселону. К жене и, стало быть, к дочери: из Барселоны, писала Серафима, до Сарагосы рукой подать.

– В Барселону, – с удовольствием произнес он и, отворив калитку, шагнул во двор соседского дома.

Собаки, к счастью, нигде не было, иначе, подумал Пантелеймон, наголодавшийся за три года пес наверняка оттяпал бы ему полноги, а то гляди и чего поважнее. Подле конуры валялась цепь без ошейника: видимо, наскулившись на голодный желудок, Серко из последних сил сорвался с привязи и дал деру с родного двора. Что лишний раз доказывает: собаки и впрямь похожи на своих хозяев.

Чтобы попасть в дом, пришлось повозиться. Висячий замок совсем заржавел и, как Пантелеймон ни старался, ключ не поворачивался, словно был и не от этого замка.

– Руки замерзли, – сказал Пантелеймон и, сбросив рукавицы прямо на снег, энергично потер друг о друга ладони. – Все-таки три года прошло.

И, несмотря на боль в пальцах, решил не отступать.

– В Барселону, – повторил Пантелеймон и, расплывшись в улыбке, стал похож на кота, раскинувшегося на крыше под первыми весенними лучами.

Смачно харкнув прямо на замок, он развернулся и решительно зашагал прочь.
К себе домой – за монтировкой.

***

Так, вроде ничего не забыл.

Две пары трусов и две – носков. Одна рубашка с коротким рукавом – желтая, без двух пуговиц на животе и одна с рукавом длинным – в клетку, фланелевая. Жарко, наверное, летом во фланелевой, ну да ничего. Другой рубашки с длинным рукавом все равно нет.

Два свитера и пара джинсов, севших после стирки: пока живот не подберешь, не влезешь. Но и это ерунда, да и новый ремень покупать не надо – старый-то совсем износился. Да, и пара сандалий, это если не считать ботинок, что на ногах. Ну и остальное, во что одет, включая дубленку и кепку с эмблемой мюнхенской «Баварии». В общем, никакого огромного, на колесах – еще чего – чемодана, несмотря на то что лететь за границу и, скорее всего, навсегда.

Пантелеймон еще раз сунул нос в кулек с одеждой и, пересчитав вещи, положил его на стул у входной двери. Из другой мебели в комнате оставался лишь стол без скатерти и кровать без матраса, без подушки и без одеяла. Берку довольно крякнул. Впервые за много лет к нему вернулось чувство гордости за то, что он молдаванин.

«Ну хитер, ну молодец», – думал он о себе, потирая руки.

В прошлый раз эту гордость он испытывал в девяносто третьем, когда, жмурясь от слепящих лучей, смотрел на солнце сквозь зажатую в дрожащих пальцах купюру достоинством в один лей.

«Вот она, независимость!» – восторженно думал Пантелеймон, ликуя от вида излучавшего неземное свечение молдавского господаря Штефана. Господарь виновато смотрел с купюры куда-то в сторону и вверх.

В отличие от полусотни односельчан-горлопанов, которые в конце восьмидесятых пешком – хотя с транспортом тогда еще проблем не было, – с песнями, вином и транспарантами топали аж до самого Кишинева на митинги Народного фронта, Пантелеймон Берку как дважды два понимал, что словами, пусть многократно усиленными репродуктором, самостоятельности не добиться. Не мог он понять другого: почему другие этого не понимают.

– Вот ты кричишь: «Русские, убирайтесь вон!», а перестанет Москва выдавать нам рубли, тогда что делать будешь? – спрашивал он Адриана Василиу, усатого тракториста с темно-шоколадным от многодневного стояния на бурлящей площади лицом.

– Уеду на заработки в Россию, – не моргнув глазом, ответил Адриан и обещание свое сдержал. После распада Союза и развала колхоза, не дожидаясь более тяжелых последствий, Адриан рванул на нефтяные месторождения Тюмени и даже, поговаривают, принял российское гражданство.

«Страна считается оккупированной, пока ее территория занята вражескими танками или пока ее граждане используют в качестве официального платежного средства валюту иностранного государства». Пантелеймон вычитал эту фразу в восемьдесят девятом в газете «Гласул». Потрясшее его предложение Берку обвел карандашом, а заметку вырезал и прикрепил кнопкой к стене. Когда карандашные линии на газетной вырезке почти слились с буквами, а буквы – с пожелтевшим фоном, Пантелеймон заметку сорвал, тем более что статья в «Гласуле» достоверностью прогноза не отличилась: оказалось, что с введением собственной валюты происходит не укрепление государства, а массовый отток населения, так что новая страница – из «Молдавской ССР в цифрах» – пришлась как нельзя кстати.

Но сейчас подзабытое чувство вновь распирало душу Пантелеймона. А когда его душа расширялась, у Пантелеймона, по какой-то загадочной физиологической закономерности, раздувались и ноздри.

«Ну хозяин, ай да молдаванин!» – думал Берку, шумно выдувая воздух из ставших гигантскими ноздрей и поглаживая толстенный фотоальбом, лежавший на столе.

В альбоме за его, Пантелеймона, фотографиями – отдельно и с женой, с женой и с дочерью (до чего очаровательный был ребенок!), за фотографиями собственных родителей, родителей жены, за фотографиями дяди Пети и тети Марианны, погибших в аварии, за фотографиями каких-то теток жены, один бог знает, как их зовут, за фотографиями нанашей – Гали и Тудора, живших счастливо и спившихся в один год, за фотографиями соседей, рассеявшихся как сон – кто за границу, а кто – на тот свет, за фотографиями застолий, курортов, колхозных собраний с вручением Пантелеймону вымпела «Отличнику соцсоревнования», и еще – за фотографиями десятков, сотен совершенно незнакомых людей, остававшихся в памяти только благодаря этим самым фотографиям, – притаились, круглым счетом, тридцать две тысячи евро, девятнадцать с половиной тысяч долларов и восемьдесят восемь тысяч леев.

Был, конечно, риск, что на таможне заинтересуются странным грузом – часто ли через границу семейные альбомы везут – да только пересылать все состояние супруге Пантелеймон не решился. Уж слишком много мужей были брошены обжившимися на вольных хлебах женами, и бедняга Богдан был далеко не первым в этом списке. Собственно, потому-то Пантелеймон и отказался продавать альбом, за который, между прочим, предлагали пятьдесят лей. А что – кожаный переплет, чеканный медальон с красным камнем посередине обложки, – наверняка можно было сдать, и не за пятьдесят, а за все двести пятьдесят леев в какой-нибудь из антикварных магазинов Кишинева.

«В Испании продам», – решил Берку и вышел на улицу – подышать морозным ночным воздухом. Часы показывали полтретьего, но спать Пантелеймону было никак нельзя. Ровно в три приедет такси, заказанное аж за триста леев из райцентра, чтобы самое позднее к пяти-полшестому быть в кишиневском аэропорту. В Будапешт, город-привал на пути в Барселону, самолет вылетает в семь пятнадцать, посадка завершается за сорок минут до отлета, да пока доедем, да таможенный контроль...

Сделав несколько глубоких вдохов, Пантелеймон вернулся в дом.

– Ну, прощай, – пробубнил он и оглядел пустую комнату. В других комнатах тоже было пусто, да так, что эхо отвечало в полный голос даже скрипящему под ногами полу.

Пантелеймон продал решительно все. Все, на что нашелся покупатель. Вещи, на которые охотников не нашлось, Пантелеймон продавал за бесценок – он очень торопился поплотнее наполнить альбом.

Теперь, глядя на распухшую фотоколлекцию, страницы которой касались друг друга, только если альбом придавить задницей к табурету, Пантелеймон гордился тем, что он молдаванин.

«Вот она, независимость!» – подумал Пантелеймон. Пройти бы только таможни, а там... Райская страна, беззаботная жизнь, и пусть жена что-то вякнет – вычищать ей коровье дерьмо до конца своих дней!

Перевязав альбом веревкой крест-накрест, Пантелеймон отправил его в кулек – в компанию к одежде. На столе оставались деньги на такси, билеты на самолет и загранпаспорт.

И еще – конверт, запечатанный и аккуратно подписанный.

***

«В Барселону», – радостно затрепетало в груди Пантелеймона, и он швырнул изуродованный монтировкой замок в угол комнаты. Снег таял, стекая с ботинок грязными струйками прямо на ковровую дорожку.

Какие все-таки красивые названия: Барселона, Сарагоса, Валенсия, Мальорка. Разве в этих городах могут плохо жить? И куда нашим Мындрештам до них? Нет, только вслушайтесь: Барсе-ло-на! Это же музыка, звуки цимбалы, пение канарейки – Серафима писала, что эта птица в Испании чуть ли не в каждом доме.

В доме Богдана было аккуратно: будто кто-то невидимый – неужели домовой? – следил за порядком все три года. Даже пыли не заметно.

Холодильник!! Черт, он работал – тихо, как и полагается итальянскому холодильнику, но все же работал. Пантелеймон выдернул штепсель и усмехнулся – все-таки в тюрьме Богдан переживал не зря.

В большой комнате Пантелеймон сразу направился к серванту – освобождать его от чешского хрусталя. Посуды было очень много – без большой коробки никак. Такая, из-под телевизора, была – он вспомнил – в погребе, хоть бы мыши не погрызли. Пантелеймон матюгнулся: хочешь не хочешь, а снова придется идти домой.

– Домнул Челарь?

Пантелеймон вздрогнул и присел на корточки.

– Дом номер девять?

Это еще кто? Соседи выследили?

– Эй, хозяин!

Да какие соседи? Все село в курсе, что Богдан Челарь в Италии.

– Есть кто живой? Э-эй!

– Не надо стучать, я уже иду.

И Берку, щурясь от света и поигрывая монтировкой, вышел на крыльцо. На скамейке у самого окошка сидел плотный детина в синем комбинезоне и резиновых сапогах до колен.

– Домнул Челарь? – повторил он и смерил Пантелеймона недоверчивым взглядом.

– Да. То есть нет. То есть...

– Будем отрезать, – сказал мужик в комбинезоне и достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

Берку крепко сжал в руке монтировку.

– Что отрезать? – спросил он и глотнул слюну.

– Дом от электричества, конечно, – уточнил мужик.

Он закурил и, выдохнув облако дыма, показал на синий, под цвет комбинезона, фургон за воротами:

– «Юнион Феноса» . Районное отделение Теленешт.

Слава богу! Не полиция и не бандиты? Ффу! Пантелеймон тихо, чтобы мужик не услышал, перевел дух. Феноса, говоришь? Здоровый, гад. Феноса... За имя сойдет. Круглое такое имя. Ну точно, вылитый Феноса.

Тогда, может...

– Как так отрезаете? – завопил вдруг Пантелеймон, – это еще что за новости?

Феноса был явно готов к такому повороту разговора. Он даже не взглянул на монтировку, только достал из кармана какую-то бумажку.

– Четыре тысячи семьсот шестнадцать леев, – лениво прочел он, – ваш долг за три года и четыре месяца. Ведь это вы – Челарь Богдан Васильевич?

– Вот сука, – стукнул себя ладонью по лбу Пантелеймон и уселся прямо на крыльцо.

– Не понял, – приподнялся в свою очередь Феноса.

– Да Челарь этот ваш... вот урод, а!

И положив монтировку рядом с собой, Пантелеймон доверительно повернулся к мужику в комбинезоне.

– Понимаешь, я дом у него купил. Неделю как. Дом-то видишь, какой, – он постучал кулаком по стене, – добротный, теплый, семь лет всего дому. Да и внутри просторно, не то, что у меня. Я ведь сосед Богдана. Да во-о-он мой дом, где антенну ветром погнуло, все никак не поправлю, видишь?

Феноса оторвал зад от скамейки и, кивнув, словно поняв, о каком доме речь, снова сел.

– Все, б..., продал, – заскулил Пантелеймон, выдавливая кулаком слезу из правого глаза, –

ковры, мебель румынскую, телевизор, все! Да если бы только продал, хрен купил бы! Жена, знаешь, сколько лет, спину за границей гнула? Знаешь что, брат? Пошли-ка ко мне, а? Пойдем, пойдем! Увидишь, до чего, суки, простого крестьянина довели. У меня и водка есть, а?

И он с жаром схватил мужика за рукав.

– Да какая на х.. водка? – вскочил Феноса, одергивая руку, – мужик, я дом от-клю-чать буду и мне насрать, чей он – твой, Челаря этого гребаного! Вы зае...и уже, по восемь, б.., десять лет не платите! Уедет в Грецию, сидит там, б..., на шее у жены, пока та е...ся со всеми подряд! Ну и п...й себе, но за электричество плати! Мне зарплату кто – жена Челаря твоего платить будет? Процент с отсоса, б...? Тогда отключайся на х... от сети и езжай себе в Грецию, в Италию или в эту, как ее...

– Он холодильник забыл выключить...

– Кааакой холодильник? – Феноса почти прижал свой нос к носу Пантелеймона и, сверкая глазами, орошал его слюной и окуривал запахом ядреного табака.

– Хороший. «Индезит». За две тысячи отдам.

– Чего? – сразу обмяк Феноса и отступил назад, как от сумасшедшего отшатнулся.

– «Индезит», говорю. Итальянский холодильник, – Пантелеймон говорил тихо, мысленно умоляя руку с монтировкой не предпринимать самостоятельных действий. – Хозяин почти не пользовался. Такой в магазине семь тысяч стоит, я в Кишиневе видел.

– Да ты чего, мужик? – застыл Феноса с широко разведенными руками – в положении, одинаково удобном как для сердечных объятий, так и для внезапного удара в челюсть.

– Дайте хотя бы пару деньков, я еще кое-что продам. Долг верну, клянусь дочерью. Говорю же, дом купил, поистратился весь...

Бросив ставший внезапно тоскливым взгляд на фургон за воротами, Феноса кашлянул и вытянул шею, заглядывая в открытую дверь дома.

– А кроме холодильника? – вполголоса поинтересовался он.

– Да ты заходи, присмотрись – потоптавшись на крыльце, по-хозяйски ступил в дом Пантелеймон и жестом пригласил Феносу сделать то же самое, – деньги с собой?

***

Долбануть бы его, урода, дверцей по башке, пока вылезает из машины!

– Я же просил не опаздывать, ровно в три просил же!

Пантелеймон с ненавистью швырнул кулек в багажник такси. В кульке была завернутая в газету колбаса, буханка хлеба и кусок брынзы в целлофане. Водку не взял – куда с водкой через таможню! Другой кулек – с одеждой и семейным фотоальбомом – он бережно положил на колени, усевшись на заднее сиденье забрызганной грязью «Волги».

– Так всего же на пятнадцать минут, – заискивающе улыбнулся в зеркало заднего вида шофер, яростно включая заднюю передачу.

– Вот потому-то кругом такой бардак, – назидательно поднял палец Берку, – там пятнадцать минут, здесь пятнадцать леев – и нет страны.

– Может, музыку включить? – таксист не был настроен выслушивать двухчасовые нравоучения явно занудного пассажира.

– Только веселую, – строго сказал Пантелеймон.

– А как же, – обрадовался таксист и врубил радио на полную громкость.

«Д-ля кого-то п-росто лётная погода, а вэдь это п-роводы люб-ви», – окутало Пантелеймона облако бархатистого кавказского баритона.

– Нет-нет, оставь, – остановил он потянувшегося было к приемнику таксиста, решившего, по-видимому, что Кикабидзе недостаточно весел. – Хорошо поет.

И Берку закрыл глаза.

Странно, подумал он, вот уезжают люди, бросают дома, даже семьи – и их как будто и не было. Никто и не вспомнит. Ну не вспомнил же Пантелеймон о своем обещании Богдану. Да и о самом Богдане, если честно, напрочь забыл.

А вот Пантелеймона будут помнить. Долго будут, думал Пантелеймон.

И всего-то дел – надо просто успеть оставить о себе память.

За себя Пантелеймон был спокоен – он успел.

До приезда такси он успел добежать до сельской почты и опустить в почтовый ящик письмо.

***

Участковому села Мындрешты, Теленештского района
домнулу сержанту Пынтя Ю.А.
от жителя села Мындрешты, Теленештского района
домнула Берку П.Т.

Заявление

Довожу до вашего сведения что сегодня 11 февраля 2007 года около 9.15 утра я случайно стал свидетелем разбойничьих бандитских действий в отношении дома моего односельчанина домнула Челаря Б.В. Незаметно проходя мимо дома домнула Челаря Б.В. я случайно заметил у ворот фургон с надписью Юнион Феноса номер машины TL AE 326.

Еще я заметил двух человек в синих комбинезонах одетых и выносивших из ворот холодильник, ковры, сервиз чешский, хрустальную люстру, сервант даже. это все что я успел заметить. не знаю может выносили еще что-то но я уже ушел потому что торопился в магазин. Мне уезжать надо и надо продуктов на дорогу. Вы не подумайте что я сразу не заявил. Сейчас время такое убьют за десять леев не моргнут. А кто же тогда выведет на чистую воду? Кто так сказать окажет содействие? Вот я и сделал вид что не заметил и что меня не заметили.

Но зато могу описать фоторобот. Один бандит среднего роста с меня ростом. У меня я измерялся в республиканской больнице в Кишиневе в 2003 г. когда у меня были камни и сказали ваш рост домнул Берку сто семьдесят шесть. В паспорте я специально посмотрел 178. А врачам я доверяю хотя с меня за операцию взяли четыреста шестьдесят леев и еще свои лекарства. а в паспортном столе в Теленештах на меня просто посмотрела женщина и сказала где-то сто семьдесят восемь, как таких только берут в паспортный стол возмутительно! Этот первый бандит он такой же почти но здоровый очень. даже толстый. это чтобы точнее портрет нарисовали у вас там в компетентных органах. Небритый. Лицо злое когда злится и карие глаза. Курит я не заметил какие сигареты но плохие. У меня алергия на сигареты и я в них не разбираюсь а врач сказал у вас говорит алергия и с вашими легкими только курить сразу на кладбище. Так что говорит хорошо что не курите. вы очень больной человек. Но запах я чувствую всегда даже издалека. А так я даже не подходил чтобы меня не заметили и я сразу понял что-то тут не то. Все знают что богдан в Италии то есть я сразу сообразил. Да я сообразил! это посторонние может даже бандитские выходки я сообразил и сразу так и подумал. Второй тоже был и я хорошо помню. Молодой пацан еще совсем худой конечно. тоже конечно в комбинезоне синем и в сапогах, сейчас грязь ночью подмерзнет а утром-то оттаивает и вообще это у инспекторов Юнион Феносы такая униформа что ли. Ну вы сами знаете не мне вас учить. Не знаю не мне вас учить это не мое дело конечно и я очень извиняюсь домнул сержант что вас учу но я бы домнул сержант по номеру машины стал искать. Вы поищите надо бы обыск провести у этих пидарасов. Это же надо дожили. Я так думаю это бандиты переодетые еще оделись бы в вашу форму с погонами домнул сержант и тогда совсем беспредел. Надо както решать это все! Я не знаю я бы сам свидетелем первым на суде а так жена вызов прислала куда я сейчас. Я восемь лет жену не видел дочка замуж собирается и прислала карточку с женихом.

Примите пожалуйста все меры какие оперативные у вас есть. Нельзя же допустить! И это у нас в селе где в 1989 году население составляло шесть тысяч четыреста пятьдесят два человека. А сейчас куда не посмотришь! Так все разбегутся в Грецию а там жена отсасывает и дочка б...дует и с жопой фотографируется. Вы не подумайте у мена моя Серафима на ферме и я тоже буду честным трудом работать и пользу приносить. Но у нас же невозможно! Это как же домнул сержант надо было постараться? Колхоз развалили, фермы разворовали стекла по ночам бьют и среди бела дня грузят в фургон. Да что же это как же! Ни тебе работы ни денег и даже на леи эти ни хера не купить. А посмотреть в глаза простому крестьянину боятся а он между прочим двадцать два года с половиной гнул в колхозе спину и был отмечен партией и правительством а теперь стоят пидарасы с автоматами охраняют. А чьи я спрашиваю поля? Вы от кого от народа охраняете а нет чтобы расстрелять из автоматов капиталистов которые вас держат как собак на привязи и жируют и будут вашим детям копейки платить и веревки вить. Это же надо так развалить! Вот она независимость-то!

Я вас всегда уважал домнул сержант и вы знаете и очень лично очень прошу домнул сержант примите меры. Богдан такой человек все село уважает а нет чтобы кто присмотрел за домом пока человек в беде. Так всю республику растащат вы и бровью моргнуть не успеете.

Пантелеймон Берку анонимный свидетель.

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

новый улисс

гекзаметр ползет по скучнозёму,
куражится жуковский, сладкий дым,
там листья жгут старательно и сладко,
а ночью спят на вяленой земле.

такие посещают мысли – сжечь бы
всё кунцево и сетунь заодно,
чувствительность, к чертям её собачьим,
ласкательными подметают пол.

обратный курс на длиннооостный дом,
который снёс лужков, но сладок дым,
летящий ниоткуда, приставучий,
как возвращенье в пьесе «три сестры».

острие копья
(развивая роберта фроста)

он ржавчиной обмазан, клюв-не-клюв
от птицы отвалился, хвост и крылья
истерты в пыль и вырваны из песни,
осталось их домыслить и продолжить,
наметить штрих и воскресить бросок,
и блеск полета – голос римской арки,
всё молкнет перед музыкой железа.
останемся существовать внутри
одной известной истины – в глаза
смотреть тому, кто встал напротив,

Григорий Стариковский родился в Москве в 1971 году, с 1992 года живет в США. Учился в Колумбийском университете. Публиковал переводы поэзии с английского, французского (Арагон), немецкого (Тракль). Стихи печатались в журналах «Крещатик», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Новом журнале», антологии «Освобожденный Улисс», статьи и рецензии — в журналах «Знамя», «Вопросы литературы» и др. Автор книг «На углу» (2005), «Левиты и певцы» (2013).

поймать его на страхе и втянуть
ноздрями запах черной крови,
ещё не пролитой, а воздух свиристит
на копьеносной, серебристой мо́ве,
но кто уйдет, а кто спасется, вряд ли
узнаем мы, когда придут за нами.

***

не забыть, хоть немного, но помнить,
как родится зернистая ткань,
горсть откроешь, а там – шелупень
и подзол, околевший пожар,
так не пахнет ничто, разве копоть.

отскрести лицевой и личинный
генузский паленый форпост,
где таласса скукожилась в хруст,
в горле – музыка, братская кость,
и под ложечкой нож перочинный.

***

выдвинулись черепашьим ходом,
под усердье тыловых слизней,
крепко лжет крапленая колода,
проигравшему видней.

есть ещё отметка родовая
соль да сыпь, в колоду втёртый крап,
подавись, бухтящий дар валдая,
смолкнешь, тоже будет хлеб.

и валет, повапленный, двуликий,
из талассы лезет, черномор,
будто он какой-нибудь деникин,
будит на море пожар.

хладнокровья незалежный уголь
запихаем в топку букваря,

шулер-мулер, гоголевский кругель
подменил колоду втихаря.

***

только что голубело, и вдруг затянуло
сизой наволочкой, кто со двора запевает?
солнце, его искореженная колесница,
как бы собраться с силами, побрататься
с погодой, белую ленту на штык погоды,
если нет мёда, *что* у нас вместо мёда?
голод, на первое и на второе голод,
солнце поёт в крупицах воды под мостами,
свет истончается в белый, чуть сладкий выдох,
облако, давай меняться местами,
сладкое самоуничижение,
чиж напевает в клетке,
кто его голос услышит?

годовщина

он говорил: *«я – юпитер, а ты –*
бычья порода, куда тебе в небо,
ходи по земле и не думай,
смотри лучше под ноги».

улетел на войну, напросился,
не знаю зачем, мог остаться,
отсидеться, никто и не требовал
после гипса, пожил бы ещё,

подышал бы, а так – кандагар,
штурмовая бригада, ракета,
вертолёт кувырком и в лепёху,
как теперь мне ходить по земле?

***

как выжить в тесноте древесной,
настырным вёсельным огрызком

и черенком лопаты,
утопленной –
по край железа –
в зеленую и сыромятную,
оплёванную землю,
сквозь *выползень*
всего, что прёт на свет
и дышит сквозь,
и теплится,
как можжевеловая чёлка,
треплется,
как доползти
до тёплого,
где яблоня цветёт,
и шелушится ветвь.

Зиновий ЗИНИК

БЕЛЫЙ НЕГР И ЧЕРНАЯ КОЛА

Рассказ

Эдик верил, что свет разума и рациональное начало в конце концов победят темные силы, страхи и примитивные инстинкты в природе человека. Он обещал себе неустанно бороться со своими низкими чувствами. Разум говорил ему, что нет никаких рациональных оснований считать, что чернокожий африканец (не говоря уже об американском негре) стоит на низшей – по сравнению с белым европейцем – ступени развития. Он всей душой осуждал расизм. Презирать человека за другой цвет кожи было абсурдно. Эдик знал, что это дурно, но ничего с собой поделать не мог. В присутствии негра он просто не понимал, как себя вести: входил в состояние паники, немел, взмокал от пота и пялился, как в афишу коза. Недаром негров когда-то показывали в зоопарке как экзотику. Африканские джунгли, людоеды, обезьяны, тарзаны. Ему было противно от собственной низости.

«Знаешь, старик, надо угадать в себе эти темные силы и примитивные инстинкты, обуздать их и вынести на всеобщее обозрение. И создал Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся – ну и так далее, и увидел Бог, что *это* хорошо. Понимаешь, старик? Хорошо! В этом и заключается дар писателя. Писатель создает новые миры из всего темного и примитивного. Он как Бог – для него ничего дурного не бывает: все созданное им – хорошо. Вот и ты так должен творить. И если, поставив точку, не можешь сказать: это *хорошо*, – выброси все написанное на помойку!»

Так писал ему в Москву из Нью-Йорка его друг и наставник Марк Гранкин. Критические обзоры Гранкина и его размышления о судьбах русской литературы регулярно печатались в еженедельнике «Новый американец». Его суждениям Эдик верил безоговорочно. Под его влиянием Эдик пытался сочинять прозу, рассказики, истории всякие. Согласно его же указаниям, все написанное Эдик выбрасывал на помойку. Именно потому, что никак не мог обнаружить в себе эти темные силы и низкие инстинкты – особенно после напряженного рабочего дня в отделе компьютерного обеспечения огромной московской фирмы. Но вот сейчас, оказавшись туристом в Нью-Йорке, он наконец понял, что и в нем тоже живут эти самые подавленные инстинкты и страхи, не поддающиеся контролю разума. А это внушало надежду на вход в литературный мир. С этим чувством он и шел в гости к Марку Гранкину.

Сам Манхэттен, как будто вычерченный линейкой геометра (с юга на север идут авеню, с востока на запад – стриты), был материализацией именно такого рода конфронтации – разума и инстинкта, потому что в толпе людей на улицах (авеню и стритах) не было и следа геометриче-

---

Зиновий Зиник родился в Москве в 1945 году. В 1975 эмигрировал в Израиль, с 1976 года живет и работает в Лондоне. Автор пятнадцати книг прозы, переведенной на ряд европейских языков. В России печатается с конца 80-х годов. Недавние издания: книга на английском языке «History Thieves» («Похитители истории») (Лондон, 2011), сборник эссе «Эмиграция как литературный прием» (М.: НЛО, 2011) и сборник избранной прозы «Третий Иерусалим» (М.:НЛО, 2013). Публиковался в журналах «Иностранная литература», «Знамя», «Урал», «НЛО», «Критическая масса» и др. В 2012 году в «Волге» печаталась статья о прозе Павла Улитина (№7–8), рассказ «На безрыбье, или Принцип неопределенности» (№9–10).

ской безупречности. Это был серый декабрьский денек, с неба сыпалась какая-то мглистая невразумительная дребедень, размазывающая небоскребы в одно неразборчивое пятно, как будто ты видел все, сидя внутри такси перед запотевшим стеклом. Из решеток вентиляции нью-йоркской подземки апокалиптически извергались клубы пара, переругивались друг с другом гудками и сиренами автомашины в пробке, как некое музыкальное сопровождение к молитвенному повторупричитанию продавцов хот-догов и всякой белиберды с уличных лотков. Манхэттен показался ему коридором гигантской коммунальной квартиры – замусоренной, перенаселенной и крикливой. На каждом углу толкались нищие и бродяги. И главное – черные. Негры то есть. То есть, наверное, не все из них были африканскими неграми. Но в этой мгле трудно было различить, кто негр, а кто просто черномазый из какой-нибудь Мексики. Они были для Эдика все на одно лицо. И их было много. Чуть ли не каждый второй. В глазах от них было черно. Они готовы были оскорбить Эдика, ограбить его, избить, прошить шприцами наркоманов с зараженными иглами и выбросить на помойку, как неудачный рассказ. Разумом он понимал, что это не так, что это паранойя, тяжелое наследие изолированности советской России от всего остального мира, но ничего с этим параноидальным страхом поделать не мог.

Он поделился своими противоречивыми чувствами в отношении чернокожих во время застолья у Гранкина. Гранкин и его приятель, поэт Будкевич, согласились с тем, что расовая проблема до сих пор – ключевая для Соединенных Штатов. Сам Гранкин так и сказал: ты, старик, задел самую чувствительную болевую точку американского бытия. Труп расизма восстает из гроба истории. Призрак рабовладельческого прошлого до сих пор бродит по американским штатам в разном криминальном обличье – будь то наркомания или вандализм, вооруженный грабеж или мелкое воровство, детская преступность или взрослая невменяемость. Кто, скажем, поколение за поколением получает пособия по безработице и инвалидности, продолжая безответственно плодить детей-наркоманов? Черные. И американское общество, в кандалах политической корректности, ничего не делает для перевоспитания этого паразитического меньшинства, которое грозит стать большинством в недалеком будущем. Потому что американцы парализованы чувством вины за преступления своих предков-рабовладельцев. Говоря все это, Гранкин выставил вторую бутылку бурбона.

– В России рабства не было, но расизм, тем не менее, тоже расцветает пышным цветом, – решился заговорить о собственных комплексах Эдик.

– Как это в России не было рабства? – возразил поэт Будкевич. – А как насчет крепостного права?

– Но не было работорговцев, – поддержал Эдика его ментор Гранкин. – Знаешь, с плетьми, с галерами.

– Насчет галер не знаю, но плети как раз были. А торговля мертвыми душами? Вспомним Чичикова.

– Ну это всё Гоголь, русская душа, а я говорю о работорговцах и африканских неграх в кандалах.

– Гоголь был украинцем.

– Но писателем он был русским. Ты прочти «Другую страну» негритянского писателя Болдуина. Ты поймешь разницу. Раса – как другая страна. Роман, кстати, был переведен на русский.

– Само слово негр по-русски – это, по-моему, расизм, – сказал Эдик.

– Говорят, у негров самые большие члены, – сказал Будкевич.

– Это кто говорит? Это расизм. Среди кого – самые большие? Насколько мне известно, самый большой член у улиток,– сказал Гранкин.

– Глупости, как это может быть? Улитка – размером с палец!

– Вот-вот. Все зависит от того, с какими мерками мы подходим, какими масштабами руководствуемся. Пенис у улитки самый большой в пропорции к размерам ее собственного тела. Кроме того, улитки – гермафродиты. У них есть и пенис, и вагина.

– А твой Джеймс Болдуин? Он ведь еще и пидарасом был.

– Ну и что? Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Я конечно осуждаю расизм, но гомики – это выше моего разумения. Это я принять не могу.

– Чего ты не можешь принять?

– Ну знаешь, трахаться туда... в общем, понятно.

– Куда? Ничего не понимаю.

– Сам знаешь.

– А с женщинами это можно?

– Я с женщинами такого себе никогда не позволял.

– У тебя вообще с сексом проблемы. Недаром ты до сих пор без бабы.

– Это потому что мой английский хромает. Я не могу заворожить женщину своим остроумием и обаянием.

– Найди себе даму из России. Косяками тут ходят.

– Мне не интересно. Я что, для этого в Америку эмигрировал?

– А для чего ты, действительно, эмигрировал? Может, ты у нас пидор?

– Я эмигрировал от антисемитизма.

– А знаешь анекдот про Рабиновича и козу? Идет Рабинович по русской деревне, а навстречу ему коза...

– Да-да, слыхали. Но про негра и обезьяну будет посильней. Если послушать российские анекдоты про негров, уши вянут. Знаешь, про то, как идет негр по русской деревне, а навстречу ему два русских мужика. Один другому говорит: смотри – обезьян!

– Это расизм, – сказал Эдик.

– Вот-вот. Безобразие. Негр им так и говорит: как вы можете, это расизм, я кончал Гарвард, изучал Гоголя, идеально говорю по-русски, почему вы оскорбляете меня расистскими кличками? Тогда один мужик – другому: смотри – обезьян, а говорит!?

– А слышали, как Сергей Довлатов встретил ночью негра в Нью-Йорке? – спросил Гранкин. Он был другом Довлатова по Ленинграду. Довлатов был легендой русского эмигрантского Нью-Йорка. Он работал на радиостанции «Свобода». Его рассказы в переводах печатал журнал «Нью-Йоркер». Ходили слухи, что его вот-вот напечатают гигантскими тиражами в новой свободной России. И Гранкин рассказал Эдику историю про то, как Довлатов с женой после какой-то пьянки шел по ночному Нью-Йорку и заблудился в даунтауне. Это была душная влажная нью-йоркская летняя ночь. На улицах валяются бродяги и бродят доходяги. Жуть. И вдруг из переулка появляется гигантский негр. И движется прямо на них. Негр почти голый, в майке, мускулы размером с пудовые гири, с шеи свисают цепи, на руках браслеты, волосы заплетены в африканские косы. Довлатов решил: всё, конец. Все дальнейшее рассказала ему жена. На мгновение оцепенев, Сергей встряхнулся и бросился вперед, навстречу негру, схватил его в свои объятия и – поцеловал! Прямо в губы. Взасос. «Ты видел когда-нибудь белого негра?» – спрашивала его потом жена. Дело в том, что негр от этого поцелуя совершенно побелел. От страха. Глянул с побелевшим лицом на огромного, чуть ли не двухметрового Довлатова и бросился бежать с криками ужаса, гремя цепями и браслетами.

Выпили за здоровье Довлатова. Разошлись довольно поздно. Свои внутренние противоречия Эдик так и не разрешил, но, несмотря на то что довольно сильно нагрузился, чувствовал некоторое облегчение. По крайней мере поговорили откровенно, без уловок, на болезненную тему. Вокруг сияла реклама, и в этом вавилоне огней, в этой сияющей тьме трудно было разобрать кто негр, а кто белый, кто эллин, а кто иудей.

Его Hilton был в двух шагах за углом. Лифт был явно малогабаритный для такого огромного отеля, и Эдик оказался зажатым между пожилой парой в спортивных рейтузах и бейсбольных кепках, матерью-гигантессой с кошелкой, где спал младенец, азиатского вида бизнесменом с ди-

пломатом в руке, молодым человеком с университетским рюкзачком и его подругой на роликовых коньках. Эдику было жарко: его твидовый пиджак – специально для этой поездки – был не для перетопленных американских интерьеров. На седьмом этаже (Эдику нужен был двадцать первый) в дверях лифта возник огромный негр в безукоризненном белом – не по сезону – костюме, вроде таксидо. «Down?» – спросил он, глядя на Эдика, и, не дождавшись ответа, поспешил войти в лифт. «Up!» – с запозданием услышал он из задних рядов. «Dawn!» – сказал негр: он ошибся направлением – лифт шел вверх, а ему явно нужно было вниз. Но двери уже закрылись, и лифт поплыл дальше. Готовясь выйти на следующем этаже, негр остался стоять у дверей, вплотную к Эдику. На две головы выше, он нависал над Эдиком нью-йоркским небоскребом. Глянув на него украдкой из-под низу, Эдик поразился резными чертами лица, как будто из отшлифованного черного мрамора. Эдик пытался отодвинуться от нового попутчика, но сзади как будто поджимали те, кто должен был выйти на следующем этаже, так что он и негр оказались прижатыми друг к другу в невидимом объятии – или как в клинче на ринге.

В этот момент лифт дернулся и остановился между этажами. Эдик не в первый раз застревал в лифте. Но это были отечественные лифты. Ты знал, что кто-нибудь обязательно придет на помощь. Ты знал: рано или поздно внизу обнаружат, что лифт не пришел обратно, поднимут тревогу. Позовут милиционера или водопроводчика из домоуправления. Соседа с ломом в руках. Ты мог выкрикивать на родном языке матерные слова в адрес лифтерши. В России всё может быть и ужасно, но ты знаешь, кто виноват и что делать, хотя сделать ничего не можешь. Здесь же ты был в руках у судьбы, изъяснявшейся на иностранном языке. Здесь ты – заложник полной неопределенности. Лифт повис между этажами, а внутри лифта повисла тишина. Все молчали и старались не встречаться взглядами. Так ведут себя люди западной цивилизации: делают вид, что ничего не произошло, и даже в катастрофические моменты сохраняют нейтральное выражение лица. Входя в лифт, ты должен улыбнуться: не потому, что ты любишь всех, кто оказался в лифте, а чтобы показать, что не собираешься расстрелять их на месте.

Все хорошо, прекрасная маркиза. Эдик обвел глазами лифт – есть ли вентиляция, или же мы начнем задыхаться через несколько минут? Склонный к фатализму, Эдик с самого начала ожидал какого-нибудь подвоха в этом чуждом ему мире. Нависающая над ним гигантская атлетическая фигура негра в белом была воплощением этой загадочной и страшной фатальности чужой цивилизации. Ему показалось, что губы негра дрогнули в странной улыбке. И тут Эдик почувствовал, что в его бедро вжимается нечто твердое, упругое и живое. Да, это был тот самый инструмент – член, орган, пенис. В тесноте лифта Эдику мерещилось, что пенис этот становился все больше и больше. Мощная эрекция. Неужели у негров действительно самые большие члены? Гранкин, впрочем, прав: размеры в принципе относительны, а не абсолютны – это зависит от точки зрения. Женщины считают, что размер вообще не важен. Как зардевшаяся девочка, Эдик склонил глаза долу, делая вид, что ничего не происходит. И увидел внизу, среди других ног в кроссовках, мокасинах и док-мартенах, еще и туфли негра: это были белые, под цвет его шикарного чесучового костюма, лакированные туфли с глубоким вырезом. На высоченных каблуках – на шпильках. Это были женские туфли. Этот негр с гигантским членом был еще и трансвеститом. Может быть, это и есть Джеймс Болдуин, про которого говорил Гранкин? Он пообещал себе прочесть этого автора, как только вернется в Москву. Или же этот негр – мужчина-гермафродит с вагиной? Может быть, это гигантская улитка? Эдику казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Впрочем, упасть в этом битком набитом лифте ему никто не дал бы. Эдик был в панике. Может быть, надо закричать? А вдруг это не пенис уперся Эдику в бедро, а цилиндр складного зонтика в кармане? И тогда его обвинят в оскорблении личного достоинства национальных меньшинств, за это в Америке можно получить и тюремный срок.

В этот момент лифт дрогнул и взмыл вверх. Вместе с лифтом дрогнула и качнулась толпа пассажиров внутри, и негр на своих высоченных каблуках, удерживая равновесие, вжался телом в Эдика, на мгновение обхватив его плечи своими огромными руками, как бы в невольном брат-

ском объятии. Эдика передернуло. Негр, казалось бы, заметил гримасу у него на лице. Sorry, сказал он, тут же отстранившись. Лифт скользнул вверх и остановился на следующем этаже. Белая спина негра скрылась за беззвучно сомкнувшимися дверьми.

Эдик вышел из лифта на своем этаже и облегченно вздохнул. Перед дверью в свой номер он похлопал себя по карманам в поисках пластиковой карточки – электронного ключа. Он нашел ее в левом кармане пиджака вместе с неиспользованным билетом нью-йоркской подземки, что было странно, поскольку ценные вещи, вроде этой карточки-ключа, Эдик обычно держал в своем бумажнике, в правом внутреннем кармане. Он нащупал этот правый карман. Карман был пуст. Бумажник исчез. В уме он тут же прокрутил сцену в лифте минуту назад: качнувшийся лифт, прижавшийся плотно к Эдику негр с его пенисом, на шпильках, его руки, скользнувшие по пиджаку Эдика, как бы мгновенно обыскавшие его. Пенис Джейса Болдуина был отвлекающим маневром. Он его дезориентировал, пока ловкие руки негра вытягивали из его внутреннего кармана бумажник. Белая спина негра в дверях лифта. У вас спина белая. Goodbye, ladies and gentlemen.

В глазах у Эдика стало темно от бешенства. Он ринулся обратно к лифтам и через мгновение был на первом этаже. Он успел вовремя. Негр в белом стоял на своих шпильках у искусственной пальмы перед автоматом с напитками и шоколадом рядом со стойкой регистрации. В руках у него был бумажник. Черный бумажник. Его, Эдика, бумажник. Он собирался расплачиваться за плитки шоколада и банки кока-колы его, Эдика, долларами. Этот бумажник был для Эдика еще и своего рода сувениром; это был подарок Марка Гранкина, когда тот впервые, после многих лет эмиграции, снова появился в Москве. Он привез фломастеры для детей, всякие шарфики для дам, а Эдику подарил бумажник. «Искусственная, между прочим, кожа», – заметила между прочим подруга из офиса, когда Эдик гордо повертел новеньким бумажником, расплачиваясь в московском баре. «Но зато как у них все хитро устроено и заранее продумано!» – и Эдик продемонстрировал три разного размера отделения для денег, квитанций и, возможно, визиток, и пластиковый кармашек для удостоверения личности, щелки для визитных карточек и даже внутренний кошелек с молнией – для мелочи и всякой всячины. Сейчас он смотрел, как этот негритос своими черными пальцами с бесстыдным спокойствием, нагло и не спеша, пересчитывает доллары. Его, Эдика, доллары.

Эдик ринулся к негру с кулаками. Оказавшись перед черным гигантом, он вызывающе задрал подбородок и выбросил вперед руку, чтобы выхватить у него свой бумажник. Это был жест, неожиданно напоминающий пионерский салют.

– Валет! Отдай мой валет! Give me back мой бумажник! – Эдик знал, как пишутся многие английские слова, но не знал, как они произносятся.

– Wallet? – угадал негр. Он смотрел на Эдика жалобно и вопрошающе. В его глазах с нежной поволокой вокруг зрачков читалось удивление и одновременно страх. Тысячелетнее наследие рабства. Ошарашенный, он протягивал Эдику бумажник и испуганно оглядывался по сторонам: его поймали с поличным и он явно боялся полиции. Эдик выхватил бумажник у него из рук. Это была морщинистая рука стареющего человека. Только сейчас Эдик понял, что негр этот далеко не так молод, как показалось в лифте. Как будто пытаясь задобрить Эдика, негр протянул ему заодно еще и банку кока-колы, только что выскочившую из автомата. С банкой в одной руке и с бумажником в другой Эдик с выправкой триумфатора гордо зашагал обратно к лифту.

– These fucking Russians! – услышал он голос негра у себя за спиной: обидчивый голос лузера. Откуда он знает, что я русский? Может быть, он учился в Москве, в Лумумбе какой-нибудь? Но Эдик не обернулся, чтобы сказать все, что он думает о карманных воришках родом из африканских джунглей.

Добравшись до номера, Эдик плюхнулся в кресло перед телевизором. Он бросил на газетный столик свидетельство своей победы, военный трофей – свой черный бумажник. *Не такие мы мудаки, чтобы всякому пиндосу-негритосу отдавать кровно заработанные баксы.* Он был в страшном возбуждении. Перед тем, как исследовать, сколько баксов исчезло из его бумажника,

он вскрыл банку с кока-колой, доставшейся ему от негра внизу. Эдик сделал огромный глоток черной жидкости. Странный вкус. Он вгляделся в этикетку. Это была не кока-кола. Это была банка с пепси-колой. Той самой пепси (а не кока-колой), которую он так и не смог попробовать в детстве, когда ее раздавали бесплатно в пятьдесят бог-знает-каком году на Американской выставке в Сокольниках.

Все его детские приятели со двора на Преображенке опробовали этот магический черный напиток из белых бумажных стаканчиков, отстояв в очереди на километр к киоску Pepsi Cola прямо у входа на американскую выставку. Но Эдика привел на выставку отец, и у отца не было времени на эти глупости. Он тащил семилетнего Эдика за собой из павильона в павильон, час проторчал перед полотнами со страшной мазней, бормоча: *сюрреализм? абстракционизм? ужас! извращенцы!* – и потом долго бродил между предметами ширпотреба вроде кухонных комбайнов, телевизоров с холодильниками, где лысый русский дядька (Хрущев) кричал американцу (Никсону) прямо в толпе зрителей перед кинокамерами, что мы догоним, а потом и перегоним Америку с нашими спутниками и самоварами без всяких цветных телевизоров. Короче, к последней раздаче пепси-колы они опоздали. А на следующий день рядом с метро Преображенская (где они жили) Эдик увидел первого в своей жизни негра. Именно в жизни, потому что в кино негра он уже видел. Поскольку пепси из бумажного стаканчика ему не досталось, отец сжалился над ним и подарил деньги на газировку и на билет в кино. Это был утренний сеанс с фильмом «Пятнадцатилетний капитан», где злодей-кук подставляет под корабельный компас топор, и корабль вместо северо-запада плывет на юго-восток и попадает не на Пятое Авеню в Нью-Йорке, а к работорговцам в Анголе. Но чернокожий гигант по имени Геркулес – любимый негр всех советских детей – спасает подростка с его друзьями-пассажирами из плена в джунглях, и все они попадают обратно к себе на борт корабля, поворачивают паруса на северо-запад и возвращаются благополучно в Америку.

Выйдя из кинотеатра, малыш Эдик отправился на угол с двадцатью копейками в кармане, чтобы отведать малиновой газировки. Но к газировщице и ее волшебной тачке-агрегату для шипучки было не подступиться. Эдик пролез сквозь кольцо глазеющих граждан и увидел рядом с газировщицей чернокожего человека. Он был черный весь, с ног до головы черный. В белом летнем костюме. Он пытался что-то объяснить газировщице на своем негритянском наречии. Газировщица пялилась на этого инопланетянина, не понимая, естественно, ни слова. Чтобы как-то успокоить черномазого гостя страны Советов, она налила ему стакан газировки с малиновым сиропом. Негр стал рыться в карманах, но газировщица замахала руками: мол, бесплатно, бесплатно! *От советского народа! Интернационал!* Эдик любил шипучку с малиновым сиропом больше всего на свете. Он завидовал, что негр получил газировку с малиновым сиропом бесплатно. Но негра газировка не удовлетворила. Он оглядывал толпу: люди стояли плотным кольцом, молча изучая эту обезьяну, явно сбежавшую из зоопарка Американской выставки. Негр махнул от безнадежности рукой и двинулся осторожно, как партизан, прочь из окружения. И налетел на Эдика. Нагнулся к нему. Эдик, в панике, задирая подбородок, разглядывал лицо из черного мрамора с нежной поволокой в глазах вокруг зрачков. Резные губы раскрылись, сначала беззвучно – как будто это была статуя, а не человек, а потом произнесли фразу на ломанном русском:

– Малчик, малчик, где я? Я потерял путь.

Эдик помнил, как он таращился на негра, так похожего на Геркулеса из кинофильма. Это был киногерой, сошедший с экрана в его, Эдика, советское детство. Он не знал, как этот негр отыщет путь обратно. Эдику хотелось, чтобы этот негр взял его на руки, унес с собой – не на Американскую выставку, а прямо в Соединенные Штаты Америки.

Сейчас, сидя в нью-йоркском отеле, он продолжал сжимать пустую банку пепси-колы, возвратившей его в детство. На запотевшей холодной поверхности банки отпечатались его пальцы, как на экране пограничного контроля в аэропорту Кеннеди. Насчет паспортов Маяковский сегодня оказался бы неправ: ко всем паспортам отношение было плевое. Наоборот: если тебе оказывают излишнее внимание, значит тебя подозревают. Но отпечатки пальцев аккуратно снимали с

каждого иностранца. Эдик не знал, верхом или низом выворачивать пальцы и куда их прижимать. Негр-контролер взял его руку и стал направлять каждый его палец в нужную позицию. Негритянские пальцы были длинные и узкие, как кордебалет Большого театра, но Эдику мерещились каннибалы в джунглях. Метафора насчет Большого театра была не к месту. Там все балерины белые. С другой стороны, в «Лебедином озере» есть и черные лебеди. Эдик содрогнулся от прикосновения негра, палец его дернулся, и всю процедуру по снятию отпечатков пальцев пришлось повторить.

Сейчас его снова бросило в жар, как и тогда, перед паспортной стойкой. Он поднялся и открыл стенной шкаф, чтобы проверить, на месте ли его паспорт. Может быть, негр в лифте прихватил заодно и краснокожую паспортину? Паспорт во внутреннем кармане куртки был на месте. Вместе с бумажником. Черным бумажником. С этим бумажником в руках Эдик вернулся в кресло и положил этот предмет на журнальный столик. От выпитого сегодня в гостях у него плыло и даже двоилось в глазах. Двоилось буквально. Потому что он увидел перед собой на журнальном столике два одинаковых бумажника. Рядом с отвоеванным у чернокожего вора бумажником лежал еще один, совершенно такой же – его двойник – из кармана куртки. Но у Эдика не должно было быть двух бумажников, как и не было двойного гражданства. Эдик потянулся к бумажнику из куртки и стал вертеть его в руках, пока не убедился, что этот второй бумажник ему не мерещится. Он заглянул вовнутрь разных отделений. И убедился в том, что это был его, Эдика, бумажник. Собираясь в гости к Гранкину и надев вместо куртки твидовый пиджак, он, очевидно, забыл переложить во внутренний карман пиджака свой бумажник с паспортом. Бумажника в пиджаке не было вовсе не потому, что негр ловко вытащил его у Эдика в лифте, а потому что бумажник был у Эдика все это время в куртке, оставшейся в номере. Бумажник, который Эдик отнял у негра, был вовсе не его, Эдика, бумажник. Этот бумажник ему не принадлежал. Он принадлежал негру. Эдик ограбил человека.

Он схватил украденный бумажник и бросился к лифтам. Внизу, в холле отеля никого не было. Эдик выскочил на улицу. Глупо было ожидать, что негр будет дожидаться его, Эдика, раскаяния где-нибудь поблизости, на углу. На другой стороне улицы он заметил человека в белом, догнал его на следующем перекрестке, схватил его за рукав, тот обернулся, и в свете уличной рекламы Эдик увидел, что человек вовсе не негр и костюм его далеко не белый, а просто отсвечивал в неоновом свете рекламы под моросящим дождем. Эдик напрасно искал в мокром асфальте отсветы белых лакированных туфель на шпильках. Он двинулся еще за одним темным призраком, еще раз понял, что ошибся, пересек (с юга на север) несколько стритов, потом свернул (с востока на запад) на другое авеню, вернулся на несколько стритов вниз к югу и понял, что запутался в географии и уже не понимает, в какую сторону ему идти, чтобы найти угол своего отеля.

Малчик, малчик, я потерял путь.

Все авеню и стриты казались ему на одно лицо. Но номера у них были разные: в Нью-Йорке потеряться трудно. Это только бумажники бывают одинаковыми. Рядом со входом в его отель в ярком свете уличных фонарей над уличным прилавком с разным барахлом ворожил негр в шерстяной клоунской шапочке. Весь прилавок был завален черными бумажниками. Точно такими же, что и у Эдика в сжатом кулаке.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

***

Весна занавешена тюлем и вся – залежавшийся сыр.
Когда выпускают из тюрем, и жизни кладут на весы
Обычные граждане мира, в дрожащем дыханье тепла
Так много прямого эфира, кривляния из-за угла.
Вот полная чаша коснется земли, отправляющей в рост –
И тополю в шахте колодца легко дотянуться до звезд,
И те, что, взирая угрюмо, колеблют воздушную ткань
И будят соленый, как юмор, ледок молодого цветка,
И заповедь служб караульных читают в ночи наизусть,
Как пчелы в заброшенном улье, молчать научаются пусть.

***

Чревовещатель зачервивел,
В надломе шляпки потемнел,
Смотри, и в Керченском проливе
Подводный телек починил.

Бог пароходства и лукавства,
И это сходство неспроста,
Его звезда взошла над царством,
Гори, гори его звезда.

Храни подробное молчанье
На глубине советских рыб,
Переключи канал вещанья
Как Чук и Гек, минтай и хек,

О, серебристый голубь мира,
Вернись в отеческий ковчег!

Алексей Александров родился в 1968 году в г. Александров Владимирской области. Живет и работает в Саратове. Публикации в журналах «Волга», «Воздух», «Дети Ра», «Новый берег», «Урал», альманахах «Улов», «Дирижабль», в антологиях «Время "Ч". Стихи о Чечне и не только», «Нестоличная литература» и др.

***

Они опять включили эту пушку...
Пора достать фольгу из сундуков
И вшить в бейсболку, так-то, братец Нео!
А ты все ложки гнешь на гоп-концертах,
Измазанные в порошковой каше,
Подмигивая негру-ветерану.

Счастливые, как слезы стариков,
Текут дожди над хмурым приграничьем,
И этот жидкий дым малярной кистью
Разбрызгивает главный наш колдун.
И то сказать – как в сказочном Багдаде
У нас печет, поджаривая бок.
Тлетворный Запад шлет своих агентов,
Но ты ведь, брат, непулепробиваем?

Они опять поют про русский дух,
А в подворотнях те же дураки,
Свернувшие с дороги столбовой,
Круговороту возвращают долг.
И если нету ложки, чем тогда?
И почему за воду вздорожало?

***

Из тумана выезжает танк с крестом, похоже, тигр.
Вот пришла война большая, а солдатам не до игр –
В поле лагерь свой разбили, продержались дотемна,
Ели хлеб и водку пили, такова была цена.

Но когда за первой ходкой проскочил и мессершмитт,
Взял ружье, надел пилотку их старшой и говорит:
Всё, пора, стреляй, ребята, не считая, как в кино –
На земле, огнем объятой, пуль серебряных полно,
Пчел смертельных, ос тревожных, молодых, как сны, шмелей, –
Только так убить их можно, ты их, гадов, не жалей.

Поливай из адской лейки трупы огненной водой,
Повторяй салям алейкум над проклятою ордой,
В щели лезущей устало и на всё забившей болт,
И закроются порталы, телеграф, аэропорт,
Нерушимая граница, где дарит исподтишка
Шамаханская царица золотого петушка.

***

Эпоха с человеческим лицом.
Жизнь удалась, а после удалилась,
На посошок и рюмку с холодцом.
Поскрипывая бритвою, Далила
В цирюльне над клиентом гоношит.
Напротив цирка – голубь у фонтана,
Через дорогу точатся ножи
И ножницы, тупые и подавно.

Такие вот бенгальские огни
В январский день, отложенный для мая.
Из пентаграммы меловой шагни,
Свечной огарок к сердцу прижимая,
В чужие фильмы о великом дне,
Где рыбы ходят тучными стадами,
Как будто на батальном полотне –
И, если приглядеться, не при даме
Сказать, чем разбавляют хлебный квас,
И это чувство острое, как чили:
Не удалилась и не удалась –
На бреющем летит, как научили.

***

Острый пар и пар пролётный,
Через змеевик – глухой;
Жирный газ и газ пилотный
Подогретый и сухой,
Гостовский, инертный, кислый,
Тухлым пахнущий яйцом…

Выбирай, покуда числа
Не подернулись свинцом,
Ржой не съедено железо
И сквозь щёлку не свистит,
Словно техник марсельезу,
Позабыв про страх и стыд.

Был никем, ничем и станешь,
И погонит ветродуй
Над прозрачными устами
Твой прощальный поцелуй.

***

Апрель апрелем, ну как прожуешь,
Коровьим словом возвратишься в полночь.
У родины фарфоровые зубы,
Когда она смеется в темноте,
И человек проходит как болезнь.
Внутри поет цветок, в своих правах
Чернорабочий безголовый мирный,
Как бабочка с решительным узором.

Неспящего толкни, чтоб утонуть
В цветении яблонь будущего года
Средь необъятной, к слову, целины.
Молчит снаружи даже если птица
И рыба, только с сурдопереводом,
Март марту рознь, немудрено теперь.

Евгений СТРЕЛКОВ

Из цикла «АРЗАМАС»

Арзамас-1

три гипсовые девичьи фигуры
придвинуты вплотную к влажным рельсам
перрона в арзамасе
между ними –
дистанция сто метров гто
как буфера прозрачного состава
как кадры киноплёнки раритетной
оммаж изобретателям кино.

их позы различаются настолько
что едоку в вагоне-ресторане
состава проносящегося мимо
порой кино мерещится в окно.

Арзамас-2

арзамасская пустошь
низины болота тёша

мост через тёшу сосёт ледяную кашу
пополам с железом –
когда-то железо мыли
так и намылся мост
обмылок мытных времён

сосульки льда – на сезон
сосульки железа – надольше: навек
или

Евгений Стрелков родился в городе Тавда в 1963 году. Закончил Горьковский госуниверситет (1985, специальность «радиофизика»). С 1990 года – свободный художник, литератор, редактор литературного альманаха «Дирижабль». Автор поэтических текстов к нескольким книгам художника («Воздушная Арктика», «Английский пассажир», «Рейнская коллекция», «Письмо для неба» и др.) Литературные публикации в альманахе «Дирижабль» (Нижний Новгород), журналах «Messive» (Париж), «IF» (Марсель), «Волга» (Саратов). Один из соавторов книги «Ниже Нижнего». Член российского Пен-центра.

на три четверти
человек

состоит из воды с малой долей железа
– и во рту оскомина
как от пореза

Арзамас-3

белые
ослепительные колокольни
слезящие глаза, как местный
известный лук,
расставлены в окрестных полях
сухопутными маяками.
белые
полосы остатков снега на бороздах
как гривы морской пены.
белые
изоляторы на столбах по межам
как чайки на реях мачт
кораблей, не переживших бури.
а на горизонте
в миниатюре,
в прорыве
небесных
кулис,
анфас –
арзамас

Арзамас-4

Могучий Арзамас – четвёртый Рим
накрытый куполом небесно-
голубым
и в подражаньи риму или небу
ещё с полдюжины –
с блестящей скорлупой
и с голубой.

Классический фронтон, аттический узор
и микельанжелов напомнит тот собор
над тёшою

утешит отраженьем
Опять же гуси там,
– по берегам.

Арзамас-5

Достаток куполов, обилие колонн
и пара голубей, покинувши фронтон,
чтоб с птичьей высоты
облюбовать сей вид,
его косой чертёж картинно обрамит.
В такой проекции представленный чертёж
на римский план разительно похож.

Арзамас-6

Молочный Арзамас
Фарфоровый сервиз
На скатерти холма
когда при взгляде вниз
сквозь пар реки и марево лугов
взбиваешь взором пену облаков.
когда при взгляде вверх, от блещущей реки
упрёшься в портики, фронтоны, завитки...

Под крышкой купола бурлит густое время,
и город видится молочным киселём
сбежавшим на плиту кондитера-засони
тут пригорело, там заветрилось и ось
пространство накололось на авось,
кисель растёкся во дворы и сени.

Арзамас-7

Видавшая виды рюмочная
с деревянным прилавком
– доска просохла, пропиталась пивом –
из угла открывается перспектива
на фронтон собора, на колоннаду, на голубей,
на соседний купол, что голубей
неба, на памятник ленину, на магистрат,
на флюгера в виде ангелов,

что кажется затрубят
вот-вот… но вот
ещё один посетитель пиво берёт
и рыбу к пиву.
И закрывает собой
столь пугающую перспективу.

Арзамас-8

Здесь внезапный звон с четырёх сторон
Здесь густая тень в череде колонн
здесь ступений кладь здесь простора гладь
здесь простой обзор как до ссоры спор.
Ибо моря нет, а горят маяки.
Ибо горя нет, а коптят фитильки.

Арзамас-9

Полушария куполов полною гроздию,
пыльною перед ливнем –
копия профиля кучевой тучи.
Парная панорама.

Арзамас-10/1

Разливы Тёши тешат аппетит
топографа – такой типичный вид:
меандр реки охватывает туго
пропитанные влагою луга
бугры меж берегами, берега,
поля залитые, заждавшиеся плуга.

Арзамас-10/2

Разливы Тёши тешат кругозор
картографа – в зеркалье вод зазор
меж берегами стал масштабом выше
иных озёр – и за спиной собор
как стопы подобрал пока сухие крыши.

Арзамас-11/1

Купола собора как осиные коконы
осенью расширяют щели
что лепилось в них летом – вылетело.
до апреля полости опустели.

Арзамас-11/2

Купола на горке как яйца в корзине:
сизые, серые и золотое.
Опрокинь корзину
– побегут в низину
по двое, по трое...

< ... >

Арзамас-16

«Есть только атомы и пустота,
всё остальное домыслы».
И благие помыслы – дорога в ад, так говорят.
Ничего кроме дробящихся атомов и пустоты
потенциальной.
И бомба – тотальный
рентген-аппарат.
И парившие в ряд
пророки, апостолы, архангелы и предтечи
лишь боевой заряд неочевидной встречи
силы света и силы ядра.
Скорлупа хрустит, растёт дыра
в пелене. И на месте святого дара
повисает дамоклово острие удара.

Михаил КУЦЕНОГИЙ

ПРОПИСКА

Рассказ

Воскресным утром какой-нибудь шутник мог разбудить весь трёхэтажный муравейник: «Пацаны! Вставайте! Солнце взошло, в магазин пиво завезли!»

Хлопают двери, обитатели нашего третьего этажа тянутся в туалет, на кухню.

Кто-то, дрожа от холода, в одних трусах уже стоит возле умывальника и намыливает туалетным мылом под холодной водой жёсткую корку кисло пахнущих безразмерных носков. Разноцветная лягушка носков плавает в раковине.

Кто-то понес на кухню свой самый грязный и закопчённый чайник.

– Приходи в гости, и ты приходи, сегодня будем чай пить с конфетами, но сначала будем драить чайник. Конфеты хорошие, «земляничные», немножко со вкусом земляничного мыла.

Три этажа обитателей: на первом – молодожёны, на третьем – парни, на втором – девушки. С одной стороны лестничные проходы перекрыты сетками: мужской и женский этажи между собой изолированы. На мужской этаж ведёт боковая лестница, с которой не войдёшь незаметно на второй, – надо пройти мимо контроля, который здесь же, на женском этаже, и находится. Но самый притягательный не женский этаж, а первый, ведь там буфет, который посещают и жители соседних домов.

Я в эту комнату попал случайно, приехав на завод на преддипломную практику; попросил администрацию оставить на заводе. Начальник конструкторского бюро не возражал. Получив постоянную прописку, тут же оформил документы на получение кооперативной квартиры; в исполкоме сказали, что не раньше как через пять-шесть лет. В это время как раз закончился забег по опережению Америки по основным видам сельхозпродукции, и в ленинградский порт потянулись из Канады суда, гружёные зерном. Они закрыли все причалы торгового порта.

Из окна нашей комнаты как на экране телевизора было видно, как круглосуточно краны опускали ковши в трюмы, несколько секунд держали на весу, пока в трюм обратно просыпалось лишнее зерно, плавно разворачивали хобот-стрелу и несли на его кончике ковш к вагону. Накануне буксиры еле дотащили судно до причальной стены, а сегодня, с почти опорожнёнными трюмами, оно уже приподнялось и возвышалось над причалом.

Судов не хватало, нужен был срочный судоремонт, и город дал заводу дополнительные лимиты на прописку рабочих и инженеров.

Большинство приехали по вызову пароходства. После пяти лет тяжёлых работ обещали постоянную прописку и комнату. Многие ребята после армии, до этого жили в сельской местности,

---

Михаил Куценогий родился в посёлке Русский остров города Владивостока. После войны – в Николаеве (Украина) учился в школе, техникуме. Окончив техникум, работал рабочим, инженером-конструктором. В 1970 году окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии по специальности театровед. Работал в Ленинградском театре юных зрителей имени А.А. Брянцева педагогом, инженером. В дальнейшем, в течение 15 лет, школьным учителем: история и культура С-Петербурга, мировая художественная культура. Со студенческих лет по настоящее время водит экскурсии по С-Петербургу и пригородам. Рассказы печатались в журнале «Новый берег», очерки – в журналах «Аврора», «Нева», «Театральный Петербург», «История Петербурга», «Мир экскурсий». Опубликовал три книги: «История и культура С-Петербурга. Конспекты» (2003), «Документальная хроника 1905 года» (2009), «Золотое руно Петербурга» (2010). С 1963 года живет в Ленинграде (С-Петербурге).

но возвращаться в деревню не хотели, а опыта городской жизни не имели. У тех, кто жил в деревне, в трудовой книжке записи специальностей: старший конюх, подсобник. «В плавсоставе вакансий нет, устраивайтесь, кто где может». Угрюмые, злые и голодные обманутые романтики, мечтавшие о морях и океанах, бродили по кирпичному зданию пароходства...

Заводу очень нужны ошкрябщики для очистки корпусов судов. Работа тяжёлая, грязная, вредная, но оплачивается хорошо. Есть вакансии в бригады котельщиков, по правке и очистке корабельных котлов. В период массового набора на завод в кабинете пароходства сидела квалификационная комиссия.

– Как устроен котёл, знаешь? Форсунку зажечь сумеешь? Пойдёшь в бригаду котельщиков.

Нас в комнате сначала было четверо. Я первым выбрал эту комнату в только что капитально отремонтированном доме с видом на канал и порт. Вскоре ко мне подселили молчаливого слесаря, однофамильца президента Финской республики, Лёшу Кекконена. Затем появился демобилизованный из армии слесарь-судосборщик Витя Братов. Последним, четвёртым, пришёл электрик Володя Шаститкo. Он был коренным жителем, имел постоянную прописку, жил в перенаселённой коммунальной квартире, долго и трудно добирался утром на работу, и администрация завода разрешила дать ему место в общежитии.

На стенах плакаты – плоды творчества обитателей нашей комнаты: «Пойди, помой ноги», «В нечищеных сапогах на кровать не ложиться», «Стирку бери с собой. Погуляй – заодно и постирай», «Я твоей бабе скажу, если что...», «Просьба к тараканам, проживающим в общежитии, оставить ключи от комнат, будут проводить дезинфекцию. Во избежание возможного переползания вскроют двери, а виновные понесут административное наказание», «Зарабатываем хорошо, но всё пропиваем», «Дома быть не могу ввиду непредвиденных обстоятельств».

...Слышен клич коменданта: «Всем менять бельё! Ждать не буду, через час – ухожу!»

По комнате мечется Володя.

– Который час, у тебя нет часов?

– У меня были часы.

Собираясь на свидание, Володя перебирал собственные грязные рубашки:

– Я надену твою рубашку?

Общее житьё, общее бельё.

Возвращаются в общежитие после танцев поздно. Всех распирает желание поделиться воспоминаниями о своих подвигах. Многим, чтобы заснуть, надо держаться за стенку – укачивает. Вот и Володя будит бесцеремонно, словно я не могу уснуть без его рассказа.

– Дрыхнешь всё?! Ну, вечерок, воще!

Загремел стульями, двинулся к платяному шкафу, узкому отделению, где на полках для белья обычно хранится провизия. Пошарил рукой.

– Мне не оставили?

– Там сахар есть. Хлеба нет.

Шумно захрустел пиленым сахаром.

Володя, если не выпивает и не идёт на танцы, встаёт рано утром до шести часов, уходит на залив, ловит рыбу, возвращается домой, идёт на кухню, отрубает рыбе головы, жарит и – хрум-хрум! В мае с местными браконьерами ловит корюшку, продаёт.

– Склеил в ДК моряков, грудастая такая, инженером работает на фабрике, на Московском проспекте с сестрой живёт, а брат женился на проспекте Огородникова. Потанцевал – поставил её на место. Потом пошли в театр, взяли билеты подешевле, на галёрку. Оттуда ничего не видно. Пошли в буфет, набрались. Кричит: «Пошли на хату! Джин советский. Обалдеешь от счастья. Три сорок за бутылку без бутылки». Говорит: «Ну, что ты! Ну поцеловал – и ладно, а то расстёгиваешь», – смеётся.

– Приехали, а у сестры – чувак. Ну, я её в коридоре прижал, а тут сторожиха в лифте едет и ключом по раме стучит. Пугает нас. Мы смылись.

Если его не остановить, он до утра будет рассказывать о своих подвигах.

– Сделай ночь, – прошу. Засыпая, слышу продолжение рассказа:

– До общаги уже на моторе приехали...

Пока меня укачивало воображение, в моторе что-то застучало. Стук становился всё настойчивей. С трудом открыл глаза. Колотили в дверь нашей комнаты. По потолку проплывали ромбы оконных рам от света фар проходящих машин.

– Кто? – спрашиваю спросонья.

Одна нога в тапке, вторая никак не нашарит свой тапок. В коридоре маячит парень из соседней комнаты.

– Ты извини меня, конечно. Кадр привёл даму, пустите переночевать.

Ложись, койка свободная есть.

Будит резкий стук в дверь уборщицы. Убирают только в коридоре, и по свежевымытому полу к умывальнику и в туалет тянутся из комнат грязные следы. По выходным приходит и положенный по штату воспитатель. Его коронный номер – погладить рёбра радиатора и задать дежурный вопрос:

– Топят? Не холодно?

Его афоризмы разошлись на цитаты.

– Я вам не запрещаю пить, но я вам не запрещаю и закусывать...

Городские готовятся к поступлению в высшие учебные заведения: Виктор, поспешно окончив десятый класс, на философский факультет ЛГУ, Володя – в Институт водного транспорта. Его любимая присказка, когда берёт в руки учебники: «Всё-таки меня осенило!»

Со школьными предметами у него установились прочные извращённые сексуальные отношения, о которых он рассказывает, когда выпивает. Сейчас был именно этот случай.

– Математика меня не е...

– А физика?

– Физика тоже не е...

– Химия?

– Химия тоже не е... А литературу я е...

Виктор вырос в сельской местности, его родители, возможно, никогда и не слышали это чудное слово – философия. Остроумием и иронией Виктор согревает наш быт, делится опытом армейской жизни.

– Если ты посетил медкабинет и убедил врача дать тебе освобождение от нарядов в связи с болезнью ноги, то, выйдя на улицу, не беги вприпрыжку; помни, что в окно за тобой внимательно наблюдают.

Самый зловредный – политрук, обычно говорит вкрадчиво, шёлковым волчьим голосом.

«Постараюсь быть кратким», – и все сразу понимают, что это надолго. «Может, я не совсем ясно выражаю свои мысли?»

«Ясно, ясно, нет вопросов...»

Приходишь в каптёрку. Спрашивают размер. Говоришь. Тебе швыряют сапоги на четыре размера больше или меньше. Ни в коем случае не бери на горло годка. Годок требует уважения.

Если подымешь ногу и будут падать или, наоборот, с трудом налазить, и то только на руку, подойди и тихонечко вежливо попроси заменить. Дадут всего на два номера больше-меньше. Солдат имеет тысячу вещей, которые ему иметь не положено, а будет у тебя каптёрка – станешь уважаемым человеком. Генерал – есть твой начальник наивысший, но ты его можешь послать, офицер – поменьше, но тоже можешь послать. Старшина – непосредственный начальник, отец родной. К нему отнесись доброжелательно, но без подхалимажа. Повар – никакой не начальник. Повара люби как мать, есть ты будешь хотеть каждую минуту. Нельзя, сунув физиономию в амбразуру, кричать: «Повар, чаю!» Так ты можешь его смертельно обидеть. Нежнейшим голосом, глядя кормильцу в глаза: «Будьте любезны, если это вас, конечно, не затруднит, кипяточку», – и будешь накормлен в любое время суток.

Приходишь в армию – спрашивают:
– Печники есть?
– Есть!
– Шаг вперёд.
– Плотники есть?
– Есть!
– Шаг вперёд.
– Сапожники?
– Выходи! Становись! Идём уголь разгружать.
Так в армии выявляют сачков.
Розыгрыши на кухне – особое удовольствие.
– Садись, продувай макароны, чтобы чистыми были.
Или запрут на всю ночь, пока ты баки до блеска не начистишь.
– Слышь, парень, тебя разыграли. Пойдём, поможешь котёл сдвинуть. Возьми ломик.
– Брось валять дурака. Возьми метлу, подмети лёд вокруг штаба, завтра начальство приедет. Потом постучи прикладом по цепи, чтобы крысы не перегрызли.
– Опасно на ночь чай пить: мочевой пузырь может лопнуть – ноги ошпаришь.
– Если на улице с головы упала шапка, и ты её долго поднимаешь, то у патруля может возникнуть подозрение, что ты пьян, и тебя могут забрать в комендатуру...

Первым исчез из нашей комнаты президент.

Однажды Виктор пришёл утром, сорвал фотографию своей Галины со стены, разорвал, скомкал, сказал: «Конец!», рухнул одетый на койку и моментально заснул. Через месяц он женился.

Так мы остались с Володей вдвоём в комнате на четыре человека. Володя часто пропадал, ходил на танцы во Дворцы, искал невесту с квартирой.

Наташа весь год переписывалась с Институтом русской литературы и, окончив Ростовский университет и получив диплом с отличием, приехала в Ленинград на экскурсию, захватив свою дипломную работу «Сравнительная характеристика медитативной лирики Баратынского и Пушкина» и рекомендацию кафедры для поступления в аспирантуру Пушкинского дома. Тему ей выбрала руководительница, которая писала докторскую диссертацию, требующую новых мыслей и вливания молодой крови в своё хиреющее детище.

Наташа, конечно, никому бы не призналась, что ни аспирантура, ни Пушкин в паре с Баратынским её не интересуют. Вдруг все подруги стремительно вышли замуж, и она понимала – пора. Прихватив всё самое лучшее из одежды и обуви, что она тщательно подбирала за студенческие годы на свою повышенную стипендию, она оказалась в городе трёх революций. Число желающих поступить в аспирантуру существенно превышало количество мест, и у всех, разумеется, были красные дипломы и рекомендации. Вот тогда-то мы с ней и познакомились. Экскурсионная программа была насыщенной, Наташа ничего не хотела попускать, встречались мы поздно вечером, отношений не выясняли. Закончился срок путёвки, и Наташа вместе со своей группой вернулась домой. Мы одновременно поняли, что никак не воспользовались нашим мимолётным знакомством, я в письме признался, что жить без неё не могу, и просил вернуться, навсегда. Наташа сказала родителям, что должна окончательно выяснить наши отношения, а с помощью почты и междугороднего телефона это невозможно. Через несколько дней с чемоданом и авоськой с пятью килограммами отборных яблок «Симиренко» она вышла ко мне на перроне Московского вокзала. Такого количества яблок, чтобы соблазнить меня, и не нужно было везти. Хоть я и имел постоянную прописку, но в общежитии, без права на жилплощадь. К этому времени Володя нашёл женщину с квартирой и в общежитии не появлялся. Комендант меня предупредила, что скоро ко мне подселит новых жильцов, но я упросил её подождать, пока не сниму себе жильё.

– В нашей семье я буду заниматься глобальными проблемами: что лучше купить в дом, как переставить мебель, а ты – текучкой, мелочёвкой: магазин, ремонты, уборка, мытьё окон, стирка... Я всё организую – вызову мастеров, а ты только следи, как они выполняют...

Я не возражал, но сначала Наташу надо было прописать. Это оказалось не так просто.

Мы посетили общежитие учетчиц грузов Торгового порта. Все проживающие – лимитчицы. Тяжёлая ночная работа, после которой днём отсыпались. Нравы – половая распущенность при тайной вере каждой из них в грядущего принца, который уведёт в благополучную красивую жизнь. У многих в деревнях с родителями оставлены случайно прижитые дети. После этого отправились на нелегальную квартирную биржу.

Она находилась недалеко от Театральной площади на набережной канала Грибоедова у Львиного мостика. Здесь, в самом чреве Ленинграда, бурлило, жило своей стихийной антисоветской жизнью странное, но очень нужное человеческое изобретение основы семейного счастья. Желающих снять жильё было значительно больше, чем тех, кто готов был впустить постояльцев, и они могли спокойно выбирать претендентов и назначать цены.

Установилась такса: комната – тридцать рублей в месяц. Деньги вперёд.

Однажды нам повезло. Узнав, что моя будущая жена учитель русского языка и литературы, Валя, хозяйка квартиры, согласилась сдать две крошечные комнаты своей четырёхкомнатной хрущевской квартиры с условием, что помимо платы за жильё Наташа будет заниматься с её сыном, который должен идти в первый класс, а по развитию отставал от своих сверстников. Работала Валя недалеко от Львиного мостика санитаркой в больнице для душевнобольных на Пряжке, а жила далеко, в только что построенном квартале на улице Солдата Корзуна. Вскоре мы туда и переехали.

Молодожёны, жившие до нас в этих комнатах, оставили нам наследство: лежанку, выполненную из кирпичей, и бочку, наполненную песком, из которой торчало дерево. На этом дереве жил кот Кефир, тоже оставленный нам в подарок. Он считал дерево своей малой родиной, шипел и возмущался, когда мы пытались использовать ветки дерева как вешалку.

В представлении Вали, имеющей двух маленьких детей и мужа-алкоголика, мы были представителями побеждённого класса эксплуататоров.

– Раньше мы на вас батрачили, а теперь мне государство предоставило бесплатно четырёхкомнатную квартиру, и вы у меня снимаете комнаты.

Я никак не мог припомнить факта найма Вали ко мне в батраки. О том, что государство её бы по головке не погладило за то, что она из бесплатной квартиры извлекает прибыль, мы благоразумно помалкивали.

Рассказывала о своих подопечных:

– Они такие ласковые, разговаривая, заглядывают вам в глаза. Но верить им нельзя, и ни в коем случае не позволять находиться за вашей спиной; они очень сообразительные и могут мгновенно дать по голове чем-то тяжёлым.

Уходя на ночное дежурство, она оставляла на нас своих маленьких детей, Мишку и Наташку. Миша подолгу смотрел в глаза нашей игрушечной собаки, а потом спрашивал: «А она живая?»

Наташе было четыре с половиной года, но по уму и развитию она значительно опережала и старшего брата, и мать. В этой семье несомненным лидером была она, опекала брата, завязывала ему шнурки, убирала. Если моя Наташа что-то готовила или просто варила магазинные пельмени, она врывалась в свою комнату и страстно шептала: «Мишка! Побежали, там пельмени едят!» Приходили, садились за стол – на нас в упор смотрели четыре детских глаза. Перед такими взглядами никто не смог бы устоять; мы им отдавали пельмени, а в следующий раз покупали на четверых. Еда в представлении Вали была наградой за хорошее поведение. Разливая утром принесённый из больницы суп, который остался от душевнобольных, она говорила неестественным голосом, каким, по её мнению, очевидно, разговаривают люди светские: «Идите есть свежеприготовленный суп с макаронами». Варёное яйцо она тоже выдавала детям за примерное поведение. Как могли, мы, конечно, когда Вали не было дома, подкармливали детей. Здесь дети были с нами в тайном сговоре и матери нас не выдавали.

Наша любимая дурная собака, подаренная нам на свадьбу, с изящной талией, туповатой преданностью, начинённая древесными опилками, была действительно очень похожа на настоящую. Здесь Мишка был прав, он чуял родство душ. Кефир же её презирал.

На Новый год мы нарядили её Дедом Морозом, приспособив под шубу старые красные плавки, обложили ватой. Из ваты сделали усы и бороду, и у собаки началась новая осмысленная жизнь. Кто-то посоветовал посыпать её нафталином, чтобы не съела моль. Образ нашей собаки стал навязчивым, она существовала везде, где бы мы ни появлялись: встречалась на улицах, снималась в кино, делая вид, что с нами не знакома. Была билетёршей в театре, продавщицей, показывала фокусы в цирке, прилипала к стеклу в «Волге». Увидев нас, небрежно показывала нам язык, иногда лаяла на нас. Когда мы возвращались домой, всегда была на месте, невинно таращила глаза, делая вид, что ни в чём не виновата...

После свадьбы Наташа решила приодеться и потащила меня в модный магазин.

Пока примеряла туфли в фирменном обувном магазине в начале Невского проспекта, крутившаяся рядом женщина схватила её сумочку и ринулась по винтовой лестнице вниз.

На неё обратила внимание студентка, которая тоже пришла купить обувь; ей показалось странным, что бегущая женщина сжимала в руке сразу две дамские сумочки.

Наташа отговаривала, но мы (наивное советское воспитание) пришли в отделение милиции на переулке Крылова рядом с Публичной библиотекой и почему-то попали прямо к начальнику отделения.

Дежурным был майор. Я сразу почувствовал, что за обедом он принял лишнее. Его взгляд полыхал ненавистью, габариты лица, казалось, превосходили габариты стола, за которым он сидел. Смекнув, в чём дело, опасаясь, что мы оставим заявление о краже, обдумывал, как побольнее нас уязвить и оскорбить, стал запугивать.

– Откуда мне знать, что вы делали в магазине, может быть, вы из одной шайки, может, вы тоже промышляете воровством. А если сумка ваша, то за своими вещами надо смотреть, на все ваши сумки милиции не хватит.

Студентка-свидетельница не растерялась, не оробела.

– Эта женщина, несомненно, постоянно там ворует, можно же установить наблюдение сотрудника.

– Сейчас бросим все дела и будем отлавливать ваших сообщников. Идите по-хорошему, пока я вас самих не привлёк.

Ничего путного не придумав, он взревел: «А ну, уходите отсюда, пока я вас не посадил. Сами небось в магазинах воруете, а на других сваливаете!..»

Это только в фильмах о милиции снимают отпечатки пальцев, составляют фоторобот и выходят ловить преступника всем отделом.

Разнообразных вакансий было много, но, чтобы устроиться на работу, нужна была прописка. К этому времени отношения завода с органами власти резко ухудшились. Завод, воспользовавшись предоставленными льготами, прописал много инженерно-технических и административных работников вместо рабочих-станочников, слесарей-сборщиков, ошкрябщиков. Все лимиты прикрыли. Начальник отдела кадров, получив строгий выговор с предупреждением о несоответствии занимаемой должности, даже слышать не хотел о прописке постороннего человека.

– Филологов с красными дипломами у нас избыток, а вот маляров не хватает. Мы открываем ПТУ, куда будем набирать девушек для получения специальности корабельного маляра. Предоставляем прекрасное общежитие, прописку. Обучаясь, они работают. Зарплата высокая, а там, глядишь, всё образуется.

После красного диплома университета Наташа согласилась пойти в ПТУ, чтобы овладеть специальностью маляра. Но эта карьера быстро закончилась. Когда она надела комбинезон, бригадир не удержался и хлопнул её по заду: «Эх, жопастенькая!»

Наташа тут же плеснула в него из ведра краску. Мужик шум не поднимал, понимал, что получил заслуженно, но овладение профессией корабельного маляра на этом пришлось прервать.

Как-то я стригся, и меня разговорила мастер-парикмахер Дина. Парикмахеры неплохие психологи. Я ей поведал о своей проблеме. Дина сказала, что это пустяки и она поможет. Дала свой телефон, адрес и назначила день и время встречи. Мы с Наташей договорились встретиться на станции метро Автово, а оттуда – на улицу Стойкости, где проживала Дина. Настроение было приподнятое, скоро все наши проблемы будут преодолены.

Наташа надела лучшее, что у неё было, английский шерстяной костюм-тройку благородных коричневых цветов и оттенков и польские сапожки – трофеи туристских заграничных поездок. Как всегда, долго блуждали, не было троллейбуса.

За каждым окном своя жизнь, готовят ужин, укладывают детей. У нас тоже всё это будет.

– Неужели парикмахер – член горисполкома?

– Дина классный мастер, и у неё обширная клиентура, большие связи.

– Может быть, ты её неправильно понял, и она хотела, чтобы ты вечерком к ней зашёл один? Сколько ей лет? С кем она живёт?

– Она не такая. Очень симпатичная женщина. Ты увидишь. Обещала всё устроить. Вот здесь она живёт, в шестнадцатиэтажной башне...

Дина была – само очарование. «Я люблю, чтобы всем вокруг было хорошо, чтобы всё было красиво... Не могу так официально. Давай с тобой на ты. У тебя какой размер?»

Наташа опешила: «Одежды? Сорок шестой».

– А обуви?

– Тридцать шестой.

– Сапоги у тебя красивые. Здесь таких нет.

– Это я в Польше купила, когда мы ездили на преддипломную практику. Я их и не носила...

– У меня ведь тоже тридцать шестой. Ты не обидишься, если я у тебя попрошу их примерить?

– Конечно, пожалуйста.

– Ну как, красиво сидят?

– Хорошо.

– И ноге так удобно. Сколько они стоили?

– Я не помню. Нам выдавали кроны на питание. Мы голодали, чтобы купить себе что-нибудь. Я давно мечтала о сапогах.

– Говоришь, редко надевала? Здесь уже складка, трещина будет. Давай меняться. Я тебе платок из Франции, вот и клеймо фирменное есть. И ещё денег дам. У вас же сейчас трудно с деньгами?!

– Я их не думала продавать...

– А ты и не продаёшь. Я их поношу недельку-другую. У меня очень важный визит. Нас позвали в один дом с моим другом. Он будет очень недоволен, если я плохо оденусь. Заодно и о твоём деле там переговорю.

– Как же она выберется отсюда? Вокруг грязь непролазная!

– Ты в наши дела женские не вмешивайся! А твоей жене я резиновые сапоги дам. Я в них за грибами ездила. Очень хорошие, с мягкой стелькой. Никакая грязь не страшна. Я их тебе отдаю просто так. Можешь не возвращать.

Я так рада, что мы познакомились, надеюсь, подружимся. Ты мне обязательно позвони. Я работаю во вторую смену. Договоримся, когда поедем прописываться.

Когда мы вышли на улицу, Наташа была в старых резиновых сапогах.

– Пойдём скорей, а то она с меня сейчас и костюм стащит.

Случайно на рынке мы познакомились и с жительницей посёлка Тайцы, что означает «таящиеся ключи», которая продавала овощи со своего огорода. У Нины был свой собственный дом, площадь позволяла – и она согласилась прописать Наташу на год; сама пошла в поселковый совет, где ей сочинили прошение, напоминающее документ межгосударственных отношений со множеством важных слов, которые начинались с прописных букв.

«Исполнительный комитет Таицкого Поселкового Совета депутатов трудящихся Гатчинского района Ленинградской области. 18 ноября 1970 г.

Председателю Исполкома Гатчинского райсовета депутатов трудящихся тов. Механикову И.А.

Исполком Таицкого поселкового Совета депутатов трудящихся просит дать разрешение на временную прописку Р. Наталье Васильевне, прибывшей для работы и проживания к родственникам в пос. Тайцы, ул. Чапаева, дом №. в частный дом к гр. Л-ой Нине Михайловне. Жилая площадь 42 кв. метра, на которой проживают три человека.

Председатель Исполкома Таицкого поссовета Иванов».

Надо было достать какую-нибудь справку о родстве Нины и Наташи. Письмо было адресовано председателю Гатчинского райсовета, но давал разрешение на прописку начальник паспортного стола, майор милиции. Так состоялась наша вторая встреча с нашими защитниками.

Пришли мы в паспортный стол после Дня милиции. У майора было приподнятое настроение: ко дню милиции провели районное совещание, и там высокое начальство отметило и его безупречную работу на страже советских законов.

За образцовую службу его одарили этой должностью, которой хватит до пенсии; не надо разбираться с пьяницами, домашними мордобоями, тунеядцами, подпольными торговцами водкой, карманниками. Пишешь в левом верхнем углу наискось резолюцию «отказать», и никто тебе слова не скажет, и начальство довольно, город не резиновый, первой категории.

– У меня кооперативная квартира на подходе, вот документы. Пока временно пропишите жену: хозяйка согласна, да и санитарная норма позволяет, – просил я униженно.

– Она в браке. Не имею права прописывать отдельно от мужа.

– Но у меня своего жилья пока нет.

– Надо было думать, когда вступали в брак. О чём вы думали?

– А о чём вы думали, когда вступали в брак? – вмешалась Наташа.

Майор заёрзал, покраснел.

– А я не о чём, а о ком. О муже.

– А надо было о прописке. Вот и поезжайте к месту своего прежнего постоянного законного проживания.

– Ну, может, можно, в виде исключения?

– Для вас специально закон нарушать не будем, но и новые не напишем.

– А неплохо было бы переписать дурацкий закон.

– Что вы себе позволяете?! Выйдите сейчас же из кабинета, пока я вас не задержал за оскорбление! Законы им не нравятся! Поезжайте туда, где другие законы!

– Я бы поехал, да вы меня не выпустите, назовёте предателем...

На улицу Солдата Корзуна в квартиру Вали добираться было очень долго и утомительно; мы снова стали ходить к Львиному мостику, где познакомились с пожилой одинокой женщиной. Жила она по странному и случайному стечению обстоятельств на противоположном берегу от места работы Вали на Пряжке – рядом с магазином «Охота и рыболовство», наискось от дома, где была квартира Блока. Сдавала Софья Михайловна комнату только на летний период, с мая по октябрь, когда сама жила на даче. У Валерии, нашей временной соседки, которая занимала вторую комнату двухкомнатной квартиры, тоже было двое детей: Стасик и Майя. Стасик любил играть в куклы, а Майя целый день строчила из автомата, целясь в прохожих, собак и кошек, иногда в нас... Валерия, всегда сонная и томная, преподавала биологию в школе, но сейчас не работала и сидела с детьми. Её муж, Виталик, был заведующим отделом трикотажа Дома ленинградской торговли, где они и познакомились.

Большую часть нашей комнаты занимал старинный рояль. Иногда казалось, что рояль слегка дышит, шевелится. В рояле жили клопы. Ночью старый рояль издавал эротические вздохи. Со-

фья Михайловна донимала нас предложениями купить рояль. Рояль старинный, хороший, настроите, детей обучать будете. Видя, что нас не уговорить, предложила:

– Возьмите бесплатно, только увезите его отсюда.

– Предложите какому-нибудь театру для реквизита.

– Предлагала, им свои некуда девать.

Всё же в этом клоповнике прошли самые лучшие наши дни. В конце сентября хозяйка вернулась с дачи, и нам снова пришлось искать жильё. На этот раз на нашем жизненном пути появилась Лукеша, занимающая огромную квартиру первого этажа сталинского дома на Двинской. Лукерья и её семья были местной достопримечательностью. В этой многочисленной семье постоянно кто-то выходил из тюрьмы, а на его место уходила другая смена. Когда я открыл дверь, мимо моего лица просвистела и вонзилась в дерево заточка из напильника.

– Он не в вас целил! Что ж ты, ирод, делаешь?! Что люди о нас подумают?!

Пьяненькая хозяйка расхваливала квартиру, рассказывала о муже.

– Вот здесь всё и произошло, здесь он и умер. Умер он чисто (то есть не был убит). А на этой кровати мои подрались, когда он пришёл из тюрьмы. Но она здесь не прописана.

Лукеша нас предупредила, чтобы никому из её многочисленных детей мы денег не давали. Но в первый же вечер в нашу дверь постучал старший сын хозяйки.

– Это моя комната.

– Я знаю.

– Был на Львином мостике? – понимая, что в их среде вряд ли мы долго выдержим.

– Некогда ездить.

– Хорошо, будете ещё месяц жить. Деньги вперёд.

– Приходите восьмого, отдам матери.

– Восьмого не могу – праздник.

– Ну, седьмого.

– А сейчас дай три рубля.

– Седьмого получите всё сполна.

На нашем счастливом семейном пути оказался тупик, из которого не было выхода. Решили, что Наташа уедет к родителям; я поехал в общежитие забрать вещи. В почтовой ячейке нашёл письмо в казённом конверте. Крохотный листок бумаги размером со спичечный коробок.

«Комиссия по учёту и распределению жилой площади Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся предлагает вам явиться для решения вопроса о включении вас в члены кооператива №... в квартале №... Фрунзенского района г. Ленинграда.

В случае вашей неявки документы на право получения жилой площади будут переданы комиссией на следующий год».

Анаит ГРИГОРЯН

ПРО МАРФУ И ПЕТРА

Суженый, ряженый, приди ко мне ужинать.
В.И. Даль, «Пословицы русского народа»

1.

Тихо снег за окнами падает
Сидит Марфа одна, пригорюнившись
Собрались девки погадать на суженых
Кто же, Марфа, на тебя позарится?
Разве что медведь из лесу явится
Разве лешему ты полюбишься
В полночь в дверь стучат: Марфа, отворяй!
Это мы, твои подруженьки
Погадать тебе пришли на суженого
Рада Марфа, гостей за стол усаживает
Угощает их чаем с пряниками
Про своё житьё им рассказывает
Зажигает свечу перед зеркалом
Нагадайте мне, подруженьки, суженого
Хоть медведя нагадайте, хоть лешего
Тяжко жить одной-одинёшеньке
Марфа, Марфа, себя не увидишь ты в зеркале
А увидишь топи зыбучие
В чаще тёмной увидишь – ель растёт
За вершину месяц цепляется
Под корнями – яма глубокая
В яме той крепким сном спит твой суженый
На еловые ветви снег тихо падает
Сидит Марфа одна, пьёт чай с пряником

2.

Испеки мне, Марфушка, железный хлеб
Испеки мне два хлеба каменных
Проводи меня, Марфушка, в полночь в лес
Жди три года моего возвращения
Не вернусь – так забудь меня

Анаит Григорян родилась в 1983 г. в Ленинграде. Окончила биолого-почвенный факультет СПбГУ. Кандидат биологических наук. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Автор книг «Механическая кошка» (2011) и «Из глины и песка» (2012). В журнале «Волга» (№9-10, 2013) был опубликован цикл стихотворений «Марфа и нечистая сила».

Подыщи себе жениха по сердцу
Ждёт Марфа Петра, в окно глядит
Год один пролетел, как ласточка
Второй год промчался соколом
Чёрным вороном – третий год
Не вернулся Пётр
Собралась Марфа, надела лапти новые
Испекла железный хлеб и два хлеба каменных
Дождалась полуночи, в лес пошла
Вернись, Марфа, не ладна ты!
Не вернёшься – проглочу тебя
Не оставлю от тебя ни косточки
Видит Марфа: лягушка перед ней сидит,
пасть разинула
Бросила ей Марфа железный хлеб
Подавилась лягушка, упала замертво
Пошла Марфа дальше по тропиночке
Стой, Марфа, не ладна ты!
А не встанешь – проглочу тебя
Не оставлю от тебя ни кровиночки
Видит Марфа: змея лежит белая
поперёк дороги вытянулась, пасть разинула
Бросила ей Марфа хлеб каменный
Подавилась змея, упала замертво
Со всех ног побежала Марфа по тропиночке
Уходи, Марфа, не ладна ты!
Не уйдёшь – проглочу тебя заживо
Не останется о тебе и памяти
Видит Марфа: змея лежит чёрная
на дороге свернулась кольцами
горят очи змеиные пламенем
от земли до неба пасть разинута
Бросила ей Марфа хлеб каменный
Проглотила змея хлеб, а потом и Марфушку
Перед Марфой – гора хрустальная
На горе пляшут черти, веселятся вовсю
Что ты ищешь, Марфа, зачем пришла?
Я пришла за своим суженым
Мы дадим тебе, Марфа, в приданое
серебро, золото, ткани заморские
Погуляем на твоей свадебке
Если скажешь сама, кто твой суженый
Тотчас черти все Петром перекинулись
Ходит Марфа меж ними – не узнать никак
Только ухо медвежье у одного Петра
Марфа за руку его взяла: вот мой суженый
Приуныли черти, да делать нечего
Дали Марфе в приданое золото
Серебро и ткани заморские
До петухов гуляли на её свадебке

3.

Как с охоты Пётр возвращается
Отдаёт Марфе шкурки соболя
Горностая шкурки и беличьи
Чёрнобурых лис и без счёта – заячьих
Всё твоё, всё тебе, Марфушка
Ты себе лучшие выбери
Отбери самые мягкие
Самых тёплых возьми на своё усмотрение
Хоть бобра, хоть куницу, хоть нутрию
Ты накинь их на плечи белые
Погляди на себя в зеркальце
Полюбуйся на мою красавицу
Не бери только шкуру медведицы
Что лежит, под лавкой брошена
Не накидывай её на плечи белые
Не глядись на себя в зеркальце
Говорил так Пётр, так наказывал
Разобрало любопытство Марфушку
Как заснул Пётр к полуночи
Из-под лавки она шкуру вынула
И на плечи накинула белые
В лунном свете глянула в зеркало
Ах, куда же ушла моя Марфушка?
Где пропала спозаранку милая?
Отчего не проводила в лес меня?
Почему не встречает из лесу?
Я принёс ей шкурки соболя
Горностая и шкурки беличьи
Чёрнобурых лис и без счёта – заячьих
Я принёс ей шкуру медведицы
Будет шуба моей Марфушке

4.

Открывай побыстрее двери, Марфушка
Провожай поскорее в сени, Марфушка
Обогрей – замёрз я, милая
Накорми, – проголодался, есть хочу
Сорок дней ходил я по лесу
Ночевал сорок ночей в лесной избушке я
Повстречал я в лесу медведицу с медвежатами
Хороша была бы шуба, Марфушка
Пожалел – убивать не стал
Повстречал я волчицу с волчатами
Воротник был бы добрый, Марфушка
Пожалел, не спустил курок
Повстречал я зайчиху с зайчатами

Рукавички бы вышли, Марфушка
Отпустил я их восвояси, сжалился
Лесной дед в глухой чаще мне встретился
Говорит: пожалел ты, Пётр, моих деточек
Награжу тебя за то по-царски я
Триста шкур чернобурых лис мне дал
Триста шкур куницы и соболя
Триста шкурок мне дал горностаевых
Смотрит Марфа, дивится подарку царскому
На Петра глядит – удивляется
Бородой зарос Пётр – не видать лица
А глаза горят – будто уголья
Босым Пётр вернулся из лесу
В тулупе шиворот-навыворот

5.

Шла Марфа мимо поля овсяного
Окликают её с поля: Марфушка!
Заблудилась я, гуляя по полю
Помоги мне, на дорожку выведи
Ходит Марфа по полю, из сил выбилась
Раздвигает колосья ладонями
Отзовись, кто просил о помощи
Видно, плохо ты ищешь, Марфушка
И сама уже в поле запуталась
Смотрит Марфа, перед нею полудница
По плечам рассыпаны рыжие волосы
А сама нагая да чёрная
Вместо глаз – гладкие камешки
Ты мне дай свою руку, Марфушка
На дорожку меня с поля выведи
Дай за шею обнять тебя, девица
Тяжко мне, не могу стоять...
Что-то ты лицом темна стала, Марфушка
Мне лицо обжёг зной полуденный
Разве были твои косы рыжими, милая?
Мне полуденный зной опалил голову
Отчего на меня не глядишь ты, Марфушка?
Или больше Пётр не мил тебе?

6.

Вот и лето кончилось, Марфушка
Пролетело, как будто и не было
Скоро осень пройдёт – тянет холодом
К земле клонятся гроздья рябинные
Скоро нам расставаться, милая

Ты возьми перину пуховую
Набери сена душистого
Отправляйся в лес поздним вечером
И ступай по тёмной тропиночке
В самой чаще дремучей ель растёт
За вершину – месяц цепляется
Под корнями – яма глубокая
Постели на дно ямы перину мягкую
Положи сено и травы осенние
Мне берлогу устрой на зиму
Обнимает Марфа Петра, слезами обливается
Как сказал ты, всё в точности сделала
Хоть денёчек ещё побудь со мной
Не горюй, вытри слёзы, Марфушка
Как наступит весна – вернусь к тебе

7·

День и ночь Марфа одна-одинёшенька
За окном воет метель, в сени просится
На кого ты, Пётр, оставил меня?
Как мне, бедной, скоротать зиму лютую?
Не оставил я тебя, Марфушка
Накрывай скорее на стол, милая
Рада Марфа, гостя за стол усаживает
Водку ставит перед ним, закуски разные
Выпил Пётр, закусил и в метель ушёл
Смотрит Марфа: всё стоит нетронуто
Разве Пётр мой водкой гнушается?
Разве Пётр от моих солений откажется?
Вьюга ходит по крыше, воет в трубе печной
Марфа смотрит в окно, печалится
На кого ты, Пётр, покинул меня?
Как мне, брошенной, до весны дожить?
Не покинул я тебя, Марфушка
Накрывай скорее на стол, милая
Марфа рада, за стол гостя усаживает
Расставляет перед ним разные кушанья
Пётр поел, попил, и прощается
Марфа ему на шею бросилась
Обнимает, а сама удивляется:
У Петра-то спина, как корыто, полая!
Оттолкнул он Марфу, в метель ушёл
Будто стая птиц, хлопья снега кружатся
Скучно Марфе, а зима не кончается
Ой, зачем ты, Пётр, от меня ушёл?
За всю зиму не с кем словом перемолвиться
Не ушёл я от тебя, Марфушка
Ты накрой поскорее на стол, милая

Чуть не пляшет Марфа от радости
Расстелила перед гостем скатерть чистую
Всё, что в доме было, перед ним поставила
Пётр ест, пьёт, шутит по-всякому
Улыбается Марфа, а самой боязно
Локтем ложку под стол сбросила
Наклонилась – а у гостя-то копыта лошадиные!
Лошадиный хвост по полу стелется!
Разве мой это Пётр, с такими копытами?
Разве у Петра моего хвост, как у лошади?
Пётр поел, попил, из-за стола поднялся
Я останусь сегодня с тобой, Марфушка
Не уйду теперь от тебя, милая
Обихаживает Марфа гостя, ни жива, ни мертва сама
Незаметно взяла горсть конопляного семени
Конопляного семени насыпала в волосы
Расплети мои косы, миленький
Расчеши мне волосы, долгожданный мой
Расплетает ей гость косы русые
Чешет гребнем густые волосы
Что такое, Марфушка, из кос твоих сыплется?
Что такое хрустит в волосах твоих?
Я пока ждала тебя, миленький, вся завшивела
Так что вшей даже есть приспособилась
Взяла Марфа в рот конопляного семени
Раскусила – гость и гребень из рук выронил
Ах ты, баба, будь же ты проклята!
До весны жди своего милого!
Плюнул он, и в метель ушёл

Виктор ІВАНІВ

ЧЕЛЛЕНДЖЕР II

I

Ребеночек любовник карт и марок
Вселенная ровнее будды брюшка
беременной как лампа твоей мамы
а вспомнится лишь лунная краюшка

Двухмесячное утро отплывает
и мозг пылает твой и огорчен как Страсти
и угрызаешься как лодка мировая
лишь перевернутая и не скажешь здрасьте

Ударом кортика что век висел на стенке
и бесконечно повторялся день
во лбу дыра распахнуты глазенки
которые сведет и сглазит тень

Чтобы не обратиться вспять прыжком нервозным
собьешь падучей луч в амбре затек каблук
кусай его стакан и солнышком морозным
сбивает медь гримасы с носа кораблю

И поцелуем запечатан твой сундук секундный
что переходит из руки в другую руку
и на ремнях заплечных скарб свой скудный
ты переносишь словно щуку и гадюку

Ты коммивояжер вооруженный скотчем
и настоящий путешественник туда
откуда остается позвоночник
сгорающих два красных сапога

Воздушный шар иль парус или коврик
молитвенный и в нем наметан снег

Виктор Іванів родился в 1977 году в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный университет (1999). Кандидат филологических наук (2006). Автор двух книг стихов («Стеклянный человек и зелёная пластинка», 2006; «Трупак и врач Зарин», 2014) и пяти книг прозы. Публиковался в журналах «©П», «Дети Ра», «Воздух», «Интерпоэзия», «Волга», «Уральская новь», «Сибирские огни», альманахах «Вавилон», «Черновик», «Новая Кожа», «Стетоскоп», антологиях «Время Ч», «Нестоличная литература» и др. Лауреат Премии Андрея Белого в номинации «проза» (2012). Живёт в Новосибирске, работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН.

желанен словно мало белокровия
помазан как монетный солнцепек

Под ним как тучки сохнущие голы
растет багульник и дремотный сон
разворошит тряпье и свихнутые головы
уносит в множестве в бальзаме медсестер

Незваных безымянных всевозможных
лисичьих мордочек окутывает звон
на колокольне дерева безмозглый
звонарь уж бьется в судороге крон

II

Мы ужас симулируем и тупо
заглядываем в сны через плечо
как любопытная старуха-говоруха
бачок там видим что давно течет

И хлещет ангел кнутовищем солнца
по сколько их когда ты ослеплен
остановись как сердце тихо молча
и уходи туда откуда слал поклон

В притоны в алтари и в чумовозы
паденьем в обморок надейся человек
на то что горизонты будят грозы
без отдыха твой направляют бег

Открой глаза и карими пусть будут
и ирокезы в плесени и дегте
Икар летит и пузырится буйвол
лишь погрузивший руки в таз по локоть

В тот медный таз в клоаку крокодила
все со свечой непроницаемой судьбы
ее шнурок качаясь как кадило
сгорает сам и все забудем мы

Все оргии мечтательные утра
и теплый стан переползать кровать
когда многоголосая маршрутка
перестает под тормоз умирать

Химера на уроках химии синей
тебя давно пора бы растворить
или посадить на лом который стынет
в миражном воздухе трех сосенок травы

Так старый бич бегун и молокан в болото
бежит и тонет в нем и видит рай вблизи
но не дотронется – такая позолота!
вокруг киота снова лебезит

III

Ларец открой что вертится пять суток
в ЮАР на беговой дорожке багажа
а ты уже в Баку нам память всюду
и волосы прогладь под утюгом ножа

Эфирной астры дымчаты вуали
у кошек серых точно паруса
и проруби в пещерные скрижали
обратно окуни за волоса

И ты скажи что видишь
Звезды волны
пески на пустырях подрубленных хвостов
то заячьих то беличьих и беспризорных
и скуку солнечных как палочка часов

Болтанку самолетов судьбы в списках
во славу солнц фиалковых морей
во славу городов в ушанках снится
нам солнечный удар и мартовский апрель

Где небо отразит в больном пейзаже
зеркальных крыш богатых городов
и поверху разбой лица размажет
как рыцарь слон и офицер слонов

И радостью нальет желанья с силой
горючих слез разлапистых дерев
что оплетают старые могилы
а в кронах солнышко живет и дышит в декабре

Живее кипариса древо жизни
живешь ли ты в письме твоем сожженном
заботливо что выжимают слизни
ботинки хруст стеклянный отраженный?

Мы славили всех идолов на тронах
всех люциферов транковых смертей
пожарной помпой трубным и утробным
гуденьем пчел и кровью снегирей

Кушак пьянящий кимоно с разрезом
меча подкрашенных давящих вшей ногтей
и змеев огненных играющих железом
на 45-й двухполосной широте

IV

Ну что но что еще

V

Ребячьими мозгами
короткой памяти за смертные грехи
не забывайте розы оригами
в спектакле и ушейте пиджаки

И женщину держи как подлую рабыню
что гневается и горда тупа
веревкой на собачьем карантине
без смеха вожделеющего мха

Замахи палачей и мученик истекший
фонтаны крови в межсезонье овощей
и властный яд над тем кто ныне спекся
и в тюрьмы в тюрьмы в тюрьмы без вещей

Мильон религий так похожие на нашу
на эскалатор неба залетев
двенадцать месяцев один из них девятый
молились свято тихой пустоте

Деликатесы в гнездышке из перьев
в гвоздях криница сладостная ран
болтает человек его расперло
он стал себя на части разбирать

Как некогда как исстари безумен
кричит на бога словно огнь похорон
будь проклят ты кюре за шторами изюмин
что детских глаз жалеет для ворон

Еще дементные но менторские тоном
глупцы и карлицы – эльфийская судьба
под солнцем словно в первый удивленный
шагает класс где свадьба шамбала

И там опят отведают в походе
в лесочек знойный шишек и хвощей

на престарелом мертвом пароходе
переплавляются в ту сторону вещей

И на больничный вечный отправляясь
с потехой и стыдом – веселый час!
и вздрогнут вдруг внезапно отстраняясь
от рук и глаз от рук и ног и глаз

VI

Вояж вояж военной горькой тайны
и знания маленького чада без пяти
сегодня ты не видишь расстоянья
почти меж тем что далеко вблизи

Вчера и завтра и всегда одна икона
в оазис ужаса в пустыню без сна
принесена тоска и одинаков звона
каждый удар как басня как блесна

Остаться? Уходить? так оставайся
стой где стоишь! могешь без движняка?
один бежит второй уже растлался
чтоб обмануть трамплин свой без прыжка

Он враг о время в саване сторожком
безжалостны глаза твои из серебра
по зеркалу ползут обратные дорожки
и вечно ждут на зебре берега

Не сходятся. апостолы которым самолеты
вагоны и весы ума их не уймут
беглец бесславный в колыбели лютик
что убивать умеет изумруд

Когда на челюсть ставит ногу скользко
мы ринемся но задом наперед
в атаку из под пятницы осколком
молочный зуб в субботу прорастет

Фонариком китайским засияет
сведет глаза остекленелый перст
и на ветру волос огнем играет
с двуликим топорищем перекрест

И мы причалим в черные как Гибель
за Гибралтаром с сердцем у юнца
врата над лимбом выпуская нимбы
кругами разбегаются сердца

Хотели лотос есть и колыханье
торговка здесь плоды чабрец и ладан
и полдень вечен тут и солнце черным станет
и шлет волшебный поцелуй в стакане

У спектров призрачных в семействе незнакомом
их мщение на шее виснет псом
плыви к своей сестре что в браке незаконном
висит под деревянным потолком

Так скажет та кому колени целованьем
сквозь платье пряток жмурит нам глаза
так старый капитан фата-моргане
надеется виски облобызать

VII

Смерть, старый капитан, выдергивает якорь
тебе пришла пора из батарей
ты выпил сок яви нас тайным знаком
в другой земле что будет поновей

Из сердца льется луч и лук стреляет метко
и бьет мозги кипящие вразлет
куда ж нам плыть теперь? ведь катится монетка
все на ребре и снова упадет

18 декабря 2013

Вячеслав ЛОПАТИН

КИЧ[1]

Иванов Лев Александрович –
основоположник «Магнитофонного метода литературы»:
его памяти

1.

1963–64 год. Зима. Вечерний Саратов. Николай Андреевич Григорьев, врач «Алтынки» (Областная психоневрологическая больница, отделение «хроников»). Руфина Николаевна, жена Николая, врач-психиатр. Валентин Акимович Ярыгин, друг детства Николая, поэт, после операции. Виктор Матко, художник, сбрил бороду. Собака Ирма.

– Не лицо, а задница!

– Это не обо мне: Николай о ком-то сказал! Как будто Матко увидал без портков!

– Стихи! Как же ты без Вальки сочиняешь-то.

– Я не участвую!!!

– А лицо как задница! / По-татарски скалится! / И талантом фалится! / Сам всю жизнь мается! / Кто эта красавица?

– Твои стихи напоминают твои рисунки! Главное, он выражает идею! Но такими несовершенными средствами! Вот не знаешь основные мифы! Ты ихи не знаешь – это мифы, которые в разных странах, а рассказываются одинаково. Жил шелудивый! А другой в златотканых одеждах, красавец. А боги решили, должно Солнце сиять: людям нужно светить. Совет созвали: кому быть вечным, но трудиться, светить неустанно. Избран был везунчик: подошёл к жерлу вулкана – отпрянул... а тому терять нечего – бедняк охнулся туда! Зашипело, загорелось и вырвалось Солнце! Устыдился... а от второго Луна! Идея: последний да будет первым! Переболевшие оспой считались первыми на Руси. А Матко, когда сбрил бороду, утратил первородство, стал луноликий!

– У Матко лицо как солнце! / Зато жопа как луна!

– Древняя легенда на современный лад, оккультный смысл приобретёт постепенно. Ох, скука-то какая.

– Моя мать простить Матко не может: – Эти дырочки на скатерти прожгли вы прошлогодним летом! Новую постелила, вы на ней папироску тушили!

– Для чегой-то ты идёшь лахудрой-то? Козырёк-то опустил! Бороды нет – так ты отделаться хочешь. Чёрт его знает – разбери его теперь! Как трудно ему с маской-то расставаться, гением-то не быть! По ему – рисовать значит безобразничать! А что ж я сделаю сам – он пытается рисовать, а не писать – дико рисовать, упрямая лахудра! Что ж, вот будет стену прошибать своим козырьком.

---

[1] *Записи воспроизводятся с учетом речевых особенностей персонажей.*

Вячеслав Лопатин родился в 1936 году в с. Бакланово Орловской области. В 1955–1956 годах учился в Елецком художественном училище, в 1957–1961 – в Саратовском художественном училище. В 1954–1968 годах работал методистом в Доме народного творчества. С 1968 года – реставратор Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. Публикации в «Волге»: «Цвет – звук; свет, тьма» (2008, №1), «Саратовская школа. Эволюция. Контекст. XIX–XXI века» (2009, №11–12), «Борисов-Мусатов–2010: ступенчатый колорит» (2010, №9–10), «Духовность материи – икона» (2011, №11–12).

– Куда идти. Ко Льву – опять Окуджаву слушать!

– Чего ж ты сегодня писал? Закончил труд?

– Да нет...

– ...брось дурака валять!

– Он сочиняет и спрашивает: – Как, как! А я человек гуманный!

– Мы только прозрачные тени! / Стеклянных и мраморных глыб!

– Вот-вот! Вот ты так и рисуешь, как стихи пишешь: голова ищет увёртку, в чём не разбирается – типичный пример мозговой патологии. Да ты ж белиберду несёшь, так стихи не сочиняют! Это слабоумие, а не стихи! Слышал?

– Слышал, щас испеку стих, как у Окуджаве! О вечернем городе, смотри!

– Смотрю.

– Зелёные лампы зажёг Саратов!

– Поэт, кто умеет пробивать рамки!

– Вечерний город скуп! / Ласки у него не занять!

– Он юбку задрал по пуп!!! Окуджава вообще лапша без ритма!!!

– Чего? Хорошие стихи он поёт! Песенки мне его нравятся по смыслу!

– Балалайку надо!!! «Пол-ночный трол-лей-бус по ули-це мчит». Эти Витькины стихи под Окуджаву, а живопись под Матисса!

– А на этого Матисса! / Николай пошёл мочиться!

– Сумел бы запечатлеть этот мотив, сикающую собаку. Посикала и побежала – пародия на Пикассо!

– Смотри, – Ничего Матко не надо! / Баснями по горло сыт! / Только есть одна отрада, / Иконно-песенный Матисс!

– Будешь с Робертом разговаривать, хлопай его по плечу, груди, животу:– Я вас не понял, действительно анатомию не знаю... оказывается, мы собратья! Несколько анекдотов препохабнейших, и слушай его – у старшего врача тоже потребность выговориться!

– Неуютненько. «Пол-ночный трол-лей-бус по ули-це мчит».

– Характерная физиономия! Я никак его оценить не могу, кого-то он мне напоминает, только рисовать не умеет.

– А?

– Нарисовал бы угол, я б счастлив был. Нет, ему хочется идею материнства. У меня на днях состоялось – ну и знакомство! Художник, со всем соглашается. – Разрезать вашу картину на четыре части, хуже не будет! – Да. Да. Разрезать её. – А на восемь частей? – Да, да! Можно и на восемь! – А может, лучше не резать? Удалось схватить как будто! – Да, да, удалось схватить! – Мир обрёл абсолютную неуязвимость, но с ним невозможно разговаривать, со всем соглашается. Но в нём, как в зеркале, отражается собственная глупость!

– Окуджава – это, конечно... но без костылей он не годится!

– Какие костыли?

– Гитара!!! Технически даже Коган сильнее Окуджавы!

– Ты когда натуру будешь рисовать, а не повторять зады Матисса и Пикассо?

– И передки тоже рисовать нужно!!!

– И не понимает даже, что он пошляк – подражает, это не искусство! Со всем соглашается... ещё хотел что-то интересное – кого Матко мне напоминает? Тебе нужно в кино приспособиться: рот здоровый, тип артиста. Сыграешь всё что угодно. Нам бы сейчас одного злоязычного. Вот бы Голубова!

– Кроткий! Он только с властью сражался. Жалко – хороший мужик!

– Но у него борода всё-таки эффектней была – узенькая! Стелется по этим брюкам! Женщины взгляды такого упоения на него бросали – на Матко нет, я не замечал! Голубова обычно шпана дёргала за бороду, думала, он не стукнет, а он стукнет – обоих забирала милиция. Зачем сбрил бороду? Бесталанный, графике подражает.

– Только успел сбрить бороду – и какая потрава на Матко пошла!

– В китайские колодки себя втискивает. Замечательные портреты делал тогда в больнице! А сейчас мы не можем оценить его. Имеет какую-то тайну – на буржуазный вкус. В контур не может укладываться! Поганые контуры, которые ему чужды. Хотя бы красивые контуры создавал, а то ведь мерзость! Тогда бы расписывал ковры! Орнамент, делай его! Нет, он собирается границу на велосипеде перелететь!

– Слушай! – Зачем фараону выслушивать чернь? / Он в глыбе останется красноречивым!

– Полностью перечеркнул всего Окуджаву!!!

– Ура, Валька! Значит, я выше Окуджавы!

– Брось про Окуджаву, а то я начну травить тебя!

– А зачем ты меня подтравливаешь?!

– А ты не трогай Окуджаву!

– У Матко давно эта строка напрашивалась: ещё про пирамиду говорил, собирался родить!

– Перестань Окуджаву травить, поэт!!! / Пусть стая гончих тебя не узнает!!!

– Всё это графика! В строгих контурах. Пошли Руфку на улицу вытащим.

– Руфка течение событий и ход истории не переменит!!!

– Ирма ещё Матко не узнает и спустит штаны. Мрачная личность, ещё не пробил его час. Ещё недостаточно велик, чтобы открыть лицо. Ох и вид, Витька! Всех средств и живописи, и графики не хватит!

– Как метеор черкнул эпоху! / И канул в вечности немой!

– Как вдруг объевшийся гороху, / Свирепо пёрнул домовой!!!

– Во взгляде его и мудрость отца! / И матери сочные губы!

– До пупа!!!

– И нос, словно пенис златого тельца!!! Руфин, гляди – это портрет Матко, никак не можем завершить.

– Утверждаешь строкой, что ты не от духа, а от плоти!!!

– Блуднице Иштар в назидание!!! Магнитофонным методом!

– Ну, если вы так разговариваете, я пойду...

– Я человек невинно критикуемый!!!

– Всех заразил Валентин!

– Что-то Виктор совсем невесёлый.

– Стихи сочиняет, грустит о бороде! Ирма виляет хвостом и смотрит, куда идти. Неприглядный тип!

– У Матко здорово!!!

– Нет, серьёзно?

– Это он увлекается: одними образами тоже нельзя!!! Нужен воздух, воздух!

– Так он в предметах должен чувствоваться, а не пустота! Ты вот, Валька, водичкой стихи разбавляешь...

– ...ой, псина, псина!!! Ей жарко, не знаю, как! Медведица!

– Молодая поросль в поэзии, другие как наскальная живопись!

– Да не наскальная, а ассирийская!!!

– Я на всё согласен! Как твой художник Подьяпольский: – Может, разрежем?

– Ты Лёвку сразишь, начнёшь таким оружием...

– Я другим оружием. – Тебе, облысевшему на поэзии, столько шкафов книг проглотившему, увлекаешься этим раешником, балалаечником! Гипертрофировать Окуджаву!!!

– Гражданский дух!

– Эстетствующая бульварная молодёжь – развернулся бы в период НЭПа!

– Он и развернулся, по всей России разошёлся!

– На тираньих костях / Пусть цветы прорастут! / И в глазу человека сольются!

– Как самочувствие, Руфина?

– Спина болит...

– ...чегой-то домой хочется. Руфина, или гулять хочешь?

– Куда? По домам? Проводим меня! Эх, сказал – мания величия распространяется!!! Витька, ты заметил? Сегодня я был объедком нападок!!!

– Идите толпой, фараоны! / На склады несите короны! / Сдавайте престолы завхозу!

– Е..те такую-то козу!!!

– Черёд вам выращивать розу! – Во мне всё уживается. И великое, и пошлость...

– ...я больше не участвую!!!

– Славьте барабанным боем! / Не полководца, поэта!

– Это уж на плохие переводы...

– А можно? – Не негра мечтательный рот! / А гордые губы араба!

– Витюшку за яйца берёт / Шикарная голая баба! – Шикарная голая баба за чёрные яйца берёт! – Витьку не надо, это у меня было: – Взгляни, кто так гордо проходит! / Немедленно посторонись!!! – Против расовой дискриминации направлен стих. – Хоть высшее счастье находит / Сия златокудрая мисс, / Когда в её знойные недра, / Между белоснежных колен, / Громадного чёрного негра / Направлен чудовищный член!!!

– Ползите удавы, шипите, удавы! / Несите дешёвый венок Окуджаве!

– Когда молчит наш Виктор, значит, / В нём лира дантовская плачет!!!

2.

Квартира Григорьева. Николай. Руфина. Их дети-школьники, Лена постарше, Вова. Валентин. Матко. На стене в золотой раме натюрморт Матко. Приходят художники Галина Чижикова с мужем Алексеем Пановым.

– ...не важно, что будет висеть, важно, чтоб написано было! Я про натюрморт сказал: – Он гениальный!

– Натюрморт сильный. В этой рамке он бесподобно смотрится. Ты б послушал, как тебя лаяли мастера, они б с тебя спесь!

– Какие мастера?!

– Ну, что рамку делали. Вот этот угол верхний – отдельно! Поставь пальцы вот так! Сверкающая краска, а здесь вот чёрные контуры.

– Где там чёрная краска?!

– Она почернела.

– Слушай! У меня идея: дарить холсты всем, кто пожелает!

– Твой натюрморт у Чижиковой – там рефлексы! Лист!!! Реальный лист с рефлексами от розовой салфетки! Я говорю ей: – Давай меняться! – ...хаоса больше! Здесь меньше порядка. Подпал под влияние Матисса и угроблен как художник! В рамки матиссовского слабоумия – и скончался! Она не вяжется – манера: розы по-коровински, а фрукты матиссовские. Дал расцветку свою...

– Какие там коровинские?

– ...а ваза ещё в каком-то третьем стиле – здесь контура вообще нет!

– А вообще это непрофессиональный разговор: – «Дал расцветку свою»!!! Снимай со стены!!! Давай, я её...

– Тебя уже к картине этой допускать нельзя!

– ...я сделаю более совершенно – в этом же плане!!!

– А мне сказали, что ты погиб – Витька!!! Руфина, почему Ирма пузу выставляет и четыре лапы кверху?! Это уж неприлично!!! Ну чего ты, Валь, грустный? Чего грустный. Нездоровится, что ль?

– А чего ты грустный, хороший ты человек!

– Я потрясена – и вдруг такая рама!!! Мать сказала: – Идут спасать Матко! – А он рассказывал, как у нас знакомые были? Следователь и прокурор! Как они болванами обозвали друг друга! Эта рама рассчитана на пространственную живопись...

– Это вкус хозяина, а не художника! Цвет есть цвет, он всегда нравиться – вот, собралось! Нет, опять собралось, а чего: – «Не в стиле!!!» – Может быть, так надо!

– ...они начали думать! Один другому говорит: – Это гениальный холст, но декоративный!– А другой: – Эта вещь не декоративная, а гениально начата! – Да ты в искусстве ничего не понимаешь!!! – А я говорю: – Самое главное, вам надо познакомиться с автором! – А когда сказала фамилию: – Да мы ж его знаем! По следствию проходил! – Обозвали друг друга – и в разные стороны! Рама отвратительная!!! Да окантовку надо было спрашивать, не багет!

– А он самую богатую в Фонде выбрал...

– Я слушаю всех, но прежде всего моё мнение. Веселей стало в комнате...

– ...это свойство таланта, у меня характер близок к Пикассо!!! Я менял одно, другое – цвет должен... разлад и какая-то надуманность, нарочитость – осознанные формальные претензии... берёшь и применяешь!!!

– Он поёт всеми железами внутренней секреции!!!

– Как бы художник ни уходил от действительности, он близок к ней через восприятие динамики натуры – это в крови, никуда не денется... и действительность вклиняется везде, как бы ни уходил в чистое искусство... Гладь не тиранит сердце... смотришь – совершенно!!! И рождается подъём к небу!!!

– Ты вот сделай, чтобы она мастерски была, вангоговскими мазками!

– ...дочь Лену привёл... «Матко гений!» – слышится в коридоре, дверь открывается... – «Нет бога, кроме Матко!!! И Николай пророк его!!!»

– Брось ахинею пороть!

– На Мельникова: – «Мазня!!!» – на меня: – «Глина!!! Смотри, Ленка, как рисовать надо!!! Ничего нет, а живой лист – пыльный – с рефлексами!»... – Руфина, вас нет – Николай у нас пропадает! До трёх-четырёх часов ночи!!! Вы уедете – мы его в двенадцать будем отправлять домой, а то он сидит у нас до трёх-четырёх часов! А что?! У меня муж вот стоит....

– Ну, Галя.

– ...а будет с кем до самого гроба разговаривать!!!

– Вот-вот! Собственного супруга в гроб загнать – это по вашему!

– Попытка остроумничать! А чего Ирма пупок подставляет?! Четыре лапы кверху!

– Она выражает свои эмоции так же, как ты выражаешь!

– Несчастные!!! Десять сантиметров окантовки чёрной надо было... у меня предложение: снять и с собой забрать её!

– А у меня живопись вообще музыкальная!!! В готовой вещи должна быть недоговорённость, недосказанность – они дают пищу! Музыка теряется, когда отточена вещь!

– Вот порыв мой остался без последствий!

– Он в искусстве должен выражаться!

– За месяц, значит, пока вас, Руфина, не будет, Николай Андреевич нас изнасилует – придёт и сидит всю ночь...

– ...пациентов навалом – готовый материал, скрытый в потенциале! Виктор, видишь? Всеобщего восторга ты не вызываешь! Недоумение – встреча с неожиданностью...

3.

Квартира Ярыгина. Валентин. Светлана Васильева, экскурсовод музея им. А.Н. Радищева. Дорога. Дом Иванова. Друзья детства – Иванов, Григорьев, Ярыгин. Лев Александрович Иванов –

Учёный секретарь сельхозинститута. Вера, его жена, учительница. Вова, их сын, старшеклассник. Валентин и Светлана слушают Окуджаву, Когана. Пришедший с улицы кот.

– ...ему нигде не будет скучно – Матко монологичен! А Николай чем хорош – он живёт чем-то сверх материального содержания жизни. Это уж большое значение в нашей жизни. Хотя бы стяжательство, а то мелкотравчатость! Квартирка, холодильник...

– ...мокреть! Она всегда неприятно действует...

– Лев Александрович: – «Если ты будешь продолжать в таком духе, то я!!! – как возьму сейчас табуретку!!! – и уйду домой...» – Во дворике сидели! Это апофеоз нашего конфликта – он описывал процессы гниения, происходящие в недрах его кладбища, именуемого библиотекой!

– Дерево! Засунули его куда, смешно...

– ...настроили домов! Коровинская Русь! Вон с той стороны хорошо, там мелко. Эх, какая трусиха!

– ...открыточку-то получили от нас с матерью?

– Надеюсь получена, надеюсь!

– Эту комнату своими руками сделал...

– Просторнее книгам стало!

– ...я петуха ещё ему рекомендовал поставить – он принял это за насмешку! – «Флюгер надо!» – Он говорит: – «Я тебя поставлю!!!» – Стены, пол, покрашено по матковски ярко, радужно...

– Вот это вы, художники, вы умеете!!! А мы краску не умеем составлять... ...да, книги самая замечательная вещь, с моей точки зрения... ...никогда, никого я не обманывал... а тем более тебя, тем более тебя!!! На золотом подносе ему – ходи сам по магазинам и карауль... ...теория необходимости выпивать!..

– Это воинствующая мораль и добродетель!

– ...вывод напрашивается! Ну как, Славка не сменил подвал? Конечно, надо иметь особый склад души, чтобы там жить!

– Брось ты критиковать подвальную жизнь! Там сейчас остановился величайший художник всех времён!

– Кто?

– Матко!!!

– Это вы серьёзно?

– Я не говорю серьёзно, что Окуджава величайший поэт! Я даже Когана не называю величайшим поэтом! В наше время как только не скажут: почему бы Матко и не быть гением? Он в плане Пикассо! Правда, кубизмом он не увлекается, сейчас у него период в стиле Матисса. До этого у него был коровинский период! До этого я не знаю.

– Ну, а самого Матко-то что, ещё нет? Я, конечно, ничего в искусстве не понимаю, не разбираюсь, ну, а в музеях был – не один раз. Знаком и с современным искусством. И с русским, и с западным! По образцам, которые есть у нас. Особенно Мане мне нравится – Эдуард! А такие, как товарищ Пикассо и прочие, до меня не доходят. У каждого, конечно, свой вкус. Но я их смотрел! Жена меня гонит в шею: – «Хватит, пойдём дальше!» – Как ни гляди, откуда ни смотри, а разложение искусства, вырождение искусства! Ну, для сумасшедшего дома это нормально, не для меня создано... или для особых лиц!

– Сколько яду он вкладывает! Не вырождение, а сознательное разложение...

– Разложение есть, а синтеза нет!

– ...синтез после Пикассо осуществят, а то зачем Матко живёт?

– «Потомки оценят!» Мне кажется, это ширмочка, за которой очень часто прячутся бездарности.

– Я не квалифицированный товарищ, но я вижу – это искусство! Ну, вот почему вы, Светлана, такой точки зрения придерживаетесь, что у вас человек должен быть похож на человека, а не на

крокодила? А Пикассо считает, что если вы хотите человека изобразить, то рисуйте крокодила и ищите в нём человека! Послушаем лучше Окуджаву.

– Я не любитель всяких драк, / Но мне сказать ему придётся, / Что я ему испорчу весь уют! / Что наши девушки за денежки, / Представь себе, паскудина брюнет, / Они себя не продают!

– Всё сам поёт! Музыка его, всё сам поёт.

– Я знаю, как в зябкую полночь, / Твои пассажиры, матросы твои, / Приходят на помощь. – ... – Как много, представьте себе, доброты! / В молчанье, в молчанье!

– Красотулька, ты лапы на стол, дорогой, не клади.

– Стойте, я газету подложу! Лапы мокрые.

– Что Вовка такой невесёлый?

– Я не хочу, чтобы он к ребятам ходил!

– Вновь играет радиола! / Но некому оплакать его жизнь!

– Что же вы печенье не пробуете? Это Вера делала.

– Потому, что, виноват, / Но я Москвы не представляю / Без такого, как он, Короля. – Песенка про Чёрного Кота! – Он в усы усмешку прячет... – Ловит нас на честном слове, / На кусочке колбасы. / Он давно мышей не ловит ! / Жёлтый глаз его горит. / Все коты поют и пляшут, / Только Чёрный Кот молчит... – ... Каждый сам ему приносит / И спасибо говорит!

– ...Встань пораньше! / Когда дворники маячат у ворот!

– Подтекст у него во всех песнях. Темнота есть в жизни! То слышно голос Революции, то не слышно. Жаль, что некоторые молодые не слышат этого Барабанщика. Я как-то с ними схватился!

– И к цыганкам, понимаешь, не хожу. / Набормочут: – Не люби её, такую! / Напророчат! / Наколдуют, нагадают, накукуют. / А она на нашей улице живёт!

– Ты давай Когана!

– Нет возражений против Когана?

– Косым стремительным углом / На землю падает гроза! – ... Как равнодушье, как овал. / Я с детства не любил овал!..

– ...он выражает нетерпение, хочет, чтобы «Бригантина» прозвучала. Но ведь надо пропустить стихи!

– До «Бригантины» никак не доберутся, трепются всё...

– Они нас выдумают мудрых, / Мы будем строги и сильны!..

– ...«Бригантину» надо, а то это всё утомительно!!!

– «Бригантину»? Щас мы послушаем.

– Эх, как он священнодействует! Мне нравится! У Николая Руфина уезжает на курсы какие-то в Ленинград – предгрозовое затишье. Ну, скоро у тебя?

– Неужели ты не понимаешь, что элементарное терпение во всём нужно...

– Мы терпим!

– ...тут вернее сказать, терпели тебя!!!

– Шкипер, верящий всем богам, / Совершенно серъёзно верит, / Что на свете есть Зурбаган – ... – Капитан, обветренный как скалы, / Вышел в море, не дождавшись дня. / На прощанье подымай бокалы / Золотого, терпкого вина. / Пьём за яростных, за непокорных, / За презревших грошевой уют. / Вьётся по ветру весёлый Роджер, / Люди Флинта песенку поют. – ... – И в беде, и в радости, и в горе, / Только чуточку прищурь глаза, / В флибустьерском голубом просторе / Бригантина подымает паруса...

– Написать я хочу в ЦэКа, потому что три раза я писал в Радиокомитет. Поэтому я хочу написать в отдел агитации и пропаганды. – «Посмотрите, как у нас дела обстоят. Мы, обычные граждане, хотим послушать Когана, поэта-патриота. Заявки наши не выполняются!»... ...привык к роли вождя. Вождь!!! Великий пророк!!! Некоторые товарищи, пальцем я не указываю, повторяют твои слова – в некоторой модуляции!

– Что, закрываешь шарманку? Меня хочешь!!! Не надо! Ну, автор имеет право, вот возьму запись у Скуратова, дело другое!

4.

Квартира Зои Михайловны Олехнович на задах областного Дома народного творчества. Зоя Михайловна, Николай Андреевич.

– ...Хочешь не валяться на нарах и вкусно жрать, иди ко мне! – На каких ролях? – За энто! Так и говорит: – За ЭНТО ты будешь детей учить ХРАНЦУЗСКОМУ! Учить музыке! Будешь учить грамоте меня, маму и детей. – Надо отдать должное, он понимал, что неграмотен. – Будешь варить и будешь... – И буду твоей подстилкой? – Которые работали в конторе, все были любовницами! Вы меня понимаете. – Будешь!!! Ну и щож? – А тож, что не будет того! – Так будешь ассенизатором работать! – Ну и буду! – повернулась спиной и ушла.

В это же время второй начальник лагеря Баринов такое же предложение сделал – она в Смольном училась, по мужу Папарингопуло: сын греческого посланника. Её мать была шифреза, окончила с шифром Смольный институт и имела право быть фрейлиной при Дворе. После революции половина вещей пошла в Эрмитаж. Жили! Вы меня понимаете. Вот с ней на пару два года были ассенизаторами. Так можете себе представить, Вера Николаевна за восемь лет не написала таких изумительных стихов! Это была единственная работа без стрелков и мата! Вы меня понимаете. Что требовалось? Бочка, черпак летом – не такая! – примитивная: доски положены, яма обнесена стенами, на зиму крыша, Вы меня понимаете! Мы не теряли бодрости, послушайте, например, анекдот о двух сёстрах. Одна, жена министра, пишет: – Дорогая сестрица. Живу очень хорошо, езжу на ЭМ-два и очень часто покупаю себе новые наряды. – Получает ответ: – Дорогая сестрица, живу ЛУЧШЕ твоего!!! Езжу на МУ-два и получаю ежедневно бесплатные НАРЯДЫ!!! – Как видите, мы не теряли бодрости. Почему я и осталась жива! Не теряла оптимизма, считала, что это страшная ошибка, не сегодня-завтра всё объяснится, и нас выпустят! А которые принимали это так, как есть, Вы меня понимаете. ...лет на восемь моложе меня! Выглядела она – мальчик. Мальчик! Фарфоровая статуэтка! Я по сравнению с ней гренадёр! Сейчас я Вам прочту... огромнейший диапазон: частушки, эпиграммы, лирические...

Фотографии! Случайно сохранились, из семейного альбома... он был любимцем Репина, откуда у нас и оказалось два портрета его кисти – граф. Грудь в орденах! Отказался стрелять в толпу! Разжаловали в солдаты. ...с турками, опять вся грудь в орденах! И восстановили в звании! Предложили в графы, он отказался. ...да, да – это бывшая графиня Развадовская, потом солдатка, моя бабушка... Первый муж, Торчинский. Убиенный Диурский! – на десять лет старше меня. Писаный красавец! Когда мы с ним танцевали мазурку, выходили все игравшие в карты, Вы меня понимаете! Моя любимая фотография – сына Миши от первого мужа. Торчинский-Джон Буль, тип англичанина. Я с ним разошлась. Потом Торчинский мужа видел второго и третьего тоже: – Ничего не понимаю! Вы терпеть не могли бородатых и усатых. И блондинов. – ...Я была восхищена смелостью и отвагой. Через два года он мне сделал предложение! В то время, когда от меня все шарахались!!! И с работы уволили. А он не побоялся... а потом я его полюбила... у меня глаза были синие, такие же, как у Миши, теперь они выцвели... Два года назад доходило до пяти градусов, а когда поставили усиленные батареи, деваться некуда стало. Я до пятьдесят девятого года снегом вытиралась...

Вывозили за зону фекалий. Мы с ней проработаем четырнадцать часов: она, смеясь, напевая, мелком на фанерке, карандаши не полагались, перо тем более. ...нет! Нет, нет, так вот всю жизнь – смеясь, писала! Я жила там восемь лет, меня окружали постоянно поэты, первому слушателю, они несли мне... ...я Вас прошу быть строгим судьёй, но быть откровенным. Есть такие, которые восторгаются стихами... «Памяти Владимира Всеволодовича» – мой младший сын! Умер из-за мерзкой, отвратительной жены, у которой шесть мужей! Заразился туберкулёзом! Беляев, окулист, двести рублей взял, это его такса: – А теперь я познакомлю с вами семью! – Познакомился с этой Мессалиной двадцатого века... – Всё так же весело проходят киносъёмки. / И фильмы новые бегут на полотно. – Вова кинооператор – очень талантливым считался! Его друг, Ибрагимов Давид Михайлович, до сих пор ко мне заходит на праздники, поздравляет. – Но смерть не жизнь.

Она не разделяет / Людей по возрастам, по рангам, по сортам – ... – И долго не тоскуют. / Незаменимое уже заменено. – Вы согласны, что это не стандарт, не шаблонно...

Акмолинский лагерь жён изменников родины – АЛЖИР! Нас было там десять тысяч. Двадцать шестая точка в Северном Казахстане. Когда по радио обьявили, что Хрущёв назвал Акмолинск Целиноградом, мы были все страшно потрясены – Алжироградом!!! Вы думаете, первыми целинниками были те, которых провожали с цветами и песнями на московских вокзалах? Я Хрущёву писала! Вы думаете, он мне ответил? Он мне не ответил! Скажите, у Вас в больнице находятся одни только жертвы Сталина?

– К нам попадают и те, кто сидели и те, кто сажал.

– ...у Веры Николаевны всё хорошо, но язык старый – всё меняется на свете. Что казалось шестьдесят лет назад ...и всё-таки Репин остаётся Репиным! Эти, как их, абстракционисты! Что, Вы их признаёте? Вы их понимаете? А если понимаете, то из подражания, как попка!!!

Вот стихи одной моей знакомой, с которой мы вместе кончали Алжирскую академию. «Надо мной раскалённый шатёр Казахстана. АЛЖИР. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год». – Надо мной раскалённый шатёр Казахстана, / Бесконечная степь серебрится вдали. / Но куда б ни пошла, я тебя не застану. / Рассказать о тебе не хотят ковыли. / Вырываю часами бурьян и осоку, / Чтобы колос пшеницы налился зерном. / Облака надо мной проплывают высоко, / Только нам улететь не придётся вдвоём! / Только нам, мой любимый, дороги заказаны. / Даже ветер, и тот не приносит покой. / Я иду по степи без тебя, синеглазый мой, / Сердце крепко сжимаю горячей рукой. / Я иду по степи. Колосится пшеница. / Быстрокрылая чайка куда-то спешит. / Мы отныне с тобою бескрылые птицы, / А птенца далеко унесло в камыши...

...только что родившийся ребёнок был!

Что же делать? Слезами беде не поможешь. / Ветер высушит слёзы, но боль не уймёт! / Нам не верит страна! Что же делать, мой милый? / Как сказать ей о том, что мы сердцем чисты?..

...что, не прекрасно написано? И это дилетант!

Чуть шумят ковыли, солнце жжёт мои губы. / Непривычно и пряно здесь пахнут цветы...

...особенно тюльпаны. Одуряюще пахнут! Здесь не так.

Ковыли и пшеница. Ни речки, ни бора. / Но и здесь нашей Родины воздух я пью. / Я со степью о воле веду разговоры. / Ковылям о тебе и ребёнке пою. / Так сожми же, как я, своё сердце руками. / А глаза осуши, проходя по ветру. / Если тучи плотней нависают ночами...

...или – «над нами» – Здесь как хотите! Раньше всё я знала наизусть. А когда Вова умер, я решила писать. Отвлекалась. И правильно сделала, а то я сейчас ничего не помню.

Если тучи плотней нависают над нами, / Тем скорей эти тучи разгонит к утру. / Выше голову, милый, я ждать не устану. / Моя совесть чиста, хоть одежда в пыли. / Надо мной раскалённый шатёр Казахстана, / Бесконечная степь серебрится вдали... – ...так барак из трёхсот человек – редко кто не рыдал! У неё голос был слабый, мне поручали читать!

А это стихотворение, посвящённое первому открывателю космических лучей Александру Брониславовичу Вериго – одним из первых подымался на этом... воздушном шаре. Она попала в «Кресты», предварительно сидела, ему посвятила. – Вы изучением космических лучей, / Должно быть, заняты, мой милый Сано. / Вас не смущает яд моих речей, / Вы весь в приборах – time is money...

...по-английски: время – деньги!

А в Вашем гнёздышке пленительный уют. / И сакс, и севр на фоне палисандра. / В кашпо...

...Вы наверное не знаете. Это корзины для цветов.

В кашпо старинных девственно цветут / Мои любимцы, чудо – олеандры...

...бледнорозовые цветы, мне они...

На круглом столике по прежнему блестят / С такой заманчивостью сливы в шоколаде. / В углах диванов ангельски грустят / Подушки, нежно вышитые гладью. / В цветном графине дремлет «Кюрасо»...

...ликёр, в прежние времена после чая подавалось в маленьких чашечках!

Стоят нетронутыми клавиши рояля...

...он сам не играл, а рояль был куплен специально для неё!

Да, всё случившееся словно скверный сон. / Жизнь показала оборот медали. / Давно ль мечтали с Вами мы о том, / Что вскоре всё пойдёт у нас иначе. / Что с первым тёплым солнечным лучом / Вы увезёте, друг, меня на дачу. / Давно ли мчал нас золотистый ЗИС / По запылённой Пулковской дороге, / А вы, желая сделать мне сюрприз, / Взамен цветов преподнесли миноги. / Никто из нас, вкушая жизни мёд, / Не ждал такой развязки неуклюжей. / Что вдруг судьба так жёстко подведёт / Итоги нашей многолетней дружбы. / Итак, четвёртый месяц я в тюрьме. / Сплю на полу, рядком со мной параша...

...а что такое «параша», Вы знаете?

За четверть века ворох перемен. / Бессменна только ячневая каша. / Да раздражённый оклик часовой...

...у нас были мужчины и женщины: самые лютые часовые – женщины!

Мне не вернуться, видимо, домой. / Меня придавит тяжесть приговора. / Брожу по камере с туманной головой. / А настроенье. Удавиться впору! / И всё ж, хоть кошки на сердце скребут, / Хоть в перспективе отделённый лагерь, / Я не могу хоть несколько минут / Не уделить маранию бумаги. / Чтоб не сказать последнего прости / Тому, кто в честность верил мою свято, / Кто без измен старался оплести / Мирок поэта розовою ватой. / Не предавайтесь грусти о былом! / И не жалейте, что меня не стало! / О, если б только знали Вы, как мало / Теперь потребно мне для счастья моего. / Ну, например, кусочек свежей халы! / Иль ломоток бараньего жиго! / Не правда ль, как я низко пала? / Вам, очевидно, даже невдомёк, / Что после роя красочных моментов / Меня способен радовать ларёк / С его несложнейшим ассортиментом. / Где лук зелёный и чеснок, / Увы, считать приходиться находкой, / Где, позабыв о томных five-o-clock, / Хватаешь жадно ржавую селёдку. / Вас удивит ещё сильнее то, / Что в стенах столь позорнейшего места / Мне удалось, без трудностей притом, / Найти для Вас прекрасную невесту. / Она высокой марки агроном...

...я с ней потом познакомилась, Кудрявцева. Даже помню фамилию.

Она высокой марки агроном, / Незаменимый клад для Вашей дачи. / К тому ж мила, изящна и с умом. / Танцует фокс и даже кукарачу...

...в то время это было очень модным.

Её, как Вас, способна захватить / Структура разных дъявольских приборов. / Она часами может говорить / Об оболочках, гайках и моторах. / Её ни свет, ни дальность не спугнёт. / И вместе с Вами, весело и дружно, / Она в любой отправиться полёт – / На Полюс Северный, на Полюс Южный! / Итак, отныне, значит, решено, / Что к ноябрю Вы будете женаты. / Здесь есть, конечно, маленькое «НО», / Невеста временно из общества изъята. / При этом числится по пятьдесят восьмой. / Не за свои погрешности, за мужа. / Но всё ж предупредить Вас нужно / Об этом, друг мой дорогой, / Чтоб не нарушить Ваш покой, / И не испортить старой дружбы. / Когда-нибудь уж, в час досужий, / Сходите навестить мой дом / И успокоить мать. К тому же / Снесите ей строфант и бром. / Скажите ей, что я в надежде, / На что, придумаете сам! / Ну, а теперь желаю Вам успеха, и / Прошу как прежде. И на Земле, и на Луне / Повсюду помнить обо мне. / И переправить сухарей / В один из дальних лагерей!

5.

Квартира Ярыгина. Анна Григорьевна. Матко. Дорога. Валентин, Николай, Матко идут к Иванову слушать стихи – магнитофонную ленту со своими стихами Валентин взял на время у друга, врача психиатра Скуратова. Навстречу Света с Люсей, идут в кино. Николай обижает Валентина. Дом Иванова. Лев Александрович. Вера. Вова. Валентин. Николай. Матко. Стих Ярыгина.

– Сельские граждане, попросту мужички. «Топор вешай!» – а сами курят, «топор вешай!» – а сами курят! Сыночек-то мой, Вовочка! Геолог. Уголовники, отсидели только! Он им котелок дал,

картошку: – «Ты доёдывай, а я пойду поблюю»... ...дочиста, так дочиста обворовали! Деньжонок занял, без всего приехал совершенно. Вова рассказывал: – Вот я и пожалел, всё подкармливал...

– Ну, подождите меня, я сейчас!

– ...думают, он ласкает их!!! Я ведь пишу, что он вместе со мной целует, ласкает их! Я думала, просто вот тут вот лягу и не встану больше! Прошлый раз при Григории Ивановиче! Подсела. – Сынок! У тебя теперь племянник! – а он: – Живут, плодятся! – ...с колбаской!!! Мяконькая такая...

– ...кончай, кончай! Кончай эту свою меланхолию – мне и так тошно! «А ты вино-ва-та»... «Наша грудь не боится ярости непогоды. / Она верная опора Отечества»! Пошли к Левке! У Скуратова на время свою запись взял!

– ...окурки выброшу.

– Довыбрасываетесь! Попомните моё слово: чинарик – спасение цивилизации!

– Слушай, Вальк, сегодня было сделано Николаем колоссальное признание: – Сколько ни травлю, ты не реагируешь!

– Зато самое невинное замечание Санникова приводит тебя в ярость – это уже меня унижает. ...пять пачек «Волги». Две коробки чаю. Пару коробок спичек – как обедняли спичками!... ...ты, Валька, даже протестуя, вызываешь уныние, неверие, а он, Витька, как луч света в темном царстве... Универсальная легенда во всем мире! Одна женщина ожидает двух детей. Одного красавца, здорового, а другого тоже здорового. Но обросшего шерстью. И тот, и другой выступают против воли родителей...

– ...«Как важно быть серъезным», Оскар Уайльд. В «Октябре» идет, цветной. На шесть, восемь, десять. А вы куда?

– Поэзия нецензурная. Идем слушать.

– ...он подготавливает под себя почву в плане моей кабалы!

– Ну зачем ты, Николай, порочишь меня?!

– ...«У тебя валится кувшин!» – его в училище готовят к этому...

– Ну давай не пойдем к Лёвке сегодня! Ну его – начал Николай пороть чушь посторонним людям...

– ...плоская похабщина!

– Отдай ленту!!!

– Ну, они обижены были, надо было объяснить перед людьми!

– А зачем ты порочишь меня?!

– Ну, писать стихи ты себя не порочишь...

– ...отдай ленту!!! Я не пойду!!!

– Зачем ссориться?

– А никто не ссорится!!! Завтра пойдем, что-то у меня желание пропало...

– ...смотри, Виктор: вот так будешь потом свою живопись бояться! Ну, не бояться – стыдиться.

– Они не могут понять тонкости твоей психиатрической натуры!!!

– Женщинам слушать нельзя, детям тоже! Взрослым избранным...

– ...что я, мальчик, штоль!!! Не надо, не пойдем!!! Ну, Николай, у тебя нет элементарной этики врача, чего ты меня травишь?

– Это очередная маска, ссылка на свое нервное состояние! Щит – просто неудобно. А Ленке я еще проще сказал: – Похабщину идем слушать!

– Ну, тогда я не пойду!!!

– Я сказал особенного, чего? Я ж не соврал им, а ты мне приписываешь умысел какой – если б они были цензурными, я б Лену взял!

– Ты гадость делаешь, потом обосновываешь...

– ...ну, а как бы ты объяснил? Вижу – они обиделись! А обижать не полагается! Но это ж не клевета. Клевета – это вранье! А тут истина!

– Ну мы сейчас пойдем, отдадим! Слушать мы не будем...

– ...чего Вовка скучный?

– Я его к ребятам не пустил. Да, завод, конечно, безобразный. Нет, дядя Коля, нехорошо получилось...

– ...это ж чувственная тупость была предельная проявлена мужчинами!

– Вер, не помешаем мы?

– Нет.

– Я орал тогда, как бы не получилось таких мест! Ты, Вов, особенно не слушай! Скуратов дорожит особенно лентой, на неделю приблизительно дал... или начало такое, или он не ту ленту дал!

– Давай послушаем, он выбирать умеет хорошие джазы. Включи посильней, чтобы поджилки задрыгали! Да не помешает он Вере, хорошая музыка не помешает. Хороший джаз!

– Так что, дядь Коль, по совести ты должен извиниться.

– На это у него умственных способностей не хватит...

– ...а на это не надо умственных способностей! Своеобразный метод пропаганды – подсунули хороший джаз.

– Может, на той стороне? Много я довольно записал, но часть он нечаянно стёр! Говорил мне, что начало он нечаянно стёр. Вся? А это долго, перекручивать?

– Ну, минуту, полминуты...

– ...он, может, не ту дал, перепутал! Ужель готово?

– Да.

– Наверно, не ту дал, спутать мог. У Льва надписи – это, когда Вера впутается, порядок наводит! – у него и сразу кавардак! У Николая, правда, сын – не дорос до этого...

– А ведь магнитофонную пленку он испортил, ничего нету. «А был ли мальчик-то?» Может, мальчика и не было. Может, вы друг друга зря обидели.

– Ну и что ж! Дело в хамском поведении.

– Райкин. Плохая запись очень.

– Наверно, не ту дал. Спутал, наверно! Спутал – ну что это...

– ...ну что – что ж ты выключаешь?

– Скорость другая, нельзя на этом магнитофоне.

– Душа Валентина истинная трепещет...

– Выключай!!! Ты Николаю играешь на руку!!!

– ...это Скуратов чародейство совершил! Из твоих стихов вытащил душу подлинную!

– Хватит, хватит издеваться!!! Что ты ему даешь почву для садизма?!

– Ну, послушали! Это бы можно и женщин допустить, и детей! А Вовка был бы особенно доволен: таким голоском – Райкин бледнеет! Вот – что там изобретены газы разные? Пустили бы через рупор Валькины стихи в собственном исполнении и войско покорено – в коликах лежит!

– Ничего не разобрал!

– Тебя эмоции захлестнули! Голос души!

– Здесь души мерзкой, надо сказать – это твоей!!! Да мне надоело это дело, ядовитое копание...

– ...и ещё ты, дядя Коля, не прав – Валентин последние два месяца очень миролюбивый был.

– Какой там миролюбивый? Это ты просто нейтральную почву держишь.

– А ты меня реабилитируй – пусти мои записи, а то голос этот будет мне сниться! Подвергся глумлению...

– ...ты меня вынудил возражать тебе!

– Зачем это нужно? Сам говоришь – давай кончать!

– Уж так испортились отношения у нас, что не поймешь – что порядочно, что не порядочно.

– Это уже кобенились, не говорили серьезно! Острамился-то я как сегодня! Весь вечер, как будто публично штаны сняли!

– Душу обнажили!

– Николаю на руку сыграли!

– Я фатально оказался прав, а то они вдвоем накинулись! Приходи ко мне Матко посмотреть – уже висит картина в рамке хорошей. Нет, всё здорово получилось, прямо замечательно!

– ...зайдем в музей, Светлана проведет экскурсию!

– Чёрная, в твоём вкусе. Я не сообразил...

– ...соображать надо!

– ...слушай, Николай! У дикарей и то уже была маска, а у нас тем более. Посмотри туда – клочок жизни какой, да? Какой из саратовских художников производит такое впечатление? Вот как нужно смотреть, Николай... всё хочу звонкости! Я звонкости запросто!!! А вот откуда, вот смотри – город, настоящий город!!! По цвету я смотрю убедительно – ты только крылья у меня не обивай! Ты видишь: от себя я пишу город по впечатлению, а как бы я с натуры написал! На мою живопись свету надо, чтобы каждый мазок просматривался! Композиция хорошая... эта!!! – ух-х-х!!! – смотри!!! Ты без комментарий, я не хочу убеждать, сам смотри – по цвету... а притом она вся динамичная!!! Мои холсты нужно в рамах, конечно, смотреть – они и без рам смотрятся...

– Но Гущин считает, настоящая живопись и без рамы смотрится. Рама отразит, часть цветности возьмет на себя!

– ...а днём моя живопись вся фиолетовая!!! Я рассчитывал, как она при дневном свете смотрится... а рисунок у меня здесь такой, чтобы создать впечатление настроения! Я, когда работаю – я плюю!!! Не в этом суть!!! Мир с моей концепцией живописи только бы выиграл – вот здесь идея ташизма... я сделал работу, если на физическую перевести, – полдома построил!!! С концепцией ругать художника я не согласен...

– ...а я и ругаю, и хвалю не для того, чтобы тебе угодить! Даже не видишь, сколько в моем лае любви к тебе!

– ...последнее у меня! – Ни черное, ни белое! / Ни синее, ни красное! / Навек оледенелое, / Бесцветное, безгласное! / Итог: / И ничего не сделает тут, / ни трудясь, ни празднуя, / И Бог!

6.

Квартира Ярыгина. Анна Григорьевна. «Последние известия». Приходит Матко. Разговор о сумасшедшем доме. Квартира: Ефим Водонос и Юрий Зельман – студенты. Ярыгин, Матко.

– Виктор в больницу решил ложиться!

– В добрый час. И я скоро лягу! Послушаем известия, а то ты после операции совсем в жизни не участвуешь!

– Передаём вечерний выпуск последних известий... у портала туннеля собрались строители, корреспонденты газет... ключ передан в Исторический музей Москвы. Там уже хранятся многие... гидростанция полностью войдёт в строй... получать двенадцать тысяч агрегатов. Перед механизаторами стоит большая задача... отремонтировано на шестьдесят два процента плана больше, чем в январе прошлого года. Пора студенческих каникул... готовятся весело провести свой досуг. Выезжают с лекциями и концертами во все концы страны. Проведут ряд интернациональных вечеров. Хорошего вам отдыха... результаты совещания в Варшаве имеют большое значение для сохранения мира во всём мире. Передаёт из Варшавы... его участники проявили заботу об упрочении безопасности не только стран социалистического лагеря... происки империалистических кругов Запада... на устранение этой угрозы. Одна общая идея... интересы социализма неотделимы от интересов мира. Подписание плана о сотрудничестве... в Болгарии будет проведена большая выставка советского эстампа. Включаем запись. Наш микрофон в зале Дворца Профсоюзов...

генеральным секретарём Всемирной федерации профсоюзов. Голос Владимира Ильича Ленина. Ренато Бетосси, который говорил именно об этом... не может не видеть... огромного удовлетворения великими делами, творцами которых вы являетесь...многомиллионные отряды советских профсоюзов содействуют дальнейшему прогрессу Всемирной федерации профсоюзов. Лагерь социалистических стран стал главным фактором... активизирует выступление за мир и социальный прогресс. Наш обозреватель... встреча президента де Голля с канцлером Эрхардом. Диалог не вышел за рамки обычного обмена мнениями. Вопрос об объединении Германии... думает нажить себе политический капитал... только после того удастся провести политическое объединение европейских стран. Андре Фонтен... генерал подчеркнул явную несовместимость... иметь ядерное оружие и объединение страны. Франция не желает, чтобы Германия получила доступ к ядерному оружию... об успехах конголезских повстанцев. Убито свыше трёхсот чомбовских головорезов... вопрос о расширении действий против повстанцев. Увеличить численность иностранных наймитов... роль Ленина будет исполнять Смоктуновский. Завтра организует уже два поезда здоровья: «Снежинка» и «Восток». Новая туристская оздоровительная база... получат коктейль из морозного воздуха, скрипучего снега и яркого солнца. Никто не мог предположить, что наши юные теннисисты не оробеют перед звёздами Европы... минутой спустя, буквально разгромили. Сообщение института прогнозов...

– ...вы чего ж пальто не сымаете?

– Забываю. Я привык в подвале сидеть...

– Эх, какой я киножурнал сегодня видел про древнерусское искусство! От этого журнала даже взгляды несколько на икону изменил!

– Колоссальные вещи. Вещи колоссальные.

– Там и страшный суд показан, и богородица!

– Бесподобные вещи. Я, конечно, знаю.

– Васнецов, Суриков восхищались! Прямо жили там! Станиславский, чтобы войти в колорит, там ночевал даже!

– Придётся сходить из-за этого журнала.

– Сидят две розы: одна чёрная, другая золотистая!

– Ну, почему я не оказался между ними. Во-первых, между ними! Во-вторых, искусство, конечно, дороже! Что-то вспоминается, увидел на рекламе – прямо Наташка...

– ...потоскуешь с недельку! У Николая отделение – там вроде кладбища. Там безнадёжные, распавшиеся шизофреники... ну, месяца два я не выходил! Потом дали свободный выход – имей в виду: там написана «Египтянка»... и другие! Вообще жутко, но ничего.... добровольно – добровольцем!

– Я вот чувствую, я к одиночеству...

– Анна Фёдоровна заведующая! Эх, и хороший человек!!!

– А книги можно с собой?

– Летом я там лежал – прямо замучили! Как ни прячь!!! Из под подушки возьмут и выбросят! В туалет выбросят, в окно – утром хожу, собираю! ...по разному ведут. Не обращай внимания на некоторые моменты, иначе нельзя! Потому что ничего уж не понимают. Ну, месяца на полтора лечь придётся – месяца полтора, два...

– Два? Ты думаешь...

– ...а чего. К лету выйдешь! Там есть один, вечно живёт там – Иван Андреич или Андрей Андреич – он там уж хозяин! ...великие ораторы есть, пророки, гении.

– Гений вроде меня!

– ...тут нет – хороший персонал! А тут ты привыкнешь. С ними можно в картишки, только Кольке не говори!

– В конце марта придётся тогда выйти.

– Чего заранее говорить, там видно будет – ты будешь заранее проситься... там сестра! Толстенькая такая, глаза огромные, сразу кокетничать начнёт. И не скажи ей, что я передал, что у неё тонкая ножка – привет можешь передать... ты всем там от меня! А эта колючая Людка – которая колоть будет! ...нет, если инсулин – только маленькими дозами для физического укрепления. И до некоторой степени восстановления нервных тканей. Нет, там ты неплохо заживёшь! Николай хороший мужик, а по мелочам от него всяк натерпишься. В старые времена из таких святые формировались. Надо сказать, он несчастнейший человек! Но довольно, светлая личность!

– Он кричит: – На почве искусства... – он имеет в виду, картину мне с собой взять... у меня щас вообще перелом – я сам чувствую – вклиняются поиски, мне щас хочется делать неумело и в то же время здорово, не в плане лоска внешнего, а в плане древних...

– ...Солженицын? Он чуть не лучше Шолохова писатель, тот хохмит, хохмит. Хорошее лицо на обложке! Его лицо, правда, рассказывает. Это лицо не из тех, кто задаётся – выскочек в смысле. Но притом, интеллигент не из интеллигентиков! И притом несломленный... у меня в этом смысле про себя лично сомнения... с годами мы просто остаёмся с этим – приходит опыт, но и приходит равнодушие. А равнодушие – это дрянное качество! Апатия во внешнем проявлении... я и всегда созерцательным был. Ну, пошёл собираться!

– ...он мне! – Гадина!!! Гадюка!!! Сволочь!!! – В трудный момент так вспоминают меня, мою судьбу – я уговорюсь с теми детьми... если разрешат, я уйду в дом инвалидов, там и не ругают, не кричат! И всё из-за того, что сыночек написал: – Мама, если узнаешь, нужны геологи, я приеду... ...ещё стаканчик, ещё!!!

– Этот город дремотно вязевый. / Пусть оглох он и пусть одрях. / Золотая дремотная Азия опочила на куполах. – А чего? Мне этот английский язык стал приносить плоды... некоторые! Хоть Николай орёт... как Юрка Зельман, хотя б один язык знать! Садизм во мне проявляется, сейчас подумал: – А почему бы Юрку маленько в армии не потренировать? – Это уже садистическая мысль. Да и не возьмут его! Он палец указательный себе топором отрубил: – «Уж я стрелять не буду!!!»... Я люблю этот город вязевый...

– Может, ещё налить?

– Нет, спасибо. Всё! Я больше не хочу... холст чистый молит меня. И внутренняя потребность выпить у Матко!

– Она всегда внутренняя! Пошли к ребятам.

– ...зачем ты сравниваешь Гогена с иконой?

– ...застарелый спор западников и славянофилов: – «...там течёт святая вода, и верующие набирают её в бутылки из под рижского пива»!

– Колоссальная вещь! Очень интересная, ничего подобного не видел в цвете, всё бледнеет!

– «Гоген не живописец!!!»!

– Может, живописец, но не колорист! Если ты в цвете чего-нибудь мыслишь... о цвете, о сгустке... ...льющееся и в смысле организованное, изнутри излучающее – энергию вибрирующую...

– «Я, правда, не знаю, но объяснить могу!!!»!!!

– ...как цвет понимать? Вот ты цвет мыслишь по-другому... у тебя цвет! Это – краска. Можно написать ярко, и можно написать кричаще ярко. И сопоставить! «Кричаще ярко» будет бледнеть – вот чем отличается красочность от колорита! Колорит не всегда означает ярко... ...чтоб зазвучал жёлтый, нужно нагнетать столько энергии в этот цвет, чтоб он не мыслился без окружающих...

– Можно абсолютно несмешанными красками?

– Нельзя современными, а естественными можно – раньше сам материал был благороден! Немножко благородства самого художника... естественные охры сами несут запах природы, смолистость, плотность – они сами по себе найдены. Когда были утеряны секреты древних, подменили цвет тоном... ...у Гущина большой культуры цвета нет, при всём уважении к старику!

– А у кого она есть? У тебя и у Матисса – это я знаю! Мудрено ты закручиваешь, трудно тебя понять!

– Почему закручиваю?

– Требуются опорные точки!

– У Гогена живопись производит впечатление, если хочешь знать моё мнение, капли впитывающей – Гущин в цвете очень разумный! Что интересный художник, это другой уже план...

– ...у Матисса в глазу не смешивается...

– ...как раз у Матисса контрастность достигается несколькими путями! Гармонирует чистый холст – между мазками оставляет холст! Это, когда начинает писать – плоскость холста мгновенно окрашивается! Где то в уголке она охристая, поток цветов контрастных везде течёт и в зависимости от соседей разное звучание приобретает – как бы испещеривает, вибрирует, вызывает звучание как бы изнутри... Матисс берёт розовый цвет и покрывает плоскость чувственно!

– Как это чувственно?

– Контакт с плоскостью... по голубой могут быть розоватые, по сути дела, разбелы, как у иконы – и вдруг зелёные начинают звучать, как эмаль! Это типа пробелов на иконе – это приём вызвать цвет через звучание другого, подкладки! ...дело не в размере. Русская икона решена плоскостно – вот такая – и цветовые звучания доведены до предела в такой маленькой иконе. Всё зависит от контакта с плоскостью.

– К примеру?

– К примеру: я могу подбирать отношения, и ты будешь! Будешь наносить на холст – одно получается – и начну я наносить. Я и ты! Будешь брать отношения и наносить за мной – получатся разные вещи. Отчего? Контакт с плоскостью! Если бы можно было исчерпывающе объяснять, не было бы надобности в искусстве! Можно объяснение искусства в словах довести до совершенства – но самого искусства там нет... в искусстве роль дымки всегда выполняло подсознание. Искусствоведы! Они всегда парят там, где и художники... добрались – им разрешили – до Гогена!!! И думают, они сами... произведение искусства должно влиять не на зрение, а на чувственное восприятие! Искусствоведы часто делают обыкновенных людей кастратами – зрителя волнует искусство оратора, а не само искусство – искусствовед не может донести понятие о линии, о цвете... Руссо напишет товарную станцию, и фондовский художник напишет – разные вещи! Важно, как пишешь!

– Так ли? Дай тебе Хрущёва писать!

– Разные вещи!!! Хрущёв как предмет... если мыслить его как книгу, окружение! Но если мыслить как багаж, с которым пересадку на станции делают...

– ...рассудочная абстракция? У Кандинского чувственная абстракция! Ты меня извини, а у Малевича – а вообще я пять Малевичей променяю за одного Шагала – Малевич очень интересен как теоретик...

– ...они издавались у нас в двадцать первом, двадцать втором – в тридцатых годах общее снижение интеллектуального уровня...

– ...катастрофическое!!! Продолжилось до наших дней! Смотри, как о Пастернаке говорят, и это университетский профессор! В том-то трагедия, что вполне искренне мог так говорить: – «Да какой-то незначительный поэтишка! Кормили, кормили его, а он отблагодарил!»...

– ...сам факт! Бездарность не может сделать «под»! Сделай «под Пастернака»!

– Скажу!!! Только другое!!! Бездарность делает «под» – оригинального, девственного ждать, это зузьки...

– ...извините меня, если личность сильно чувственная, обязательно окрасится...

– ...Шекспира читаешь в разных переводах и не ощущаешь, пока не прочтёшь Пастернака – Шекспир изменяется, бледнеет от разных переводов...

– ...поэту лучше стихи писать, чем о стихах!!! Выяснить концепцию Валентина:– «Пастернак большой, но если его глазами глядеть на Хлебникова!!!»!!! Слушайте!!! Хлебников – это современный Рублёв...

– ...Пастернак – это европеец!!! Ты сделаешь «под Матисса», а вот «под Пастернака», как ни копырься...

– ...Врубель мог «под Репина» сделать, «под Серова», но не получится у бездари!!! Что такое написать «под Пастернака» – эх, надо иметь дух и лёгкие...

– Средний человек неповторим, а вы хотите Пастернака повторить – гений не станет повторять...

– ...гений, в котором ещё не проявилось самолюбие... Хлебникову плевать, по какому он пишет!!! Он по Пушкину может...

– ...а посредственность только оригинальничает...

– ...суть в формальности – для определённой рафинированной среды?! Слушай – ты был рафинированной средой, во времена Хлебникова так тебя обзывали...

– Избитый вопрос: – Для кого пишутся стихи?

– Не для определённой установки, для человека...

– ...для лучшей элиты!!! Наш век такой не чувственный, а багаж – набрался эрудиции...

– Вы люди несовременные!

– ...вы извините меня – сейчас тяга к примитиву...

– Икона не примитивна!

– ...Гущин? Это неудачник, и нужно так его рассматривать!

– Минуточку – суть не в этом!!! У него от салонности, от эрудиции, к нему нужно искусствоведа!!! Понимать...

– «Фальк гамно, Кончаловский это бездарь самым настоящим образом!!!»!!! Вот Матко!!!

– Если бы я сказал, за кем будущее – я бы себя не назвал, из скромности!!! Ты сам меня на первое место поставил!!! – это за Валеркою Башениным, за Анатолием Чащинским...

– Потому что вы всех переживёте!

– ...мне нравятся Рубенс и Пикассо – давай я выберу десять имён!

– Я не смогу десять, я выберу сотню! Босх, Рембрандт, Брейгель, Остаде – фига! Больше я не могу найти у голландцев. Из всех французов я и Пуссена не возьму – Ван-Гога, Сезанна, Гогена и Пикассо! Из немцев никого – экспрессионисты хороши в графике. Да, обязательно Шагала!!! Теперь я выбираю из ранних испанцев – иконописные. Гойю, даже Эль Греко не буду! Из древних кого... русское народное искусство я не знаю – скульптура народная северная, пожалуй... ни греков, ни римлян – индусов я тоже, пожалуй, не знаю. Кого я выбираю только из современников – из французов Матисса и Пикассо...

– Пробросаетесь!!!

– ...а я из голландцев – в смысле живописи чистой – никого!!! Из русских икона и народное творчество – я беру украинское народное искусство, что знаю! Ранних итальянцев – до Рафаэля: Джотто, Уччелло! Боттичелли люблю как художника, но не живописца! Японцев древних – я выбираю до гравюры восемнадцатого века. Ранних китайцев. Ранних – не только персидских, среднеазиатских! ...кому я отдаю предпочтение, хочу разграничить! Чистоту – в смысле цвета я беру русских – икона!!! Линию – японцев и персов! О мощи – возьму испанцев ранних...

– ...это временно, пока Витя не подмял всех...

– ...пока я пишу, я их всех подминаю!!! ...искусство юности человеческой – наскальные... не в смысле линии – в любом плане – даже русская икона не смогла переплюнуть первые попытки...

– ...это от разума, Витя...

– ...заодно к живописи подтягиваем ансамбль!!! Древний делал интуитивно, на любой скале – а теперь, если расписывать храм, сначала утверди эскизы... ...настал век – надо делать джаз в цвете!!! Импровизация!!! Бери репродукцию и делай вещь – ты художник... термин «новое» надо убить... «Вечное»... «новое» завтра состарится!!! ...весь холст – ерунда, но два-три мазка – они из моего организма были украдены – и уже не я вор, а он вор!!!

– Ушивайтесь и приходите в гости!

7·

Квартира Ярыгина. Характеристика Николая. Дом Санникова Александра – кончил саратовское художественное училище, готовится к поступлению в Академию художеств. Николай и Валентин смотрят иллюстрации Сани к «Пиковой даме», этюды. Саня высказывает своё кредо.

– Николай суматошный! Язык – злослов! Болтун, где не надо! Сколько вокруг безразличия, Николая заслуга – пребывающих в спячке расталкивает!

– ...дай освещение вангоговское – Матко осветил бы! Брось дурака валять, чего ж ты не пишешь... вот эти три рисунка пока наиболее сильные. Вот это, считаю, может, образ сильный, но мне не нравится. Вот бы Матко их рубанул, ой, чудо б было... чего ж «хватит!». Давай, давай показывай – тут интерпретация с Матком! – чего ж ты такой завистливый... ...это ничего, безумие у тебя хорошо – и это хорошо! Постой, это какой момент?

– Она смеётся, Герман проиграл, она смеётся!!!

– Ага, чего ж не выражено... ...это ничего, мистика, жуть есть!

– Я её в цвете – я, собственно, когда рисовал – в цвете, тёплый! Горячий – если б я не чувствовал в цвете, я б не сделал никогда – я сейчас!!! – декоративные мотивы, – я принесу, они в ярком плане... чисто в серовском плане классическом, если так говорить!!!

– Вон то удачный, мокрый снег. Нет, синий мне не нравится... а вот тут ничего, эх, здорово! Но у Матко не родится такой фантазии – у него фантазия, рисунок очень скудный... Но в красках у тебя есть прозрение, а этой глиной ты себя замучил... Ну, Матко писал – а ты намазал. Ты работал – а он забавлялся.

– А я считаю всякое искусство трудом!

– Вот рисунки у тебя живые, а реализовать их в картину ты не можешь – прямо так и хочется эту мысль решать в эстамп!

– К графике меня не тянет!!!

– Тянет, не тянет – твоё в этом призвание. Пользуйся божьим даром! Искусство – это игра. Если будешь искусство потом решать – будет ремесленничество.

– А излишняя лёгкость – это фиглярство, пустота!!!

– Такие вещи надо одним духом – вот краской тоже нужно одним духом решать. Ты у Чижиковой свой натюрморт намазал сажей, никто из вас пыльного листочка не мог изобразить, а Матко – пожалуйста!

– Ну, если и Саня начнёт себя бить в грудь, говорить «Я!!!». Они приблизительно одномасштабные фигуры, но разного плана! А Санников ещё и рисует хорошо!

– Поскольку искусство это игра, не нужно лезть в чужую сферу!

– Мне всё доступно!!! Со временем убедитесь – я прямо не вижу ни одного преимущества у Матко передо мной!!! Я просто не могу позволить своей совести этим заниматься...

– Он выдохся – бледная немочь! Как Николай ни восторгается – потускнение духа! В таких условиях чего ему писать! В чём дело у него с больницей?

– Анализ кала сдать надо. Ничем ему это не грозит, ему ничего не стоит избежать неприятностей. Зачем на них лезть?

– Эх, горе сплошное! Пошли домой, Николай.

– Надо живопись чувствовать так, как этот снег – в этом вся Русь и идея, глубина вся... когда же в живописи человек русский пробудится! Если б я захотел доказать Николаю – я не могу из-за того только, чтоб убедить кого-то, и для русского вообще свойственно тяжёлое начало... у Сурикова определённый драматизм... без драматизма искусство выродится, слизняковым станет! У нас сейчас придворное искусство, оптимизм, героизм! У меня сторона такая характера, через контрасты воспринимаю – вот при всей его талантливости, его живопись мне чужда... легко, ярко, лоскутчато – не в моём плане. Потрясает русского человека чёрное на белом... А Матко! Осадок

остаётся – такое же ощущение внутреннее, как от романа Тургенева – Достоевский источник! Мне в чёрном такая большая живопись представляется... если бы яркость такая шла бы от коробейника какого – перепевы французов. Не случайно Суриков душой откликнулся на ворону, и Обломов – какая сильная натура, я считаю, по глубине такой... силу взаперти! Мне безразлично – пускай каждый организма делает свою оболочку, поперёк мне никто не перешёл! ...берёшь этот снег в руку – настолько и так же должно чувствовать зиму в цвете! – это сочетание в психологии, за пределами холста! Как редко случается, чтоб самому себе внутреннее удовольствие доставить!!! Яркость, бьющая по нервам, мне чужда – подлинная яркость заключается в остроте, интенсивности переживания! Я был бы очень рад – тот же Витька, сделай он зиму – меня потрясло, в душе повернулось, что б я сказал, а тут литературщина!!! Репродукции, открытки – избитый, переизбитый сюжет! Да ещё натура отброшена полностью – душой живопись никогда не была литературной! Эффектность во что бы то ни стало – Матко весь в этом... причём для этого самые первые попавшиеся средства!!! Яркость – это интенсивность, острота переживания – хоть в чёрно-белом, как Достоевский! Дух ущемлённости, ущербности, яйцесжатости – к нему ближе всех, кто кричит «ура!»! Он может презирать критиков, но будет спрашивать: – «Ну, как»? И будет доволен похвалой! Яркость – смех дурака на похоронах!!! Ликует, чему не известно, без причины тебе! Я свою неполноценность признаю, но отвергаю и Матко! Вроде попугайного цветка – в силу его настырной самохвальной природы производит впечатление кратчайшими средствами! Роль смычка его искусство не может служить для меня – струны души не задевает, при всём признании его способностей...

8.

Квартира Николая. Матко, Валентин, Саня. Матко пытается уничтожить свою картину, Саня заступник.

– ...просто Матко ближе к иконе, а ты, Саня, к Коровину – к Врубелю, извиняюсь! Есть просто раздел творчества: живопись и поэзия шизофреников.

– Ты, Николай, ругаешь как базарная женщина! А надо шишки поувесистее сажать друг другу!!!

– Мастерства мало – шишку набивай ему! Это школьные приёмы.

– Матко даже не заслуживает критических замечаний: вот это так твоё мнение о нём!

– Если бы он не воспринимал цвета, не мог брать его в слитке...

– Раз он принёс мазню, значит бить!

– «...мазню!!!»!!! «...бить!!!»!!! Видишь, как мастерски я отделил её от подрамника!!!

– Ну и зря ты в истерику!

– Ты видишь, как каждый сантиметр – цвет – сложный цвет!!! Надо иметь познания, чтобы критиковать – «белила, белила!!!»!!!

– Вовк, а ну отсюда!!! А то вот получишь счас от меня, творение неудачное!!!

– Написано по-суриковски...

– ...это не колористическая вещь – это традиционная тоновая!!! Здесь сложнейший тон, здесь холщовая рубаха, русская рубаха – не лён, материал, а русская эпоха – и ты возражаешь!!! Какая «мазня!!!» – эта вещь по цвету уже организована...

– До товарности не доведена! Всё это сырой материал, считается заготовкой!

– ...на чуть-чуть отношения – это цвет, видишь?!

– Ну, её так нужно смотреть.

– «Так, так!!!» О – видишь, как её смотреть надо!!!

– Ну, когда откадрирована – это хорошо! И лошадь, и огонёк. Ну, счас она лучше у тебя. Так вещь хорошая – ну, вот и оставил то, против чего никто не возражает, а чего ты сбесился против того, что самому не нравится? Здесь всё хорошо, ты сам признал!

– Ничего я не признал – ты критиковал так... мне ничего не даёт твоя критика!!!

– Выразиться не умею!

– В каком плане?

– Я чувствую фальшь, неправильность, а не могу объяснить – лексикона не хватает! Поэтому Санников, оказывается, не делает тебе замечаний, когда ты такие реакции истерические даёшь.

– Можно так закритиковать, что тронусь я!

– Ты отыграешься на лёгкой вспышке, а вокруг все пропадут!

– Саня!!! Дай открытки, что взял – суриковские...

– ...да я их забыл – не взял – оставил!!!

– Что-то Валентина тронула драма, никак не может успокоиться! Вот Валентин тоже отводил душу здесь – почему мы и пореже встречаться стали...

– ...значит, что? Крупнее дом сделать! И ещё что... крупнее дом – да...

– Чего тут много говорить – хороший этюд по цвету! Обобщить задний план...

– И я ему говорил про задний план, чего истерику устраивал!

– Снег звучит! И вообще гамма от русского – от настроения хорошего...

– Ну, товарищ Матко – у меня более зрелое творчество, а как на меня наваливаются! У меня тоже был случай – в кабинете у Анны Фёдоровны всё рвал!!!

– Как он снег взял, у него полное зрелое восприятие – он знает! – ему, может, неприятно, что ему как школьнику тычут в нос...

– ...кому ты сказал – «одни белила» – человеку, который ни разу в жизни не белил! Ты видишь, сам бог проявил чуткость – эта вещь осталась цела! Здесь всё дышит серебром! Ты видишь – на чуть-чуть – другой бы синего насовал!!! Я подготовил, а щас по этому прогуляться...

– ...хорошее месиво.

– Ну, не мог же я выразиться так квалифицированно! Ну, подожди, нахватаюсь вашей терминологии, я вам покажу...

– Вещь не окончена, но видно, что писал живописец.

– Мне безразлично, кто писал – когда дрянь, нужно негодовать – это мерзит искусство! Вот я заставил звучать в целом серебро, а ты плановость какую-то, перспективу!

– Глаз не воспитан, лексиконом не овладел! Вон одна твоя картина уже пожухла, изменила цветность свою!

– Прямо в раме попробую!

– Гущин сторонник без рамы писать – нельзя связывать цветность холста зависимостью от рамы! Рама отразит, часть цветности возьмёт на себя. Он говорит, если картина не смотрится без рамы, значит, в ней чего-то не хватает. ...бедный художник с ножницами бросается на своё произведение – главное, реагирует на слова, из-за того, что вместо «месива» сказано было «мазня»! Я, собственно, имел в виду «месиво», а сказал «мазня», ну, Саня...

– ...сижу – смеюсь! Потому что меня не касается.

– Он не совсем кверху ногами, лояльную позицию занимает!

– Ну чего мне ревновать к нему – просто это не гармонично к его холсту! Чижикова сказала, что в Саратове сколько ни глядела художников, никогда такой зимы не видала.

– Я хоть эмоционально сказал! Такой драгоценный холст и уже потрескался от удара автора!

– Тут синтез ощущений – впечатление солнечное – вблизи смотрится как солнце!!!

– ...вообще не представляю, как в таком традиционном плане сделать лучше. Только домик открыточный. И завершённости нет...

– На меня Матко – бурная реакция, а льстивые речи он принимает!

– ...дом не в этом масштабе. Простодушен!

– Ещё «С днем рождения!» подписать – мне льстит это, потому что народным искусством пахнет!

– Дипломат во всяком случае будет из Санникова тонкий – колючку преподнесёт...

– ...у меня настолько сильная интуиция, что я могу пожирать съедобное, а колючки отбрасывать!

– Вот фигурка, она по цвету, может, и приятная, но она как втыкана. Наивная, чем и отталкивает... серебро! В целом красиво звенит – красиво, чего ещё надо...

– ...те мне больше нравятся...

– ...меня не трогает!

– Как они выражаются – мне надо сидеть и молчать! Мы скоро разоблачим его творчество – всю живопись вгоним в математическую формулу...

– Витька! Копает под твой фундамент!

– Просто мне не доверяют – я не люблю критику, когда мне не доверяют... я пишу для чувства, для людей, а вы ещё хотите меня критиковать...

– ...ты говоришь: – «чуть-чуть есть» – в основном-то ничего нет! А «чуть-чуть есть»...

– Возьми в кулак и посмотри – какое серебро! Теперь закрой лошадку с огоньком – сколько поэзии!!! Я же не вру по цвету, ну, пусть это не мой этюд...

– Мне важно, чтобы ты создавал – подшефное животное!

– ...красиво, красиво – так надо писать.

9.

Квартира Валентина. Анна Григорьевна. Саня рисует. «Последние известия». Матко приносит книги. Квартира Николая. Матко, Валентин, Саня.

– ...у Николая рано или поздно – огульное захваливание или огульное охаивание!

– Сельские граждане, попросту мужички – «...топор вешай», а сами курят. «Топор вешай!» – а сами курят...

– Сашенька вдруг включился в такое полезное дело – Матко начали критиковать – теперь можно бросить курить!

– Ну, он лёг, штоль, в больницу – лёг, штоль?

– Нашла дурака... картошки объелся, пюре – меня мать от цинги спасает! Правда, Матко здорово написал?

– Правда.

– А что Колька орал?

– А что Колька понимает!

– А сам про Николая пел: – «Остро, чутко, тонко!» Это не твои ли слова, когда он тебя похвалил? Все слабости имеют – конечно, ты меня за эти слова можешь нарисовать как хочешь... я понимаю. Куда бы собраться – сидишь взаперти...

– ...я уж пюре не осилила. Ой – ух мне... ух, ух!

– Хватит там корёжить меня, уродовать без конца!

– Ладно, ладно – не покажу рисунок. Ты меня не понял, «корёжишь», сказал!

– Не разрешу рисовать!

– А я и не хочу разрешения.

– Сколько рисовал, всё даром, что ль?

– Нет, я изучал.

– Изучал! Как с театральным биноклем океан, при излишней моей скромности не позволяет сказать больше. Ты отдашь – отдашь мне этот рисунок – хорошо, даже я не ожидал!!! Это ничего... глубиной проникновения это напоминает даже мои собственные портреты – отдай, отдай – дьявольский рисунок – дьявола изобразил!!!

– Прямо поразительно, как это театральным биноклем можно охватить!

– Что ж, ты меня объял полностью?

– Что ж, ты играешь, штоль?

– Эту коварную мысль я не продумал! Когда сказал, не продумал...

– Потом и зрители тоже артистами могут быть, ты это учёл?

– ...«щепоть зёрен, щедрой дланью»...

– Наоборот, скудость!

– Я наоборот и сказал!!!

– Сегодня Витька сказал: – Знать, я Памир, на который Николаю не взобраться. Для того чтобы залезть, надо данные!

– Не видались, а как совпало гениально – я сегодня тоже с Памиром стих написал – послушай! – О, яростный мозг, напрягающий мышцы! / В какую немыслимо чёрную даль ты, / В какую ты глубь роковую стремишься, / Орёл и воробушек, мощный и жалкий! / Ты ищешь оазис в пустыне незнания, / Паря над Памирами зол и упорен! / И горд, подобрав за труды и дерзания / Щепоть, кем не ведомо, брошенных зёрен! – ...как орёл бесплоден, как воробушек собирает...

– Всё это мания величия!

– Чего?

– Чувство орла в себе...

– ...да это вообще попытка изобразить человека в диалектическом противоречии! Даже у вас в живописи – россыпь красок в воображении! Ищут – трогает, волнует ...а стишки тоже – наляпают и довольны... Признать надо мужество, правда, Сань?

– Да! Мужество воробья, а не орла – ты так хочешь сказать...

– ...вот Матко... щас ему один путь – в больницу! Это тебя мать подкармливает, Ван Гога брат поддерживал – даже Пиросмани, это у вас идол сейчас! – да ведь это ещё Тифлис... тепло, харчевня или пивнушка – напишет, его накормят, а ведь так жить! Это... а чего! – Матко мог бы до лета поработать художником-оформителем! Но у него мания величия до того развилась, что он каждый день ждёт – золотое яйцо снесёт... да и снесёт – кому нужно! Вот он с картиной носился, а теперь Николай говорит: – Краски пожухли, теперь её стало держать на стене страшно! – а из-за неё шум был, треск, гром! Вот ты! У тебя формально этот год был – подготовка к экзаменам, какой-то реализм в поступках был, а Матко на что живёт? На подачки – кто даёт...

– ...значит, стоит, раз дают...

– ...поддерживаете болезненный ажиотаж!!!

– Ничего – болезненный, талантливый человек даёт продукцию – он тратит больше, чем все остальные заботы о нём стоят! Витька прав больше, чем все мы прочие! Важно одно – он портит себя, как инструмент губит себя этими условиями – он пишет! – это всех остальных благ не стоит, Витька – это явление редкое!!!

– Для сумасшедшего дома это явление частое! Спиноза занимался философией, но жил на ремесло ювелира, а тут счастливая звезда в виде бедного Славки – ты вот его не пустишь ночевать!

– Если б у меня были такие условия, чего б я его не пустил? «Мазня»! Кому его этюды не нужны? – начальникам твоим, у которых ты работал слесарем, твои стихи тоже не нужны!

– И мазню, и не мазню некуда деть!

– Он оправдывает тем, что делает... так что нечего о Матко беспокоиться, что он голодает! Может, он и деньги от матери получит – не скажет – и правильно сделает! Всё остальное мелко, всё у нас мелко, ничтожно – всё это проходящее явление, всё это окупается!!!

– Он делает только для себя – если для себя, то все издержки должен нести вместе с обществом!

– Всякий поэт делает только для себя!!!

– И принимает шишки!!!

– Для живописца свойственна хитрость в большей мере...

– ...боюсь, только хитрость!!!

– Я не говорю, что Матко будет в будущем – может, ничего не будет – я говорю – то, что имеем...

– ...ты сам говорил: – На эффект бьёт!

– Зачем меня понукать тем, что я говорил вчера или позавчера? Я уже живу сейчас! Под впечатлением нескольких мазков я щас нахожу, что говорю истину– всё остальное было ложь!!!

– «Всё текуче, всё изменчиво»!!!

– С моим мнением не нужно считаться – я принципиально прав скорее сейчас, чем если б я думал: – Ага, я вчера так говорил – как бы не пасть в глазах других? Я считаю – тот человек принципиальный, который не боится сказать своё мнение, независимо от условий!

– Принципиальность хамелеона!!! Может, прогуляться пойдём?

– Пойдём!!!

– Щас «Последние известия» послушаете, да я и чай вскипячу! Возьмите табуреточку, садитесь.

– ...из Баку сообщают... опасность, огненный столб высотой с Эйфелеву башню. К счастью, люди не пострадали. Высота огненной гривы... два дня не выпускал штурвал... коллективы всех кукурузно-калибровочных заводов... передовой опыт обобщён в книге... выпущенная в Минске. Её автор четверть века трудится механизатором.... свыше двухсот книг и брошюр. Авторы их передовики, специалисты сельского хозяйства... сегодня в совхозе чествовали неутомимого охотника, ему сегодня исполнилось восемьдесят лет... посла Турецкой республики и имел с ним дружескую беседу... построенный с финансовой и технической помощью Советского Союза. Антиправительственные и антиамериканские выступления и забастовки... они потребовали освобождения своих товарищей, арестованных... закрыто большинство учебных учреждений. Осуждают попытки Соединённых штатов втянуть Аргентину в грязную войну... новую авантюру. Один из наёмников, приехавших в Иоганнесбург для лечения... все прибывшие наёмники прежде всего интересовались, положен ли в банке счёт... ставится цель организовать расправу... спектакль. Расстреливаются, а их трупы тут же фотографируются, фабрикуются фильмы. Наёмники Чомбе начали в целях провокации массовые расстрелы среди белого населения. Направить ряд частей бундесвера... будут обучаться на английском полигоне в соответствии с планами Бонна... пробковую кору, оливковое масло, фрукты... пучок ионов молекулярного водорода... в тайны мирного атома... электронный закройщик. Выпускает мужские сорочки из лавсановых тканей – это сейчас говорил директор фабрики. Сейчас достаточно одного оператора и этой машины...мы сейчас рассчитываем на то, что текстильщики, минуя склады и базы... Марсель Марсо говорит о том, что нынешняя его поездка в Ленинград уже третья. Приобрёл много новых хороших друзей... с мокрым снегом, местами с гололёдом. Днём четырнадцать-пятнадцать градусов мороза. Прослушайте программу вечернего радио и телевидения на сегодня...

– К кому бы сходить, испортить уют? К Чижиковой сходить!

– ...правильно я сказал и никакой у меня корысти нет! Так что Славкина женская самоотдача...

– ...ты так убедительно отстаивал свою беспринципность, что убедил: тактика и подчинение!!! Если бы не Славка при некоторой всё ж придурковатости...

– ...а это чутьё! В живописи, как и в жизни, – чувствует своё достоинство в роли пятнышка – Слава знает, как он дополнительно влияет в роли пятнышка! Разве Витька приехал бы сюда, если бы не знал, что тут есть подвал и Славка?

– До любой гадости можно дойти, оправдывая!

– Искусство всё обеляет!!!

– У тебя линия поведения сейчас слабоумного, в лучшем случае!

– Мы рассуждали как обыватели самые настоящие – дешёвые при этом!!!

– Я считаю, что такая линия поведения ничего не даёт ни Матко, ни его живописи – на дуринку рассчитывает, на дурачков...

– ...я не знаю, как бы я на его месте вёл себя – может, я дурачок!

– Да ты зачем в лоб принимаешь? Самое гуманное самим положить его в больницу – сейчас он очень болен!!!

– Я считаю, что он не менее здоров, чем я и Славка...

– ...и Славку туда надо! Матко дождётся, что ему желудок вырежут – ему нужно регулярное питание, а не случайное! Воздух надо, а не подвал! Единственный недостаток Славы – он не топит... и что снимает подвал!

– Это естественный обиход среди художников!

– Да вы бы, Саня, взяли его и пригрели!

– Если бы я был один...

– Ну, подождите меня – я сейчас!

– ...Валентин-то мой написал письмо Вовочке: – Мать плоха стала. Приезжай, а то и не увидишься! – Младший сын Вова, геолог! В отпуске приезжал, рассказывал... в тайге вышли двое на костёр... уголовники, отсидели только – он им котелок дал с картошкой! Уж они его благодарили... один другому говорит: – Ты доёдывай, а я пойду поблюю! – ...вроде и отошёл! – дочиста, так дочиста обворовали! Без всего приехал совершенно – деньжонок на дорогу занял... Вова и говорит: – Вот я и пожалел, всё подкармливал!

– Дома?

– Дома, дома... Глебычев овраг – ты думаешь, где-нибудь это разрешили, как тут? Конечно – тебе раздолье – ещё чем-нибудь наполнишь, ещё охапочки две-три притащишь – и звука не говорили, что припрёте!!! – не знаю, со всего Саратова, со всех художников или нет... это пусть занимают, комод пусть!!!

– Кончай, кончай – распалилась. Ну чего тебе надо?

– Да ведь вон чего – как хворост – не книги, а хворост...

– ...не хворост, а книги – нет, нет гибкости, как у молодёжи... а вдруг всё это нам снится? Проснёмся завтра в какой-нибудь доисторической деревне – ни радио нет, на скалах бизоны нарисованы! – Николай шаман! – Витька тоже в шаманы подался... нет, ты был бы деятелем!

– Деятелем! Каким?

– Активным! Ну что, рисовал, что ль?

– Нет, писал!

– Чувствую!!!

– Колоссальная вещь получится про Древнюю Русь... любимец Николая – это Валентин, и наоборот!!!

– Николай говорит: – У Витьки краски пожухли, раму зря купил, отвезу на работу! В сумасшедшем доме она пойдёт больше, для тех стен...

– ...я приносил ему новую картину показывать – он накричал, а Санька говорит: – Не трогай, испортишь!

– Сегодня одно, завтра другое – послезавтра третье...

– Брось, смотри – через какой-то срок меняется мнение – все остались при другом мнении!!!

– ...перемыслил то, говорит! Это, конечно, может быть, – но, если каждый раз повторяется...

– ...что значит повторяется?!

– Вчера ты говорил: – Какая тонкость восприятия у Николая!!! – А сегодня говоришь: – Николай ничего не понимает!!! – ...у Николая крайний субъективизм в оценке, стоит у вещи, а говорит то, что ему хочется в этот момент говорить – каждую вещь пишет своей рукой!!! Своё выдумывает, там вообще этого нет – толкает, своё впихивает, проталкивает...

– ...я буду не так орать ещё, если ты будешь продолжать!!!

– Плохие вы товарищи...

– ...да они говорят мне каждый день: – «Ложись, ложись!!!»!!! – а я просто не могу...

– ...ты погибнешь на днях!!! Во-первых, ты желудок погубишь окончательно, у тебя уже опущение желудка есть...

– ...мне надо две вещи пока дописать!!!

– А ты из чего заключил, что он меня любит?..

– ...я пошутил: Николай никого не любит и не ненавидит! Он говорит: – Ты взялся писать этой манерой, а ты знаешь символы? – ...его возмутила различная длина юбок! И что храм не вместился...

– ...ты её всё-таки не замазывай, пиши её!

– Саня помнит, как ты ту картину стукнул ногой...

– ...мать Николая подошла к картине, говорит: – Не нужно нам богов! Не смейся, сынок, над Матко – странный он!

– Чижиковой нравится, Голубевой нравится, Воробьёвой тоже, – Одному Николаю не нравится! Я любую критику вынесу, но говори мне по существу, – а то совершенно отвлечённо... навязывает...

– Где мои варежки?

– В голландке!

– Как там, можно в тёплых идти?.. мания величия принимает эпидемический характер... – щас тебе благо совершит тот, кто прервёт эту инерцию!!!

– Я щас не могу просто оторваться – вот плохо, что там не подсыхает... загрунтовал холсты... сыро в подвале.

– Я сам могу быть в этом положении... Ну, Николай не орал на меня? – обычный мой вопрос.

– ...ты прав – соскрёб эту вещь, новую начал!

– Я всегда прав, ты из упрямства не соглашаешься...

– ...правильно сделал, что стёр – нужно вещи творить совершенно!

– Одна из лучших вещей по цвету...

– ...подъярёмный скот!!!

– Не лезь, ты в цвете ничего не понимаешь!!! ...я, даже привязанный простынями к койке сумасшедшего дома, не сгибал головы...

– ...ты наркотиками мощную блокаду создавал, а я всё переносил – какая у меня трудная жизнь была и какая у тебя лёгкая...

– ...«жизнь моя последнее время бурна, но пустопорожня»!

10.

Квартира Чижиковой. Матко, Валентин, Саня. Ссора Матко и Ярыгина.

– ...вот у меня чего!!! В жизни не делал дешёвых холстов – мощь такая... моё состояние, как Коровин сказал: – Для меня самый счастливый день сегодня!!!

– ...Саня пришёл: – «Матко» – говорит, – «такой натюрморт» – говорит, – «написал!!!»...

– ...я его уже уничтожил – это уже жест типично гениальный...

– ...Саня говорит: – «розы на белом холсте – бросаю живопись!!!»...

– ...нет – я тебе предложил кисти поломать!!!

– ...«давай!!!»– говорит, – «бросим писать!!!»!

– Влияние Матко – вирус болезни... Саня уже отказывается от своих убеждений – прости меня – это философия публичного дома, панели!!!

– Чем я отказывался – принципиально я ни от чего не могу отказываться!!! А в других вопросах я очень принципиальный...

– ...вот я себе не знаю цены – я иду к каждому, я навязчив!!!

– Ты без бороды вообще выглядишь бесполым...

– ...правильно, это меня изнасиловала Чижикова – побрила!!! – я просто говорю, что ты виновата... но я не виню!

– «Констатация безотрадного факта не является апологией безотрадного факта».

– ...у Сани академичность...

– ...да я в Академию ещё не поступил...

– ...репродукции в книгах – сколько у нас кругом порнографии! Не обязательно учиться в Академии, чтобы испортиться! Ну как же ты говоришь, у тебя нет академичности? Сколько её в твоих работах...

– ...Санька может вещи с разных точек зрения смотреть!

– Слишком тебя уважаю, чтобы не пытаться воспитывать!!!

– Сальные волосы!!!

– А у тебя сальный язык к тому же!!! К какому разряду ты меня относишь с сальными волосами?!

– В родовых потугах ты, Саня, находишься! ...Витька говорит: – «Я воспринимаю людей так, как они меня воспринимают!»...

– ...нет, я не говорю так!!! Я чего не люблю, когда мои личные друзья начинают мне же говорить злостное...

– ...как джентльмен выискивает средство!

– Что значит выискивает? Я вижу – мою гениальность признают на второй день после моей смерти!

– Чему я завидую – это не гениальности Матко, а его уверенности...

– ...гений в себе не сомневается, а относительно к своим вещам – как мать... рождается вещь! Гений уверен в процессе творчества...

– ...больно лёгкий критерий гениальности: достаточно быть в себе уверенным!!!

– Большой гений никогда не хает... Увлекаться может даже не гением гений – что я гений, я, конечно, не отрицаю...

– Большой, малый?!

– Гений в процессе творчества!!!

– Матко один, всё остальное разрушено – подсобный материал!!! Да ты темпераментом берёшь – что ты понимаешь под гением? – дай формулировку!!! Установить критерий... в древности гений – демон! Демон может жить и в душе негениального человека – высший накал способностей!!! Знаменитость и гениальность – разные вещи...

– ...если бы Пастернак не считал себя гением, он не мог бы бороться – шага бы не сделал гений!!! «Другие по чужому следу твой путь пройдут за шагом шаг, / Но пораженья от победы ты сам не должен отличать», – для гения не существует ни пораженья, ни победы – он победитель!!!

– Я гений, Игорь Северянин, своей победой восхищён. / Я повсеградно обыкранен, я повсесердно водружён!

– И с годами, когда мне будет сорок, я то же скажу... – если бы ты подсознательно не был уверен, ты бы не жил в такой трагической ситуации!!! Одно дело гениален, другое признан, третье известен... «Гениален!!!» – жди, пока люди скажут... Мне вообще не поддержки нужно – но, насколько ты понимаешь цвет, признаёшь ты во мне живописца? За последнее время я не стал активизироваться, я легко могу сделать так, чтобы заражать, – но сейчас я достаточно созрел для себя – ты не отрицаешь во мне живопись!!! «Но быть живым! Живым и только! Живым и только до конца!» – настоящая вещь должна быть темпераментной!!!

– Вещь, написанная под ружьём!!!

– Ты создаёшь наркотиками почву для импульса, у меня – нет!!! ...темперамент из ничего не сделаешь, если его нет – может, и наверняка! – я из себя тоже буду выдавливать таким способом... щас я могу себя насиловать – будет неплохо и умно, но без темперамента... я не развиваюсь однобоко – щас я легко мог бы довести свой мазок до виртуозности!!! Вещь должна говорить о себе не с внешней стороны, а изнутри...

– ...сложный организм всякие мазилки!!!

– ...это ерунда! – это моё мнение, я – где накал!!!

– Почему это вокруг живописи всегда вращаются, вертятся, не имея ничего общего...

– ...у меня часто эмоции с логикой расходятся!!!

– У Скуратова Валентина впервые увидела в полный рост – да ещё в собственном исполнении!

– Ты на самой струне её последней сыграл – тогда, Валька, берегись, тебе готовится ловушка!!!

– На совокупление не пойдёт?

– Я очень завидую всеядным людям, но сам к ним не принадлежу... как будто я на квартире у Медникова нахожусь!

– Ну, что сегодня я букет видела: агитбригада Найхена – это надо было понять! Девочки – губы, брови крашены! – «Кол-баска! Не п...ди!» – так в рифму! Ну и девки...

– ...она тебя за миллионера принимает, хотя у тебя гроша ломаного нет в кармане!

II.

Квартира Зои Михайловны. Николай, Руфина, Вовка.

– ...Киев. Это мой город, где прошла моя юность. ...Руфина Николаевна, разрешите на Вас посмотреть ближе. Как Вова похож на Вас – но вообще мне Ваш супруг сказал, у него отношение вообще удивительное к лекарствам: – Лучше совсем ничего не принимайте! ...у меня сегодня хороший день, и вдруг сразу – понимаете? – сразу у меня адская головная боль – в горле... першит в горле, но кашля пока нет... на дворе я не чувствую запах цветов, сосны, в комнате я не чувствую чеснок – и так далее... завтра, если температура не спадёт... Я Вам вообще скажу! У меня с желудком прекрасно...

...и отец говорил: – В Ваше замужество я вмешиваться не буду! Но если Вы вздумаете выйти за врача, то я буду против, потому что врачи помощники смерти... – его и теперь помнят: Угадайко Михаила Ивановича! Когда подавали шампанское – и его вино непременно... Вы понимаете! У него была винная торговля – у нас дома стояли кувшины... – мог выпить в компании сколько угодно! Ликёры делал, такие наливки! У него был приятель Кузнецов – он художник, он привозил из Франции разные травы... был профессор Образцов...

– ...вы отодвиньтесь от окна!

– Что Вы, я сегодня снегом обтиралась, как все восемь лет в АЛЖИРЕ!

– Как можно в Алжире снегом обтираться?

– Вы не знаете?

– Она не знает!

– АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников родины... Хотела написать Хрущёву: – Позвольте, из-за двух посаженных в тюрьму алжирок такой хай! А в Акмолинске, где наша точка была двадцать шестая, нас было десять тысяч женщин, и никто хай не поднимал!!! – между прочим, Гущина знаете?

– Угу.

– И Мельникова, и Щеглова – правильно? Так вот Николай Иванович – кажется, нет, Николай Михайлович – говорил: я очень похожа на мадам Робеспьер! Когда она с пулемётом идёт расстреливать... так вот такой, по его мнению, Чижикова изобразила меня на этом портрете... ...«Так что не перекармливайтесь медикаментами! Умеренность». – И второй раз Ваш Вова сказал: – «Вы запомнили?»

– Так насобачился!!! Выражения...

– ...чудесный мальчишка, он так напоминает мне Мишу, а еще Вы не знаете, и он мне сказал, что мама окулист, а папа кожник: – «У вас бородавки есть? У нас замечательное средство!»... говорит как Миша, так же литературно изъясняется. ...скажите пожалуйста, а Кутанин ушёл сам или его ушли? ...несмотря на определённый возраст, у меня желудок каждый день в определённый час, в определённый час... завтра я не человек, Вы понимаете? Я ни кушать, ни убирать, Вы понимаете.

– И надолго это у вас?

– День, два! При этом меня постоянно преследуют мысли о самоубийстве. После седьмого

раза – к сожалению, меня никакие средства не взяли! ...в пятьдесят девятом году началось, когда я поняла, что никакая правда, никакая справедливость не восторжествовала! Двадцать лет я педагог, ученики меня любили, самообладание было у меня в характере и, повторяю, если я выжила восемь лет именно в фашистских лагерях, так это только потому, что я уверена была – это вредительство! И тогда у меня началось... и, кроме того, я думала, что ещё младший сын вернётся. Двенадцати лет его забрали, через час после меня! Он кричал: – Вы не имеете права! – У меня такое впечатление, что его в машине пристрелили, это был такой мальчик, такой мальчик! Если бы ему сказали, что его отец или мать враги народа... сообщили, его увезли восемнадцатого февраля, скоро будет годовщина! – «...я должен вам сказать! У нас такая масса жён, что мы не управлялись всех взять!» – сказал приехавший за мной, молоденький... под самое утро и машин не хватало, увезли на такси.

После реабилитации, после пятьдесят седьмого года я должна была быть в Москве – меня не пустили! То есть, как не пустили? Мне очень вежливо, корректно объяснили, что, к сожалению, Москва не резиновая: – «...у вас пенсия, чудесная квартира – это у меня чудесная квартира!» – Никаких документов не сохранилось! ...и к тридцать седьмому году, после первых выборов, я ещё участвовала и сидела среди пальм, как сейчас помню! – словом, очень торжественно! А мужа уже забрали!!! Муж собирался переходить – в кооперативе у нас было три комнаты со всеми удобствами, даже газ был! – не так, как сейчас, а с баллонами... Вы думаете, мне отдали? Это было на мужнино имя – пай записан! За восемь лет мы заплатили десять тысяч, а когда после допроса я поехала в общество, мне сказали: – «Зоя Михайловна! Пай на его имя!» – Я поехала на Лубянку, простояла весь день... следователь, сопливый мальчишка: – «...ну что ж, Олехнович! Ваш муж, по-видимому, вам не доверяет, потому что он ваше заявление не подписал!» – ...после реабилитации, что? – справедливость восторжествовала? Пересмотрели всех пайщиков, и оказалось, его в Москве нет – и никогда не жил! А в ноябре его забрали... ...никакой персональной пенсии я не получила, а ведь у меня стаж двадцать лет – документы не сохранились! Вы думаете, я против коммунистов? Я за коммунистов – только коммунистов ленинских, а не хрущевских и не сталинских...

– ...жён сторожей, жён стрелочников – зачем же брали?

– По-нашему, это называется сексоты... вообще понять это может лишь тот, кто был в лагерях... а вот почему это делалось! Не знаю – такого не было в истории! Фашисты брали евреев – они считались врагами... Уншлис, Френовская... Мы там просидели только полтора года. Потом приехала комиссия и стала – как лошадей! – зубы считать, извините, залезать во все места!!! Думали, нас освобождать! Посадили по тридцать человек на грузовики... в Карамала, севернее Акмолинска! В смешанные лагеря, к уркам, так они нас... ...в продолжение двадцати лет мы были ЧСИР – это страшно! Вы бы посмотрели, как со мной обращались, когда меня выпустили! Комаров, начальник милиции: – «Немедленно выехать в двадцать четыре часа отсюда, за сто километров от Саратова!» – Паспорта у меня не было, было удостоверение! Стоянов, в то время он был Председателем горисполкома... если б не он, давным-давно меня бы здесь не было, давным-давно! Вообще скажу прямо – до пятьдесят девятого года моему оптимизму завидовали! У нас было пятьдесят бараков и прибегали посмотреть на меня из других бараков, послушать. Когда-нибудь я почитаю Вам стихи, которые мне посвящали! Мне было сорок четыре года, когда меня забрали... мужу, оттого, что он был беженцем четырнадцатого года, ему приписали шпионаж... и всё-таки в двадцать первом году у меня конфисковали имущество, но меня не забрали! Восемнадцатого февраля ночью – один раз только меня допрашивал следователь и то, почему меня арестовали...с кем сидела? Невестка Троцкого – Рубинштейн. Ларина – тёща Бухарина. Смирнову Зою Александровну, знаменитую киноактрису – муж начальник НКВД! – обычно в пять часов вечера: – «Собирайтесь к следователю!»...

– Били, штоль?

– Господи, всё было! По ночам, Господи, это были такие крики истошные. Не каждый был Матросовым. Не все же могли быть Зоей Космодемьянской. Это не значит, что они были бесчестные люди! Им не хватало силы бесстрашия...

Мишин и Баринов, два начальника лагеря! – Не надоело на нарах валяться? – В чём дело? – Иди ко мне! У меня трое детей, мать, а жена, такая-сякая... по матушке, не захотела ехать со мной, осталась в Москве, у неё там сейчас хахаль! Жрать будешь – во! И будешь учить по-французски и музыке меня и моих детей! – И буду твоей подстилкой? – Га-га-га! Ну уж это как положено! – ...с одной стороны это трагедия, но с другой стороны! Когда нас с Верой Николаевной послали на конюшню и заведующая конюшней нам закричала: – Тра-та-та-та! – Вы меня понимаете! – Берите ярмо! Берите занозу! – друг на друга смотрим, ничего не понимаем. Так учитель бывший нам объяснил: – Это вот ярмо, налыко, заноза – это такая тяжесть адская! Так вот мы вдвоём – Пат и Паташонок – взяли ярмо и к волам, и она, и я боимся подойти... как сейчас помню!.. конец августа, чудный солнечный день! Вера Николаевна правила, а я сидела – так мы сидим и поём: – Тореадор! Смелее в бой! – потому что мы верили: не сегодня-завтра нас выпустят! А когда прошёл год – единственный случай, когда выпустили за всё время – была Мессерер: балерина вместе с мальчиком! Ему было четыре года... Прошёл другой год, третий, и всё-таки до последней минуты я верила!

...мне дали вторую категорию: компенсированный порок сердца, эритема ног. У меня был селитер, так прежде чем гнать, нужно было измерить давление. Врач, она меня до сих пор лечит, как она выразилась? – Это послеблокадная болезнь! Мужчины не переживают, а женщины более выносливые. – Так я же блокады не переживала! – Вы пережили хуже, чем блокаду! – И никакой чёрт меня не заберёт... сколько раз меня увозили на скорой помощи! Когда меня привезли первый раз к Кутанину – это после седьмого отравления! – так мы с ним ежедневно ссорились... меня продержали три месяца: – Немедленно меня выпишите! Я совершенно здорова! – Нормальный человек травиться не будет! – Если бы вы пожили, как я – мужа потеряли и сына! Это непримиримость! Непримиримость к прошлому и к настоящему...

– Неужели андаксина нет? Кодеин?

– Начинается рвота!

– А резерпин – что у вас?

– Покрываюсь сыпью!

– Мелипрамин?

– У меня начались судороги рук, ног. У меня был прекрасный желудок, а тут по четыре дня не было стула... сестра спасла: – Зоя Михайловна, вас травят! Вы не пейте, выбрасывайте вон! – Чёрным по белому написано: – При болезни печени противопоказано! И они это знали...

12.

Квартира Валентина. Анна Григорьевна. Светлана. Люся. Валентин рисует. Квартира Николая. Руфина в командировке. Валентин. Светлана. Люся. Вовка.

– ...он произведён нам на муку и горе. / И всё же: да здравствует Колька Григорьев!

– ...в собесе бы притворялась, там хоть милостыньку подают, а тут-то не к чему! – молодой человек дверь открывает: – Идите, бабушка! – я уж потом угадала: да это ж пьянчужка с нашего двора! ...взяла колбаски – два двадцать, масло – рубль сорок. Да, Света, вы чего ж не кушаете?

– Да! Я кушаю... сейчас, я кушаю...

– Ну, весь аппетит отбила! Рассуждения в пользу социально значимых рассказов на тему мелких людей начинаешь читать!

– ...не, сюжет сколочен! С таким великим трудом они там идут. А как вам понравился фильм «Пассажирка»? Чего, вам не понравился фильм?

– Понравился. Рембрандтовского стиля! Стиль Рембрандта, Достоевского!

– Операторские достижения и как раз на этом всё держится – это как «Человек идёт за солнцем»... а мы с Люсей всю дорогу спорили: мне фильм не понравился. А Валентин углядел достатки!

– Люся, вы и маслице кушайте!

– Я кушаю. Я сытый человек, вот спросите у Светы – если Валя будет такое кушать... если острое ему нельзя! А это хорошие помидоры... а в зеркале у вас, как в настоящей картине!

– Ну, оно запущено.

– Что ж, это Люся обращает внимание, если испорчено?

– Светлана! Кушайте...

– ...мы кушаем, вы мне крепкий не делайте, хорошо?

– А я почему-то поняла, что вы крепкий любите... моя дочка такой пьёт. Кушайте печеньице, кушайте... попала я в чудесные мастера таким образом! Ещё по стаканчику – а уж Люся не захотела и по второму...

– Мам! Мы сами молчим, а ты сама не даёшь слушать!

– Если уж последние известия не слушать, я уж буду отрешённая от всего...

– ...это как молитву читают: неважно, что смысл – важно, дело сделано!

– Спасибо, давайте вам помогу – в конце концов до меня это дошло!

– Валентин, линия вас слушается! Как это получается у вас...

– ...как у Матисса! Я не могу в анфас, только в профиль... вот у Кольки трудное лицо – никак его не схватишь... всё же как Матко не вспоминать? Мне его натюрморты надоедать начали, спасибо он переключился...

– А Шура как?

– Шура щас влюблён в Матко, Шура в восторге: – Мне ещё далеко до тебя!!! Как умеешь холст организовать!!! Мне ещё гаммы гонять до тебя!!!

– Он ночку не уснёт – как перешибить!

– ...они пренебрегают, вы хотите сказать, техникой старых мастеров – в современных машинах применять детали, которые уже устарели. Так они считают?

– Линии, с точки зрения современности, совершенны были у художников Возрождения?!

– Но это тоже совершенство. Они подражают византийской иконе или наскальной живописи – зачем им техника мастеров Возрождения?

– Если похоже на доисторическое, они восхищаются! Чем увлекаются, тем восторгаются! И наоборот – даже прекрасно сделана картина, совершенна линия, мастерское владение карандашом! И я вижу – они искренни!!! – но я и не хочу кричать вместе с ними...

– Все они искусству Возрождения поклоняются внутри себя.

– ...можно создать – я считаю! – выразить чувства, эмоции, идею многими средствами, а им только краски... что, Рембрандт хуже, раз он рисовал совершенно? ...дрожащая рука дикаря – так он встал только, пошатываясь, и ещё идти только начал, – у них бессюжетное и бессистемное творчество, поток сознания, не контролируемый ничем, не подчиняющийся ему самому, – куда выведет кривая...

– Ну, надо же куда-нибудь свою энергию девать, верно?

– ...верно – среди репродукций сидит и сочиняет!!!

– Это тоже хорошо.

– Влетает Колька и говорит: – Этот уголок – коровинский!!! Это уголок – матиссовский!!!

– Пока он копается в других, придёт время, в себе копаться начнёт!

– ...да вы уж переведите разговор, что ли...

– ...да что у нас, салонный разговор? – почему совершенство под запретом стало!!!

– А для чего ТО совершенство? Вы хотите сказать, что они осуждают совершенство старых мастеров...

– ...«Главное темперамент!»!!! – но почему при наличии того же темперамента дикарские ухватки?

– Это нужно иметь школу соответствующую, а у нас её нет, и на Западе нет, – она осталась в музеях только, как документ... Сейчас они увлечены иконописью! Пройдёт этот период, другой наступит – это ступени роста познания.

– «В картине рисунок может погрешить, вот цвет главное»!!! – а почему? А сами старики-то что делают...

– ...а потом ещё у нас любители оригинальничать – искусствоведы такое наплетут, наслушаешься не знаю чего! Я сам-то не знаю, какую позицию занять...

– ...да ты художник, что ли? Не знаешь, кому подражать!

– Да ну, мать. Нас окружает мир, не только питанием живём! Надо же разобраться, для себя хотя.

– Нет у нас школы, вот и все разбрелись!

– У Матко вот картина – богомать – кому она... а он пишет...

– ...гамму погонять надо – он учится! Тему материнства – почему же и не в византийских образах? Сейчас ещё и критерии запутаны, абсурдны... если раньше на библейские сюжеты писали, то теперь говорят: – Это не реализм! – Раньше этюды с натуры не писали, а теперь картины – это вроде большие этюды с натуры. Если, говорят, реализм пошёл от Курбэ – это много зависит от личности! – в чьих руках этот реализм? В руках Курбе – говорят, он был крестьянин такой, мужик такой мощный, велик его талант, а в газетах читал только, что о нём пишут, – у него элементы реальности как инкрустация в картине, одно из многих средств. А у нас только один этот элемент реальности, только одно это средство – только реалистический стиль разрешён...

– ...почему совершенные средства позором являются? Я не стою ни за реализм, ни за романтизм, ни за импрессионизм – дело не в этом! – и даже не требую от художника фотографичности, похожести – и даже не это! – почему считается смертным грехом использовать технику старых мастеров? Византийский аскетический идеал тела сформировался в условиях, когда требовала этого жизнь, – почему ЭТО совершенство теперь? Хотя глаз отказывается принимать эту кривую линию за совершенство... а иначе я отсталый! Николай щас ищет разных божков древних, и что ни страшней, тем он больше визжит от восторга как поросёнок, а они ему подхрюкивают! Ну, некоторые бывают в форме гротеска – утрированные! И какие понятия, философские категории вкладывают – если бы услышал автор, хотя он, может, и забавлялся – он бы покатился со смеху... а мне ничего сказать им нельзя...

– ...поступи в школу художников, загадывай им вопросы...

– ...все способные ребята поспорили со школой! Кого я ни слушал из молодых ребят – никто слова доброго директору художественного училища Просянкину не сказал! ...ну и чего: Гущина из училища выгнали! А часть молодёжи всё равно качнулась к нему, стала испытывать священный трепет: хуже только сделали. Ну, щас решили – пошёл собираться...

– Валь, очень это неделикатно с твоей стороны!

– Почему неделикатно?

– День-деньской сидит, не выгонишь его! Я его днём посылаю гулять, а он на меня огрызается...

– ...я читаю, не лезь...

– ...читает да валяется. А воздухом свежим нисколько не пользуется! ...начисто обворовали. И там обворовывали... а я в своей школе задержалась, председателем была профсоюза, отчёт готовила... а дома всё было постирано, приготовила так, нагладила, ну – девочка Мотя одна дома: – Чей голосок чужой услышишь, не открывай! – И из соседней комнаты услышала соседка – ну, обманула! – потом эта семья была разоблачённая, его брат и мать оказались колчаковцами, а потом ехали вместе в трамвае – на ней иголки, мои иголки – узнала. ...мама навязала вот такие носки и мне, и детям. А в соседней комнате мальчишка бегает и бегает, бегает и бегает – проснулись – ничего нет! Как не спали... – Немедленно пойдите, тут ещё не продали вещи!!! Поедем туда, по пуговицам разберётесь, время-то упустите – ...всё буквально! Со столов вещи, с комода всё ровным счётом... ...дадут карточку в диетическую столовую, силы поддержать – а её украдут! А тут как мы пережили пять-семь градусов мороза в квартире, не знаю, как мы пережили, – думали, он между нами-то замёрзнет, Вовочка-то младшенький! ...в войну воры оказались благородные, карточки остались на столе – вещи взяли! А у меня моментально почки – отекла, ослепла. Тогда приходили с обследованием: – Живы? Дети живы? – Горком помогал! Вове карточки давали, Майю прикрепили...

– ...мы вчера у Гальки были, супу наварили... самодовольный кот такой появился, мартовский – мяу, любовник! – глаза заплывшие, уголовник! Любовник производит только одно впечатление...

– ...чего?

– Больше ничего... единственный раз, когда мы были вынуждены убежать, это седьмого ноября. Ну, она была тяжело пьяна, ну это было один раз, – она не навязывает свою линию поведения! Сама ведёт себя, как хочет, и ты можешь вести себя – как хочешь. Не нравится – не ходи...

– Ключ где? А может, он в пижаме, чуть не в гимнастёрке – сказал, старая привычка!

– Всё-таки ты выдворил. Заходите!

– Спасибо.

– Я очень рада, что вы заходите!

– Ирма! Я никогда не слышала такой интонации у собаки.

– Такой армадой невозможно, она возмущена – чужие люди проходят!

– Она ждёт, когда соберутся гости в полном составе!

– ...как помешали, когда Матко колотят, – взяли да зашли!

– А чего он кричит?

– Чтоб народ стоял и слушал, став и сняв головные уборы! У него эмоциональный разряд – дальше кишки не пускают...

– ...не надо его ни хвалить, ни ругать – пусть объяснится ситуация! – он не может предвидеть, что получится, куда кривая выведет! По-моему, он, в конце концов, делом займётся...

– ...пока он дурака валяет – это вроде твоих первитиновых стихов! – он методом истощения доводит себя... Руфина письмо прислала – моделировали сумасшествие... а во Франции экспрессионистов стали от повышенного кровяного давления лечить резерпином – они стали писать нормально! Ты сам свои стихи писал в болезненном состоянии...

– Куда?

– ...чего куда – один ты такой умный...

– Я из игры вышедший... В этой картине Матко такой, какой положено... какой же рисунок тут? Рисунок у Рубенса, у Ренуара, у Дега! А тут...

– ...а тут рисунок у Матко! Ему надо теперь только утвердить себя!

– Он так и утверждает себя – как цыган дохлую лошадь...

– Ого, сколько у вас здесь зверёв!

– Зверёв! Вы кого имеете в виду? Не всегда мне даже черепахи – не всегда симпатичны. Злобная черепаха...

– Матко ищет мадонну, модель мадонны...

– ...но он не увидит...

– ....не увидит!

– Ну здесь надо, что ты называешь – уметь рисовать, мизерным даром Ренуара хотя бы обладать!!!

13.

Подвал. Матко. Николай. Валентин. Саня.

– ...ну, здесь я ничего не могу сказать – ничего не могу сказать! Торжество жизни!

– Колоссальный холст!!!

– Ты его дорабатывал?

– Ну, кое-где, я уже больше не буду!

– Зря, Николай, так лиричен Матко – это ты был в плохом настроении...

– ...не намерен распространяться до бесконечности! Послушай, чего ты наделал? Тут у тебя был такой красный цвет льющийся – тебе надо что-то с грунтом предпринять... ...ты не будешь больше его писать – кой-где тронуть...

– Я ругаться не могу, потому что я не понимаю!

– Да нет, понимаешь – холст жухнет! – положу при вас мазок... он жухнет! Но может, для этого холста и лучше – чёрт!!! – освещение какое-то у нас вообще...

– ...хорошо это сделал – скрипку убрал... Нет, так не видать... вот не знаю – да ты ещё немного поработай. А ну-ка, давай попробуй, ещё так её – поверни её! Она так бледнее, нужно это – поляризованный свет! ...вот так, молодец, нежней, по-моему, ей паха надо, лобок очень грубо обозначен. Твои предки, наверно, горшечники были... горшки ты здорово! ...вот эта нарочитость, я не согласен!

– Это при дневном свете надо тронуть!!!

– А хорошо, чего-то красиво!

– Вот нужно смотреть – в зеркало! Здорово, да – в зеркале!!!

– Единственно, что мне кажется, – правый угол пустой...

– ...когда я правую сторону допишу – цвет польётся туда...

– А красное у тебя при электрическом свете пропадает, правда, Витька?

– Да оно меня ритмично интересовало!

– Это ты правильно взял, непринуждённо... они так повторяют друг друга – а чего? – вот это здорово!!! Где её вешать только...

– ...а у тебя нельзя повесить?!

– Да нет, нельзя...

– ...это, вообще, провоцирует...

– ...вот-вот, чтобы не распускали языки! А ты многоплановый какой, вот видишь – я тебя сегодня до истерики не довожу! – восприятие в живописи мне открыл только Матко. ...с хатой зря уничтожил – такая была хорошая вещь! – Десятку за неё получить мог.

– Какая десятка?

– На краски получить мог. Ну ничего, ничего – значит, недаром я тебя ругал вчера... и такая именно многоплановость! ...здесь более витражная манера, вспоминаешь Гогена – у тебя более утончённая... слушай, здесь хорошо!!! Тут ты можешь прикладывать силы, чтобы довести до конца...

– ...что значит графичность в живописи – узко вы смотрите!!!

– Оно просто грубо!!! – это место нежное... облагородить немного. Чёрт! – вас всех Матисс перекорёжил – контурности много!

– Я учусь, мне плевать...

– Он щас гаммы гоняет!

– ...и по ритму! Здесь я решал по цвету психологически!

– Ладно, не удалось мне сегодня поругаться – ночь буду спать плохо. Зато богоматери досталось – её в шедевр превращать можно!

– Она и есть шедевр!

– Ты!!! ...ритмично, мастерство есть здесь! Вот красное пятно, оно вроде ни к чему... а ведь! – немножко отчеркнуть надо!

– Ну вот, я добиваюсь поэзии...

– Да нет, картина не поблекнет, это точка фиксации взгляда... – доведи её до картины!

– Да она доведена, Николай!

– Да ну тебя к чёртовой матери – хватит, нужно отдохнуть, – я устал!!!

– Здесь рассчитано на пожухание. Главное у него в холсте – путём больших гамм многочисленных ты добился постановки голоса... мне вот, например, надо ставить и ставить, я чувствую! Мазком владеешь, гармония у тебя от природы была, теперь работать надо – а вот пожухнет, она вообще будет хорошая... но ты поработай, не бросай! –Передай мне, по крайней мере, на время – она у меня и будет храниться лучше...

– Мне вот что нужно – мастерскую и цветные тряпки – и ассоциации... и ассоциации...

– Ну, дёшева была – зачем тебе скрипка? Тут первобытная мощь, зачем тебе этот плевок цивилизации... Да! Ты бы тракторы рисовал, тогда бы скрипка шестерёнкой смотрелась!

– Вообще я хотел похищение Европы – быка...

– ...это микенская идея – идея выражена! ...а это живой холст – если его рассматривать под первитином – это по существу уже живое существо! ...пожухнет, она как настенная живопись будет смотреться! ...чем ни больше смотришь, тем больше нравится – всё прямо в гармонии – эротизм должен в искусстве быть должен!

– Заострить на лобке?

– Ну при чём здесь лобок, Николай.

– Ну подчеркну я!

– И линия мне нравится, тут какие-то коряги переплетены – здесь динамика – глаз бегает прямо!!!

– Она ещё не кончена, вот кончу её!

– Да, вообще кончай!!!

– Я, собственно, допишу этот холст, я чувствую – простудился здесь – и ложусь в больницу! Я устал, понимаешь.

– Не загнётся, не дадим мы ему погибнуть!!!

– Послезавтра напишу тот – и фатит.

– Хорошо, молодец!!!

– Ну хорошо, чего ты, Николай...

– ...иногда не поймёшь, какая мелочь выводит из равновесия...

– ...я даже так сказал: – Тот не чувствует ритм, кто не живописец! А той, Николай, я счищу!

– Ничего – хорошо – создал джунгли... хвалить, между прочим, опаснее, чем ругать... Матко не испортишь – это вообще удивительное сочетание: послушать – трепач! – а посмотреть... ...ну ладно, пошли!

– Здесь просто есть определённое настроение, располагает, правда? Я ещё натюрморт напишу!

– Ты испишешься – если б Николай не создал такой вздрючки...

– ...а он умеет переключаться – такое разнообразие... Нет, хорошо, хорошее чувство ритма – всё переплетено, всё увязано...

– Если б у меня было тысяча холстов!

– Вить, поможешь мне загрунтовать?

– Вот давай – и я себе заделаю – у тебя сохнет!

– А это вот оранжевое пятно тебе не мешает?

– Оно не оранжевое – днём холодное наоборот!

– Смотри, какая чистая палитра, а у тебя и руки, и живопись в грязи. А он – работает и руки чистые – смотри, как аккуратен! А Санников перебуробит всё...

– ...я сел у Сани на палитру!

– Саня чем больше вымажется, тем больше имитирует настроение!

– Правильно, Николай, имитирую!!!

– Вы заметили, у меня штаны вылиняли – постирал и вылиняли! ...хлеб святыня! Я последнее время чего-то суеверный стал – это ещё я у себя дома – туристы корзину хлеба выбросили...

– Надо к Санникову нагрянуть!

– Инспекторский смотр: – К нам едет ревизор...

– ...боюсь, что Хлестаков получится, а не ревизор!!!

– Смотрю, думаю: – Я тут каждую крошку хлеба...

– Красное, искрится днём! На площадь надо, что народ скажет...

– Вы привыкли всё на площадное переводить – Витька сделает холст, а они творчески изощряются – Витька здоровье отдаёт, а Николай изощряется!

– ...вы у Вальки ни одного седого волоса – а у меня на лицо поглядеть, какие складки – видно, человек мучился... у тебя вон какое лицо гладкое, самодовольное!

– Лицо твоё злобой помято!!!

– Смотри, по ритму деревья какие – щас просто погоняю, а потом шарахну – мне бы щас тюбик белил! ...я не мыслю без бороды летом!

– Сбрить надо – вшей наберёшь!

– А почему я там наберусь?

– Случается.

– Ну тогда я не лягу – с сифилитиком там положат... если просто лежать, откармливаться – я не хочу!!! ...у меня малокровие, я это почувствовал – я буду есть что угодно, добавки просить буду! ...Саня, я тебе могу посоветовать, как писать общо! Вот фонарь пишешь – к нему всё надо подтянуть, лишь бы тёмное пятно угадать сначала и не изменять – темней, светлей, не надо! Оно само собой должно получиться – тень промежуточная – да! Но за счёт этого у Коровина не загорался фонарь – не получалась тень фиолетовая – он взял чёрной! Будто ты пишешь натуру, а холст...

– Это натура, да!!!

– Одну картину увидал: – Кисти надо поломать! – Другую: – На необитаемый остров! – там Санников чувствует себя победителем!!!

14.

Квартира Валентина. Анна Григорьевна. Слава. Приходит Матко.

– ...«Вот я и древние, мы вот как считаем!!!» – Николай не знает, как к ней относиться – то ли ругать картину, то вдруг прижмёт к себе вот так, как своё произведение! Заходит, кричит: – «Гениальная картина, она мне спать не даёт!!! До двенадцати часов она мне такой кажется, после двенадцати, когда устану, кровь шумит, контакт с ней устанавливается – вхожу в то состояние, в котором он писал: она фейерверк!!!»

– ...ах, батюшки, – ну не ешь весь день, не ешь! До такой степени излежался, до такой степени – и не поднимался... я через силу схожу, в силу необходимости и потому что... во всём виновата, во всём виновата. Он лежит, а я виновата... полежал часика полтора, да и сходил... постирала только одну рубашку, ещё полотенце – полотенец... потом ещё не стирала его нижнее бельё...

– Буду на переменку – в одних греться, в других выхожу. Тут, мам, не до домашних дел, тут внутри искусства сплетен не оберёшься! Вчера Матко заявил: – Анатолий прав, меня отлупил – прав по-своему!!! – Ну, говорю, Сань, пойдём! Я от реакционеров и от новаторов устал до невозможности... «...нет, Николай, я не могу завтра!» – гениальную картину ему надо кончить завтра!!! – «...тогда, ну, кончай – если гениальную...» – так серьёзно, без насмешки говорит и даже без шутки, юмора! «Сегодня начал, завтра я кончить должен после обеда гениальную картину»... – в истоке всей истории живописи она ляжет, эта картина будущая, вот как, Славка, дело обстоит...

– Она ничего, но ещё не вылилась!

– ...пусть не вылилась – но она будет ступенью, эта картина, смыканием всего мирового искусства, прошлого и будущего!!! Но Санька коварный – да я бы не пошёл, это меня Санька затащил, говорит, какие-то указания надо получить: – «Ну, чего целыми ватагами вваливаются, надоели все» – ну, смысл такой, или вроде такого... но гармония у них вся нарушена – у Кольки с Матко гармония вся рухнула... Матко уже пал, но Окуджава ещё стоит – незыблемая основа!!! Матко, растоптанный у подножия Окуджавы! ...а Санька хитрит, по-моему, он хвалит для своих целей: я раньше не соглашался, а смотрю – когда срывается это дело, он торжествует... – Исполнен низкого коварства, / Санёк Матко свергает с Царства! ...зайти? Пойдём! Ой, неохота – надоело, какой-то я весь отяжелевший...

– Иван Иваныч не нашёл мяса!

– Ты сообщаешь, говоришь, с каким-то внутренним наслаждением сообщаешь об этом факте. ...Как действует на меня живопись Матко – физически раздражает зрение, а больше никаких эмоций не вызывает! Пойдём!

– ...Косолапый я – у меня есть, наверно, в породе – от медведя я! ...книги мне Николай туда приносить будет – что ты говоришь? – красть будут!

– Выбрасывают в окошко, в уборную, безо всякой этой надобы!

– ...и – нет, Валентин, у меня прошла эта мания!

– Вот, на подступах к больнице, а уже расстался – а мне уж не вылечиться...

– ...ты себя постоянно считаешь гением! Как Анатолий в училище в роли мэтра – все пресмыкались перед ним на вечере – наверно, так стал! Нет, вот так: – «Великий Валерка где?!» – «Вот!!!» – «А!!! Гениальный Валерка!!! Валерка колосс!!!»

– ...что такое Пикассо? Это провод, протянутый от древних к Матко, а Матко дальше!

– Что? Не уловил мысль, а колорит верный!!!

15.

Квартира Валентина. Анна Григорьевна. Слава. «Последние известия». Квартира Николая. Матко. Валентин.

– ...через сыночка младшенького, Вовочку – это, знаете, переполненные вагоны от Крытого рынка, один раз я пришла, уж совсем умирал – перебралась! Хотя бы хлеб, хотя бы лук и всё такое, поближе к дому – а теперь назад хочу! Из того места один человек хочет уйти в центр...

– Слушай, ты чего говоришь! Иль не знаешь – так не меняют, как ты рассуждаешь!

– ...многие хотят – на самом деле, на самом деле! И в этой комнате семнадцать с половиной, и в этой семнадцать с половиной – но та тёмная, понимаете, – спальная комната, одна я была, так тут не выносила – я там спала... там и теплее, и посуше... а сейчас, конечно... а то бы сменяла, чтобы Вале свободней было! А то мной тяготится!

– Это ты тяготишься!

– Валь, ты покрой банку с водой – ведь ты не пьёшь. ...какое значение, кто где родился, рос – и это место такое тяготение к себе имеет. И у меня сейчас такое неодолимое тяготение... чтобы по этим тропинкам – покрой, покрой воду!

– Да ладно, мам, обо мне заботиться! Сдохну скорей.

– ...Я и лузгой, и дровами... и лузгой в своё время топила, всего намытарствовалась – а во время войны и какое-то другое топливо давали – и всё ж таки выжили!.. и картошечки на базаре покупала нормальной, талой, а тут замерзала – выжили! ...у меня с Валей происходят всякие неприятности – только вы не говорите уж! – ведь не знаю, Вова приедет или не приедет, но Валентин-то – он ведь мне сын, а они-то нет? – они мне дети все родные... а Вова ещё в декабре прислал письмо: – Мам, нужны геологи или нет? – тут все нужны! И топографы, и разведчики! ...Валентин курит, постоянно курит – если не будет маленькой щёлочки, будет тяжёлый воздух... ...у меня мама была прачка, но руки растирывала – и растирываю, ну руки! – я настирывала...

– Ну ты чего шумишь сама – известия!

– ...я уж молчу, прекращаю...

– ...новый поток голубого топлива позволит сберечь в год десять миллионов... увеличится на Полесье на сто километров. Строители решили сдавать их с гарантийными паспортами.... механизаторы ведут боронование и культивацию почвы... хозяйства самого южного хлопчатобумажного района... на шестьсот больше, чем в прошлом году... подробная и всесторонняя информация о возможностях Советского Союза в строительстве ядерной энергетики... общей энергетической мошностью восемьсот мегаватт... задачи этой рабочей группы... это уже начало практического сотрудничества. Совместными усилиями стран СЭВ... перспективного плана по координации усилий... это заседание Комин... было знаменательным как положившее начало... опасным для мира.

Это голос рассудка, к которому должны прислушаться инициаторы ...обеспечение мирных условий для строительства социализма и коммунизма. Любые попытки империалистических кругов нарушить эту солидарность обречены на провал ...заявил: – Будущее Соединённых Штатов и всего мира... и Джонсон сказал, что поиски путей к миру занимают в американской политике первое место... участники демонстраций протестовали против намерений правительства. У здания посольства между полицией... только применив гранаты со слезоточивым газом, полиция и солдаты... президенту Любке хорошо известно... начались крупные зимние манёвры американской армии... Пресс-конференция для советских и иностранных журналистов ...промышленной эстетики. Мир вещей и предметов, окружающих человека, должен... чтобы советские изделия были только отличного качества... они участвуют в создании новых образцов. Девочка лакомилась свежими фруктами, и вдруг ей захотелось их нарисовать... отмечены многими золотыми медалями на международных выставках. Всесоюзные соревнования горнолыжников, оспаривающих ежегодный приз «Горный эдельвейс». Елена Котова занимает первое место... при тридцати градусах мороза ветер достигал... на своих постах находились, ветер валил людей с ног. Два часа продолжалась эта схватка и, наконец, по проводам пошёл ток... морозная погода с туманами ожидается в Нижнем Поволжье и в Казахстане, очень холодно будет в Якутии. Мы передавали вечерний выпуск последних известий... и в двадцать два часа передача «Ленин и музыка»....

– ...пошлю в Казахстан сухари сыну – он там, поди, голодный сидит – геологов не снабжают!

– Всё ядом дышит! ...Санька уж сказал: – Как ветеран наполеоновский! – осталось мне повесить над кроватью генералиссимуса и умирать с последним: – «Знает Родина-Мать, знает Сталин-Отец, / Что советский боец не привык отступать!» – продайте меня Кольке, скажите: – Лежит на кровати, распевает патриотические песни и время от времени вскакивает с криком: – Да здравствует сталинизм! Пошёл собираться!

– ...ушёл в одиннадцатом-двенадцатом, а пришёл к пяти часам – знать, у Матко восхищался его искусством! ...теперь моему сыну не токмо в квартиру, а и в Саратов нельзя заявляться – кто мешал Валентину! – свою семью бросил, а теперь... Чего ж тебя два сеанса-то кино напугали, а пришёл прямо в пятом часу...

– ...чего ты контролируешь, ну, ладно! – «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин» – правда, надо сходить и русскую картину посмотреть, а то всё последнее время иностранщиной увлекаешься... «Пойдут машины в яростный поход!» – где я мог его деть! – я, наверно, и до аптеки не дойду! Потерял нитроглицерин, вот так вот – положение у меня безотрадное, пропал человек... нет, всё!!! Да туда я не кладу... ни одной нету, пустые конволюты валяются – положение у меня безотрадное! Пойдём по Вольской, там народу меньше – пойдёмте! – и я щас могу только тихонько идти.

– ...Продавца нет, щас будет.

– Всё организовали, чтоб мои нервы потрепать!!!

– ...вазочку надо переменить – нет, по форме я взял, наметил... какие уколы мне будут, скажи!

– Малые дозы инсулина, чтобы накачать тебе печень и сердце сахаром.

– Письма я буду пересылать на твой адрес, Валентин! Ну чего тебе стоит бросать письма!

– Я свои письма затаскиваю в карманах по месяцу!!!

– Скажи, Николай, я сумасшедший?

– Ну нет, ты не сумасшедший. Ты не сумасшедший, но, чтобы не сдуреть, надо отдыхать – вот Джек Лондон к сорока годам сгорел!

– Вот эту вазочку запишу – она дешёвая, эта вазочка!

– Не трогай, ты уже щас нормализуешься, ты уже критично относишься...

– ...нет, я завтра принесу вечером, в лучшем виде! У Чижиковой есть ваза древняя... я вот здесь – здесь и здесь – и вот здесь кое-где тронуть этим же цветом!!! Я почему это говорю – неужели

ты думаешь, я хочу испортить её? Я ничего не делаю, когда меня не тянет – розы я не изменю, я сейчас вазу...

– ...только ты потока этого не изменяй...

– Какого?

– ...сумасшедшего!!!

– Этот же цвет – всё вот так! Всё вот так, и вдруг строгий такой, может, ещё строже надо, по контрасту... Я на ярком свету – она не так дёшева! – она по-объёмному вырывается!

– Да, вот ритм будет, а то несколько чужое!

– Ритм будет! Вот так найден – я чувствую! – давай со стены снимай, раз уж туда будем делать!!!

– Ты не трогай, ты уж записывал...

– ...ты видел при дневном? – а голубое удивительно по цвету!!! – это займёт у меня буквально... или я щас приду, переделаю в воспалённом состоянии – сними! – и у тебя хата отдохнёт... особенно вон тут поток красивый, голубое ты видел днём?!

– Цельней, но розового много...

– ...мне нравится розовое – здесь не всё дорогой, красной! Здесь смотри – её днём нужно смотреть, розовое искрится... у вас света мало...

– Он с направлением ходит!

– Ну-ка, дай я его посмотрю...

– ...вы не прочитаете без меня. Вот как её надо смотреть – сгусток цельный, льющийся в цвете!!! – психопатия и всё, направляется Матко на лечение... знакомая врач: – «Вы меня не узнаёте? Помните, я вас стулом убить хотел? – вы мне тогда: – Мы вас переделаем! – А почему я не могу вас переделать?» – ...вот я на Алтынке, а там – Валентин, там Николай...

– Ну, когда ты планируешь в основном?

– В понедельник. Да! Свет нужен – днём картина по-другому смотрится... А смотри, Валентин, Николай её хочет в сумасшедший дом, в качестве иллюстрации...

– Ну, мне она не сумасшедшая – просто посредственная картина.

– ...ну, посредственная!!!

– С моей точки зрения, с моей – грубо, вызывающе – с моей точки зрения, резко – ну вот сегодня ты сделал гениально!!! Николаю сказал однажды: – Я сделал гениальное стихотворение «Египтянку» – а он говорит: – Надо тело египтянки, а голову Вальки! – ...и понёс: – Дрянь! – а теперь Николай говорит: картина Витьки дрянь, а после двенадцати!!! Фейерверк!!! – «Ты писал – я смотрю, в состояние вхожу и контакт с тобой наступает – с ума схожу!!!»

16.

Квартира Чижиковой. Матко. Валентин. Саня.

– ...Скуратов может себя вести, это Медников – я Скуратову говорю: – Ты зря себя компрометируешь, с ним ходишь – это хулиган!!! – ходит на воле, хоть бы пятнадцать суток ему дали... ногой в дверь и мат по лестнице – Лёшки не было, а то бы он ему голову свернул – хулиган просто и хулиган!!!

– Слушай, Валентин, проверь мои письма к девчонке – проверь, а?

– А чего проверять-то, в смысле чего?

– Грамотность! Я просто пишу то, что я...

– ...что ты чувствуешь – то ты в цвете, а то ты в графомании!

– У меня уйма там – сто ошибок...

– Ну, тепло там у вас в подвале?

– Теплей – тепло трудно сказать – дым и туман идёт, как топить начали... ну, не мог, Валентин, ошибки исправлять – шесть писем писал! После тебя я ещё прибирал в комнате и письма писал.

– Я долго торчал, помог создать великое произведение – потому что я в качестве действующего лица там!

– Вот какой у меня почерк для любимой девушки – что, плохой?

– Да нет, обычный – как у всех великих людей... «Шаман и Венера» – это надо!!! – любимой девушке – Хлебникова!

– Я здесь вообще разошёлся – «Запах твоих волос ощущая» – это звучит! Ну, она мне написала – пиши мне больше о любви...

– ...а ты правда влюбился, или просто решил?

– Нет, я совершенно твёрдо – ну, матери можно не проверять письма, но ей надо – она ничего не скажет, она примет просто за мою гениальность – шучу! Я письма Эйнштейна читал – уйма ошибок – у Прокофьева какие-то странные ошибки...

– Где ты хорош– это признак гениальности, где нехорош – там тоже!!!

– Да я шучу – это принцип дикаря! Шучу – щас я устал...

– «Ухо-дит в злой ту-ман, ту-ман, ту-ма-ан» – гениальный Окуджава, правда?

– ...да – некоторым он не нравится, но они его поют... запятые я это, не ставлю! Запятые я ставлю творчески!

– На, держи!

– Ну как, вообще письмо ничего?

– Запятые по вкусу ставь! С точки зрения формальной грамотности Лев Александрович больше моего разбирается – но боюсь – мощные, живые обороты твоей души... боюсь, он их сократит!!! ...как Карамазов, Витя крест собирается нести – ты там привет им передавай всем! ... ну, прочти это вслух: – Наточка! Просто в конце письма ставлю бесчисленное количество точек, запятых – проставь их по своему разумению и вкусу!

– Зачем, где это – так...

– Коллективное сочинение писем любимой Матко! Я не могу читать – литературные обороты режут глаза, как вам картины! Короче, энергичней, – закручиваешь сложносочинённые...

– ...в каком плане сложно? Слушай! Простые люди не пишут коротко и ясно... мать получит и пишет: – Чего ты так мало пишешь... и это, и загадочно. ...ты извини, дорогой, это не самоцель, чтобы главное: гениальность – у меня творческое отношение! У меня там Нелька ещё будет читать, племянница у матери...

– Писали бы, как слышат – Маяковский предлагал – ну, любимой он писал грамотно! Ну Ляля Брик – это не то что захолустная мещаночка – лезли женщины играть в гениальность!

– Мне плевать – захолустная там или мещаночка! ...я буду в таком плане – после выхода из больницы буду как ребёнок: я сделаю колоссальные вещи – колоссальные – разучусь рисовать!

– Он невменяемый – не о чём просто говорить – чтобы разучиться, надо уметь!!!

– ...Идея – где-нибудь в «Художественном фонде» устроиться сторожем!

– Прожектёрство!

– Иногда приходить в «Фонд» и критиковать их методически! В одно время ко мне заходят – шедевры!!! – они скажут: – У нас перенял...

– Наоборот: позвонят в психоприёмник!

– Как Санька решат – кисти поломать надо...

– Наоборот – я их вымыл!!!

– «Обращайтесь в мастерскую Матко!» – дают адрес сумасшедшего дома... Санька приходит: – Вить, пусти! – Иди в районную поликлинику, направление проси! – Валентин приходит: – Пиши мой портрет, ты стал знаменит! – Нет!!! – Галя принесёт мешок с сухарями: – Нет, пойдём в ресторан!!! – В «Художественный фонд» придёшь, никто не скажет: – Сбрей бороду! – все скажут: – Она к лицу! – ...Над моей могилой Санька: – Он от нас ушёл! – тут Николай из толпы: – Ты всегда был двуликим!!! – На похоронах Николая будет мучить вопрос – неправильный диагноз поставил?.. нет!!! Он скажет: – Этого следовало ожидать! – А Матко лежит, притаился, но он не просто умер – он выслушивает речи! Если Саня умрёт, Николай на могиле у Сани: – Как я много потерял!!! Только ты мог написать вещь в реалистической манере!

– Самое интересное – когда вся эта компания очутится за городом в сумасшедшем доме – из него все врачи убегут... Дай руку – неважно, какую! – слушай! Вся твоя жизнь пройдёт за городом...

– Ты не разыгрывай, говори серьёзно!

– Протянешь лет пять, но конец у тебя будет смелый – у тебя раздвоение личности!

– Да это я знаю, мне это неинтересно!

– Ребята, пардон! Я не ту руку гадала – ты будешь жить долго, но у тебя – молния! А после вся жизнь пройдёт в тумане...

– ...а я-то думаю: – почему мне не сказали, что я гений? – сижу и молчу!

– Ты раздвоенная личность...

– ...я знаю!

– Физически протянешь долго – нет, Вить, знаешь что? – у тебя гениальность обрывается на каком-то этапе, а жить ты будешь хорошо, нормально – страшно ломаная жизнь... да, странная у тебя...

– Я ж говорил тебе: – у меня странная!

– ...Хотите, разоблачу, кто разумом живёт, кто сердцем? Саня, у тебя превалирует разум, он гораздо глубже, чем чувства!

– Я согласен с этим!!!

– Это уже не от древних идёт!

– Чего?!

– Когда разумом управляется чувство – у Витьки интереснее рука! Я хочу вот чего уточнить – а Санька вообще бессердечная чурка!

– ...Ум разносторонний у Славы, но неглубокий... у тебя равномерно – ничего не преобладает и не захватывает! Вот линия ума, линия сердца, жизни – от глубины линии зависит – и видишь, она многолинейная.

– Мне приходится вести себя разумно – независимо от творчества...

– Слушайте – у меня их больше!!!

– Валентин, у тебя их много, но что толку – линия сердца сглажена! Вообще её нет! Вот посмотри, она какая ломаная – и ты останешься, независимо от чувства! Да вот – чувство, ум...

– Вот ум? А вот это пересекает – что за линия?

– Вот как раз она помешает достичь тебе то, чего достигнуть предназначено!

– ...а мне плевать, чем я кончу – суть не в этом – у меня чувственная линия глубокая!!! ...в каком плане – линия образуется соответственно жизни...

– Валька самый безнадёжный из всех!

– Да он поэт!

– Чем объяснить вот эти все такие линии?

– Когда знаешь человека – это мешает!

– ...а я скажу вот чего: это, может, и важные приметы, но неверные! Это чепуха!!!

– А я согласен, что не дойду этим путём – вот уеду и буду горшки расписывать! ...При всей разнице темпераментов у нас с Валентином общее: не считаться ни с чем – с одной стороны, зависеть от общества, от оценок! Я, может, болезненно прислушиваться буду – я могу обидеться на людей, не посчитаться с их мнениями, а спрашивать буду...

– А корифея можешь не послушать!

– ...наглядный пример – кино «Иван Грозный»: отрок сутуловатый, на трон возводят. Он выходит: – Вот так отныне я буду править Русским государством! – Боярин кричит: – Ливония не признает!!! – Мужик сидит: – Сильный будешь, признают!!! – Валентин может ошибаться, ошибаться без разума – его объективность я не буду гарантировать! Все есть люди! – но если переметнётся в иную веру, он будет бездарнее любой бездарности!!! ...чувство – оно противится! Разум повелевает: – «Это пятно здесь не нужно!» – заставляю себя! Соскабливаю тысячу раз – когда есть темперамент у художника, это не опасно!!!

– Ну, как твоя Богоматерь?

– Бесподобно – днём она бесподобно смотрится!!!
– Ну, одевайтесь, чего ж.

17.
Квартира Зои Михайловны. Николай Андреевич.

– ...Александр Иванович был главным управляющим имений графа Черткова и, несмотря на это, когда он приехал в Киев после революции, ему предложили очень большое положение... Казимир Станиславович – папа! Инфаркт – полгода умирал, в двадцать первом году ему было двадцать восемь лет. ...Диурский, мой второй муж – он был поляк, беженец! Был расстрелян! ...да – но позвольте! – в данном случае это не Сталин, это в двадцать первом году!

– За что?

– Поляк, директор кондитерской фабрики – сказали, что он состоял в переписке с графом Глинским, – в девятнадцатом году его перевели на Щедровский завод, который принадлежал графу Глинскому. Вы представляете? – его расстреливал Заковский, а в тридцать седьмом году Заковский подписал приговор моему третьему мужу... А Олехнович был на пятнадцать лет старше меня...

– А его за что?

– ...откуда я знаю? Сказали – враг народа, а когда меня реабилитировали в пятьдесят седьмом году – отменяется за отсутствием состава преступления! ...У меня двадцатипятилетний стаж педагогической работы, а пенсию я не получаю – за сына только! – а мужа вообще не оказалось, документов не оказалось! ...бабушка, здесь она уже солдатка, а бывшая графиня Развадовская... если рассказать мою жизнь! – мне говорят: – Зоя Михайловна, пишите мемуары.

– Не везёт вам!

– Не везёт. И на старости лет остаться в незнакомом городе – одна! ...Вова очень талантливый, получил диплом с отличием – получил назначение в Ленинград, по месту рождения, а тут началась война! Он попал в Саратов – в сорок четвёртом году... любовь с первого взгляда – в сорок пятом разошлись! Осталась дочка! В этом году ей двадцать один год – один раз была у меня! Почему она не явилась больше, не знаю, но что хуже всего – вылитый отец, а мать Ольга Ивановна – Мессалина двадцатого века, как я её называла – и вдруг в прошлом году входит, были занятия баянистов – стук в дверь, входит высокая женщина: – Вы меня не узнаёте? – Нет. – Я Таня Зайчикова. – Позвольте, Вы моя внучка!!! Стало быть, Вы Торчинская!!! – А это как вам будет угодно!!! – Мне так только угодно!!! Раздевайтесь... – Нет, нет!!! Мы на минутку! Знакомьтесь, моя подруга – врач ухо-горло-нос. – Посидели полчаса, и с тех пор не являлась – зачем являлась, не знаю! Её бабка вдова профессора Беляева – знаменитый окулист! Старые саратовцы помнят – скандальная история! – профессор затягивал болезнь, делал здоровых больными! Больных лечил за яйца, за мясо... так у него конфисковали дачу – тогда она оценивалась в триста тысяч, теперь там дача художников – в Пристанном вы не бывали? – а он умер, этот Беляев! За месяц до рождения дочки Вовы – от рака печени, притом умер за два с половиной месяца! То есть болел давно, но лёг только на два с половиной месяца... Уехал Вова на Литяжевку – тоже дача – вернулся! Сначала бабушка его не пустила: – Володя, мне Люша запретила тебя пускать в дом! – ...я решила, что у бабушки очередной приступ!.. – Бабушка, это я, Володя! – Ну что ж! – Что ж, нам в свой дом идти через милицию? – ... – Кто тебя пустил? – ..это любящая жена! Притом не было никаких ссор!.. – Я к себе домой! – Ты бациллоноситель, вот Бог, а вот порог!!! – ...Вы этот особняк знаете: угол Дзержинского и Горького, особняк Беляева...

– Настроено.

– ...если Вы коренной саратовец – с ним связана страшная драма! – дочка тринадцати лет – не понимаю, как можно удавиться на кровати, висит и записка: – Меня изнасиловал отчим, теперь я в положении, не могу этого пережить! – так мать, она врач! У неё всякие снадобья – тут же выпила

яд... и когда он явился, в доме было два покойника... и его даже не судили, а вскоре он женился на её сестре!!!

– Вы пенсию за кого получаете?

– За сына – хотя бы я могла получать за мужа и за себя! ...Вы не знаете моего сына, Вы не знаете Вову – это был интеллигент с ног до головы, он отдал всё!!!

– Но барахло-то это не ему принадлежало, а вам – как же он мог распоряжаться?

– Вещей не было, Вы понимаете – вещей не было! Одна ваза уцелела – так потому, вероятно, что она была именная: Диурскому преподнесли рабочие... чемоданы? Да – там были вещи!!! – так что? Я могла трепать его имя по судам?! – и скажите, кто бы мне их отдал? ...Она уехала, продала здесь дачу в Литяжевке и живёт в Гаграх – со вторым мужем у неё был скандальный развод! Муж настоял – сына ей не отдали!!! – так она сочла невозможным оставаться в Харькове и уехала – в Гагры! – ей теперь сорок пять лет, у неё шестой муж! Так я её называю Мессалиной двадцатого века! Так на её век хватит дураков!

– Трезвая бабёнка, значит.

– О да – здесь её все знают!!! Мнение такое: – Женщина!!! ...это между прочим. А вот – наша дача под Киевом! Мишуня, которого забрали в детский дом!

– А потом?

– А потом сказали, что он сбежал! – всюду справки наводили, даже за границей...

– Трагедия какая, здоровый мальчик!

– ...сейчас бы ему было сорок лет! ...Я думала, что я попала в хоромы после АЛЖИРА – и дети там были! – очаровательный Азарчик! Та знаменитая Мессерер, через год за ней приехала сестра и забрала их – это только оттого, что Семёнова её подруга! Вместе танцевали, сестра, братья, вместе были на сцене – любовница Молотова! Единственный случай! ...Это многие стали поэтами, художниками, рассказчиками – всё переменилось! Люся шла и за брата – я-то только за мужа! – она была лётчик. И муж был лётчик. А там она была поливальщицей – там исключительно были полевые работы, за пятнадцать километров от лагеря... – Надо мной раскалённый шатёр Казахстана. / Бесконечное небо пылится вдали / ... Нам не верит страна, что же делать, мой милый? / Как сказать ей о том, что мы сердцем чисты! – ...так барак из трёхсот человек – редко кто не плакал!!! Мне поручали читать... Вера Николаевна, поэтесса ленинградская. Сказали: – Забудьте, что видели и где были! – такое было назидание! ...Кудрявцева – агроном! После восьми лет осталась там на работу – её очень ценили! ...Нас приравняли к бытовикам и дали эти – паспорта ЧеСэИР без ограничений... ...Я слышала, Виктор у Вас?

– Не приспосабливается в должной мере к среде.

ХАРЬКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ШИРЕ

С соредакторами литературного журнала «©оюз Писателей» Андреем Краснящих и Юрием Цаплиным беседует Юрий Соломко

Ю. С. **В 2000-м году в Харькове выходит первый, еще совсем тоненький номер литературного журнала «©П» («©оюз Писателей»). Ни финансов, ни команды специалистов, ни многих необходимых навыков для выпуска журнала. Начинаете вы, насколько мне известно, с самиздата в чистом виде. Авантюра, которая удалась?**

Ю. Ц. Если понимать под авантюрой «рискованное и сомнительное дело, предпринятое в расчёте на случайный успех», то пожалуй. Хотя тоже мне риск... С другой стороны, понятно, что выпускать один-два раза в год литературный альманах (которым, по совести, «©П» является) можно и без команды специалистов. А с третьей, нас всегда было не меньше, чем трое: Константин Беляев, Андрей Краснящих, номера с седьмого подключились (подключались) технический редактор Тамара Бельская, верстальщик Михаил Либин, издатель Константин Мациевский...

А. К. И главное, что значит «удалась»?

Ю. Ц. Вот именно. Что-то, спасибо авторам, получается; что-то нет – и сами (мы) виноваты.

А. К. Нет, я о другом. В смысле денег – затея, конечно, провальная. Да и не было цели обогащаться. Была цель приложить себя. Приложили к тому, что было интересно, притягивало. Опыта не было никакого. Удалось ли собрать и представить городу и миру современную харьковскую русскоязычную литературу (а с девятого номера уже и – билингвой – украиноязычную) – думаю, да. Конечно, не всю: где-то в Харькове сидит гений и пишет, и плевать он хотел на наш журнал и на возможность опубликоваться вообще, и правильно делает. Но большей частью, я бы даже сказал – значительной частью, – да. И – тут, конечно, я становлюсь на опасную дорожку самовосхваления...

Ю. Ц. Я бы сказал, ты по ней уже бежишь...

А. К. ...но смотрите сами: в 2001-м в «Знамени» напечатан очерк Станислава Минакова «Харьков: признаки жизни»; через девять лет, в 2010-м, Олег Юрьев публикует в «Новой камере хранения» статью...

Ю. Ц. Заметку в блоге!

А. К. ...«Харьков как столица русской литературы», названия говорят за себя. Наверно, что-то удалось.

Ю. С. **Журнал, слава богу, никакого отношения к официальной инстанции Союза писателей не имеет. Но называется именно «Союз писателей». Прямо рейдерство какое-то... Литературное. Прокомментируйте, пожалуйста.**

Ю. Ц. Всё-таки не «Союз...», – «©оюз». Инстанция же, о которой вы, должно быть, говорите, называется «Національна спілка письменників України» (а есть ещё, задаём поиск в Интерне-

те, «Союз русских писателей Харьковской области „Сиверко“», «...в 1993 году незабвенные Олег Бишарев, Александр Довбань вместе с друзьями после поездки в Москву к Сергею Михалкову, Юрию Бондареву, Расулу Гамзатову сумели организовать новый украинский Межрегиональный союз писателей», и даже «Харьковское творческое объединение „Маринист“ Всеукраинского союза писателей-маринистов» под руководством капитана 1 ранга В. Пелевина – их как, тоже считаем «официальными»?). Так что никакого рейдерства.

А. К. Ну, есть много чего, если брать шире. Есть даже Харьковское отделение Союза писателей России, издающее свой литературный журнал «Славянин», дизайном обложки – один в один «Наш современник», да и содержанием тоже. (Мы – украинский русскоязычный журнал; «Славянин» – российский русскоязычный.)

Ю. Ц. В общем, название как название (нашему соредактору Константину Беляеву оно, помнится, не нравилось), бывают и лучше, – но не в названии дело. Смысл его, мне кажется, понятен, – хотя и даёт некоторый сбой, когда мы публикуем мемуары...

А. К. То есть, по твоему мнению, главное в словарной статье не слева, а справа?

Ю. Ц. Ты просто таки вынуждаешь меня ответить, что главное посередине, в зазоре между означающим и означаемым, но так мы далеко не уйдём.

А. К. Родной дискурс трёпа на полях! В первых номерах мы так могли по нескольку страниц пререкаться. Сейчас – редко и коротко: борзости, что ли, поубавилось. В общем, конечно, это был пинок, знак копирайта не отмазка. Но пинок не ради пинка (хотя и пинок ради пинка – нормально), а... А какой он должен быть – теперь Союз писателей? Может, таким – виртуальным, неформальным, без имущества, собственного помещения для собраний, свободным, а? Так что не всё так с названьем несерьёзно. И к слову, за это время многое поменялось, и Спілка уже не та, что несколько лет назад, особенно после того, как её секретарём стал Ростислав Мельников. Два кондовых, громких, нескромных (Юрий Владимирович, кто говорил, что слово «поэт», «поэ-э-э-эт» напоминает ему рвотный рефлекс, – Вадим Волков?), дискредитировавших себя слова, вызывающих у нормальных людей отвращение, в названии... и публиковать в таком журнале (ладно, стремиться публиковать) самое лучшее, то, что (ох сейчас и скажу) когда-нибудь станет классикой, или будет восприниматься как выражение эпохи, собрать всё вместе под одной обложкой (каждый номер – срез времени), – двойная наглость, да? Но Юра прав, название непринципиально, мы и сами не так часто его произносим, чаще просто «ЭсПэ», на обложке логотип – «©П», а «СП» – это и «совместное предприятие», и – что там ещё? – «свод правил», «спрос-предложение», «свежая программа», «Северный полюс», «санитарные потери» – в принципе, всё подходит. Ну а надоест, или совсем сотрётся (вот где-то в Новокузнецке появился журнал «Союз писателей», жутко графоманский), или ещё что (когда какой-нибудь спонсор возьмёт и зарегистрирует на себя, и отберёт), легко можно переполовинить, оставить просто «Писателей». «Писателей» – тоже нормально.

Ю. С. **Журнал, с одной стороны, региональный и украинский, с другой – тексты журнала, а значит и он сам, часть русскоязычного литературного пространства, с третьей – он одна из площадок взаимодействия украинской и русской литературы. Географический аспект – нахождение «редакторского стола» русскоязычного журнала за пределами России, ваши ощущения по этому поводу, оценка влияния этого аспекта на судьбу журнала?**

Ю. Ц. Наши ощущения по этому поводу просты: нам нравится, что в Харькове пишут и читают стихи и прозу и по-русски, и по-украински. Теоретически, а порой и практически, это позволяет

нам здесь видеть, а значит понимать литературу и её жизнь литературы чуть шире (стереоскопичней), чем мы, возможно, видели и понимали бы их в моноязычной литературной среде. Нравится собирать русскоязычный литературный журнал за пределами России и с особым вниманием относиться к таким же, как журнал и мы, «запредельным» авторам, делая их работу, хочется верить, несколько более востребованной и заметной. Устроенная таким образом «региональность», мне кажется, не перестаёт быть важной даже во времена Интернета (хотя есть на этот счёт и другие мнения).

А. К. По идее, тут как? Или русскоязычная харьковская – часть, одно из крыльев украинской литературы (ну как франкофонная в Канаде) и будет жить долго, но полуассимилируется – скажем, тематически, поэтикально – в украинской, сохранится, но вольётся; или такое же внутренне изолированное и недолговременное явление, как пражская немецкоязычная, и так же через какое-то время умрёт. Проблема вот в чём: я не могу с ходу назвать ни одного франкофонного писателя Канады, а немецкоязычных пражан знает и школьник: Кафку, Майринка, Перуца, Макса Брода. А может, есть и третий, и четвёртый, и пятый вариант (расцвет, допустим, литературы на суржике, суржик становится литературным языком; или – совсем уж футуризм – все харьковские русскоязычные писатели снялись с места и переехали в Курск). Это я отвечаю на ваш вопрос о судьбе журнала. Журнал – литературный и будет зависеть от того, какой будет харьковская словесность, как и на каком языке она будет писать. Пока он поддерживает собой, в себе, русскоязычную литературу, даёт возможность ей показать себя, сформировать, развиться во что-то, – но во что она разовьётся, зависит не только от него и от неё. В идеале, чем дольше харьковская русскоязычная будет находиться в равноудалённом положении и от Киева, и от Москвы (грубо говоря, будет не нужна никому, кроме себя самой), тем будет лучше для неё – она успеет как следует сформироваться как явление: что-то самостоятельное, оригинальное и жутко интересное. Хотя может, она и уже сформировалась, и ей теперь не страшны ни Киев, ни Москва, она черпает из себя и не оглядывается в поисках помощи по сторонам.

Ю. Ц. Нью-Васюки?

А. К. New Dergachi – как написали к Евро-2012 на вывеске одной из харьковских пригородных станций.

Ю. Ц. Так вот, о других мнениях. Константин Александрович Беляев, соредактор «©П» №№ 1–13, всегда был сторонником «журнала вообще», то есть собирания лучших текстов и авторов вне всяких географических уклонов. И находил наши с Андреем идеи о приоритетном (и, что таить, поблажливом) внимании к:

а) харьковским и экс-харьковским авторам,

б) пишущим по-русски писателям Украины,

в) авторам из «русского Зарубежья» –

как минимум устаревшими и необоснованными. Не исключено, что будущее (если у проекта оно есть) подтвердит именно Костину правоту.

А. К. Дудки. «Журналов вообще» – много, и не изжили ли они себя? Похоже, да. А вот показать («сделать») харьковскую литературу, и есть же что делать, не пузырь же выдуваем, – это... В эпоху глобализации (пардон) приобретает ценность как раз локальное, специфическое, необщее, тогда как глобальное сглаживается и уравнивается. Ну чем отличается журнал «УХ» от журнала «ХУ» – составом авторов? Так они и там и там. Есть ещё идеологический момент, но он, мне кажется, всё меньше и меньше играет роль. Нет, я понимаю К. Б., он боится, что зациклившись на Харькове, мы неминуемо понизим планку. Да, так о планке, о харьковской литературе. Практика показывает, что страхи напрасны, что хуже она не становится, не исчерпывает себя, наоборот,

и резервы какие-то обнаруживаются, и новое, хорошее появляется. А во-вторых, харьковская литература для нас ядро (от половины до двух третей номера), а вокруг – литература украинская русскоязычная, и оттуда тоже постоянный приток авторов: «©П» же одновременно и харьковский, и всеукраинский. Плюс интересные, важные для нас – в смысле поэтики, а не те, что на слуху, – русскоязычные авторы откуда угодно. Из этих трёх сегментов и складывается состав авторов номера, их количественное соотношение может меняться.

Ю. С. **Раз уж мы говорим о «географии», кажется, географический аспект существен и в случае с созданным и проводимым вами международным фестивалем журналов и издательств «Окна роста». Расскажите, пожалуйста, о фестивале, его целях и задачах.**

А. К. Это проект Константина Михайловича (Мациевского), мы в нём просто участники, как все. Лично мне бы хотелось в рамках следующего фестиваля, если он будет, сделать вечер «Ночь мёртвых журналов» – пригласить Левкина с «Родником» и «Даугавой», ребят из журнала «НАШ» – Макса Шевцова и Игоря Николаенко; Сергея Соловьёва с «Фигурами речи», Максима Бородина со «Стыхом», Сергея Шаталова из Донецка, издававшего «Многоточие»... кого ещё? И самим поучаствовать.

Ю. С. **В качестве мёртвого?**

А. К. Ну да. Лавочка же регулярно, после выхода каждого номера, закрывается – и потом опять открывается. Когда перестаёт тошнить. Нет, тексты хорошие, замечательные – но передоз, переед. Нельзя так килограммами, тоннами литературу потреблять, она для того, чтобы читать медленно, для удовольствия, для себя. А тут по пять раз: ознакомительное чтение, вычитка, редактура, вёрстка, снова правка, последняя правка, самая последняя правка, ещё одна. От своих же текстов тошнит, да? – когда из них выходишь; вот и те, что публикуешь в журнале, становятся своими. Как будто сам их написал.

Ю. С. **«Окна роста» проводились дважды: в июле 2008-го и январе 2010-го. В 2010-м фестиваль, на мой взгляд, по многим аспектам заметно добавил. Андрей, раз у вас есть такая любопытная идея проекта и надежды на его реализацию в рамках фестиваля, видимо, что-то знаете... Мациевский планирует третьи «Окна роста»?**

А. К. Спасибо, что вернули к вопросу. Насколько я знаю, планирует, во всяком случае, Константин Михайлович этого очень хочет. Но денег нет, не хватает даже на выпуск журнала, он как издатель выкладывает свои.

Ю. С. **Возвращаясь к разговору о журнале. Что изменилось для «©П» с момента, когда его начали выкладывать в сети? Когда «©П» оказался на сайте «Журнальный зал», представляющем деятельность русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом?**

Ю. Ц. Сайт у проекта: – да, на бесплатном хостинге – появился вскоре после выхода первого номера. Что изменилось... Нас стали читать там, где раньше не могли, – а поскольку читатель современной литературы – нередко её же и писатель, то и присылать тексты нам стали оттуда, откуда не присылали раньше (вначале, понятно, ниоткуда не присылали): так мы познакомились со многими отличными авторами. Скажем, с прозаиками Александром Мильштейном, Виталием Ченским, переводчиком Петром Молчановым, поэтом Максимом Бородиным...

А. К. Ты – об изначальном сайте. А с «ЖЗ» – когда мы туда вошли? в 2010-м? – у нас стало в разы больше хороших читателей (это видно по постам, перепостам и ссылкам). Вообще «ЖЗ» –

это такая по-хорошему понтовая штука, закрытый клуб, который многие воспринимают как знак качества, и репутацию журнала это очень подняло, из любопытного, но маргинального явления он стал... ну, признанным, вошедшим в круг избранных, что ли, современная харьковская литература стала признанной. Оценённой. Ценимой.

Ю. Ц. Избранных, ох. В этой связи не могу не вспомнить, Андрей Петрович, слова художника – и персонажа харьковской, в том числе литературной, жизни – Володи Фёдорова: «Задача интеллектуала – уютно маргинализоваться». То бишь мне-то и в «любопытных явлениях» было вполне хорошо.

А. К. Но тут ещё вот что: есть ряд писателей, которых в «ЖЗ» представляет только наш журнал – по разным причинам: или больше они нигде не публикуются, или их нигде больше не публикуют (ну, журналы же забиты своими авторами), а не публикуются – просто не хотят, тяжелы на подъём, не привыкли навязываться и т. п., есть же авторы, у которых нужно именно что просить материал, сами они никогда не предложат, поскромничают, засомневаются в себе. Или вот – замечательный, классный писатель Мильштейн – но какой-то не толстожурнальный, что ли, его практически не печатают в толстых журналах. А для нас он один из самых важных, постоянный автор «©П». Это не говоря уже об украинских писателях: «©П» – это первое появление в «ЖЗ», открытие классиков украинской литературы Евгена Плужника, Богдана-Игоря Антонича, Майка Йогансена – и современных: Анны Яновской, Марии Козыренко, Игоря Бондаря-Терещенко, Ростислава Мельникова.

Ю. С. **Награды (муниципальные и всеукраинские), попадание в короткий список «Русской премии». Что они для вас? Повлиял ли премиальный успех на повышение интереса к журналу, увеличение тиража?**

А. К. Нет, тираж увеличивается, только если есть деньги на это, а их спонсор даёт всё меньше. Повышение интереса – вероятно, да.

Ю. С. **Недавно вышел пятнадцатый номер журнала. Хотелось бы закончить наш разговор вашим комментарием к нему...**

А. К. Пожалуйста. Новая повесть Александра Мильштейна, вернее, часть романа, ставшая в журнале повестью. Переводы Наташи Бельченко из Майка Йогансена; Даны Пинчевской / Юрия Цаплина (в отдельных случаях – два перевода одного стихотворения) – из Ростислава Мельникова. Новые рассказы Николая Фоменко (Артёмовск, Донецкая область), его первая публикация состоялась у нас несколько лет назад, потом он получил, выиграв конкурс, премию О. Генри, американскую. Ваши новые тексты, Юрий: стихи и проза. Или стихи и стихопроза. Этот жанр – средний, нет, плохое слово; общий? – в этом номере, да и в прошлом, хорошо представлен: Олег Юрьев, Виктор Іванів, Игорь Бобырев (у него ещё и всё минималистично; минимализм, лаконичность мы тоже любим). Любим мы представлять одного автора сразу с несколькими жанрами: проза плюс стихи, рассказы плюс пьесы. В этом номере у харьковчанина Сергея Панкратова – всё это внутри одного жанра, мениппеи. Ещё один сложноатрибутируемый жанр у нашего постоянного автора, одного из лучших харьковских писателей – и художников – Андрея Пичахчи, он определил его как «лит-скульптура пространств из сборника литобъектов». Подборка новых стихов Нины Виноградовой – мы её очень любим, она тоже наш постоянный автор. Замечательные стихи киевского поэта Виталия Юхименко; отличные – ещё одного нашего постоянного автора – говорю это с гордостью, ибо есть чем гордиться – Олега Петрова. Из поэзии ещё подборки новосибирца Андрея Жданова и, наверно, самого молодого автора этого номера, ему двадцать четыре, – николаевского, а теперь киевского поэта Дмитрия Казакова. Впервые печатается у

нас харьковский поэт Кирилл Новиков – причём это как раз тот случай, очень характерный для журнала, когда публикация – выборка из того, что автор нам присылал на протяжении нескольких лет. Из прозы – рассказ ялтинца Сергея Кулакова (Ксергса), вошедшего в прошлом году в лонг-лист «Русской премии»; маньеристские – в хорошем смысле (в смысле, удачные, очень, хотя маньеризм часто страдает пустопорожностью) – рассказы харьковчанина Дмитрия Дедюлина, когда-то, в 7-м номере, мы публиковали его стихи; и цикл постапокалиптических – о Харькове, к слову (рассказ Пичахчи, повесть Мильштейна и ваша стихопроза, Юрий, тоже, я вот сейчас подумал, о Харькове, и многие стихи в журнале – наверно, это славно, что харьковская литература так прочно привязана к месту и имеет внутреннюю потребность его осмыслять), так вот, цикл рассказов одного из, на мой взгляд, самых интересных, многоплановых и перспективных харьковских писателей Виктора Шепелева, – а ещё постоянно экспериментирующего с формой и жанрами (несколько лет назад мы публиковали отрывки из его «блогосферного», гм... «блогосферического»? – романа, а рассказы данного цикла состоят из фрагментов «текст плюс обширнейший, во много раз превышающий текст комментарий к нему», в две колонки). И наконец, мемуары, хотя Юрий Владимирович и не приветствует появление у нас этого жанра, если текст не наделён отчётливо выраженными литературными признаками. Это вставная глава в дилогию о сталинских репрессиях, а затем немецкой оккупации Харькова, которую мы несколько лет назад публиковали, харьковского антрополога, доктора медицины Льва Николаева и «Записки остарбайтера» винницкого крестьянина Ивана Осаулко (его дочь, публикатор и соавтор Галина Гурина живёт в Харькове). И то, и другое – записки о пребывании в Германии во время войны, только Осаулко, о чём свидетельствует название, был угнан, а Николаев – послан немцами в командировку, сопровождать как врач угнанных на заводы. Это два взгляда на происходящее – интеллигентский и крестьянский, во многом очень похожие.

«ЯВНО Я В НОВОСИБИРСКЕ»

С Германом Лукомниковым беседует Антон Метельков

А.М. **Давайте поговорим немножко о прошедшем фестивале[1] . Что понравилось, что не понравилось? Чего-то, может быть, не хватило?**

Г.Л. Да, в общем-то, все понравилось, чему я сам был свидетелем. Конечно, понравилось, что мои старые друзья, замечательные поэты выступили – Гринберг и Пивоварова. Вы мне понравились. Я вообще поражен, что такой человек, как вы, образовался в природе[2]. Да все мне понравилось. Это, знаете, непонятно, что может ответить на этот вопрос человек, который больше двадцати лет не был в городе Новосибирске, у которого сильнейшие, очень важные, ключевые жизненные воспоминания с этим городом связаны, и который на протяжении десяти дней, чуть ли не по два раза в день где-то выступал, либо участвовал в каких-то делах культурных, и который каждый день встречался со своими старыми друзьями и знакомыми, иногда просто с такими, с которыми полжизни назад расстался. Это отсюда, из нынешнего времени – полжизни, а если считать оттуда, с тех пор – то целая жизнь прошла – как мы потеряли связь друг с другом, а тут вот встретились и пообщались. Человек, который познакомился наконец с некоторыми людьми, о которых только слышал и мечтал познакомиться на протяжении 25 лет. Этот человек в таком пребывает обалдении и восторге, что как-то трудно сейчас вычленять и говорить: вот мне, знаете, это понравилось; это, знаете, не очень... Я сейчас в эйфории, в потрясении, но в то же время и страшно устал, конечно. Так что просто могу сказать – спасибо вам, спасибо за приглашение. Для меня эта поездка была чудом, тут не применимы критерии «понравилось – не понравилось». Для меня это такое чудо и грандиозное событие в моей жизни, что слова «понравилось – не понравилось» здесь просто несколько мелки. Спасибо, Антон.

А.М. **Вам спасибо! Ну а вот про историю ваших отношений с Новосибирском – как вы сюда попали в первый раз, как это все развивалось...**

Г.Л. Фактически для меня связь с Новосибирском началась с Янки Дягилевой. Познакомились мы в Прибалтике... Сейчас пытаюсь припомнить – в Риге или в Вильнюсе... То ли сперва в Риге мы с ней общались, а потом в Вильнюсе, то ли сперва в Вильнюсе, а потом в Риге... Нет, это надо как-то особо подумать-помедитировать, чтоб это вспомнить... Скорее, сперва... Нет, боюсь ошибиться. Скорее, все-таки в Риге... И как-то вот так подружились просто сразу, мгновенно. Дружба такая у нас была – с первого взгляда... Боже мой, как же все это рассказывать? Это же нужно рассказывать две недели без остановки. Антон, что же делать?

---

[1] Речь идет о фестивале экспериментальной поэзии «Experiences», проходившем в Новосибирске с 31 октября по 4 ноября 2013 года (прим. ред.).

[2] Антон Метельков родился в 1984 году в г. Новосибирске, где по сей день и проживает. По образованию – конструктор-технолог РЭА. Работает инженером связи на ТЭЦ. Поэт, публиковался в журналах «Сибирские огни» и «Урал». Участник некоторых мероприятий, организованных движением «Негромко читать и вдумчиво слушать» («Свой-Чужой», «Experiences», «География»), ряда квартирных концертов (в т. ч. совместно с группой «Бажах Тауреr»); финалист новосибирского (в рамках фестиваля «Поэмания») и всероссийского (в рамках фестиваля «СловоNova») поэтических слэмов. (взято с сайта Новосибирского журнала «Трамвай», где Антон ведет авторскую колонку: http://tramline.ru/tag_/anton-metelkov/)

А.М. **Ну, давайте сразу в Новосибирск переберемся. То есть для вас рок-среда была отправной точкой – вот эта тусовка вся, Янка...**

Г.Л. Ну да, можно так сказать. Познакомились с Янкой в Прибалтике, потом, значит, побывали в Питере. Я там, в Питере, знакомил ее со своими друзьями, с поэтом и драматургом Сашей Поповым... Как-то уже в Москве оказались... Это была весна 88-го года. Янка ко мне домой заехала. Мы несколько дней бродили по Москве, по разным моим друзьям и знакомым. Штука в том, что Янке, как это ни дико сейчас представить, весной 88-го года негде было в Москве переночевать. Я ее пристраивал переночевать. Буквально через год это уже невозможно было бы представить. Через год ее уже все знали и носили на руках, а весной 88-го – да, ее никто тогда не знал как певицу. И мы бродили по моим друзьям и знакомым. Потом я ее проводил в Новосибирск. Она, я помню, звонила своей подружке Ирке Литяевой, Рок-маме... И так она всегда про нее со значением говорила, как про самого близкого человека, свое второе «я» (а может, даже и первое)... Я ее проводил в Новосибирск, а потом у меня тут произошли такие события, переломные в жизни, что мне хотелось просто куда-нибудь пропасть, куда-нибудь деться как можно дальше. И я поехал в Новосибирск – именно по принципу «как можно дальше», потому что я там никогда не был и вообще так далеко никогда не был от Москвы. Поехал в Новосибирск... Все это очень тяжело, долго рассказывать... В общем, да, отправной точкой действительно стал... То есть, первые знакомства были, действительно – круг сибирских панков, хиппи и рок-музыкантов.

А.М. **А вы тогда поэтом себя еще не считали, не идентифицировали себя как поэта? Или это как раз был какой-то переломный момент?**

Г.Л. У меня был период, когда я практически не писал стихов. Лет с 18 до 28 я почти не писал стихов, так вот лет на десять завязал. Но именно почти – иногда что-то там... По-настоящему меня прорвало именно в 28 лет, я обрел какое-то свое лицо поэтическое и начал писать внезапно – это в 90-м году. Я начал писать очень много таких стихов уже в своей манере... А это был 88-й год, то есть еще за два года до того. И я, приехав на поезде в Новосибирск, в тяжелом очень состоянии, разыскивая Янку, как свою единственную знакомую в городе, я бродил по городу и сочинил, наверно, первое такое стихотворение свое, если не считать совсем детских, которое вот, скажем, считается. И Янке его посвятил. Оно, кстати, ей очень понравилось. Это вот стихотворение, в Новосибирске написанное, весной 88-го года, могу прочитать. Вам оно попадалось? Нет, не попадалось?

А.М. **«Человек сидел-молчал»? Нет, не это? Это позже?**

Г.Л. Нет, это, конечно, позже. Это уже 90-й год, кажется, это уже в основном таком потоке. А вот то, о чем я говорю, это было такое разовое, штучное озарение. Я приехал в Новосибирск в тяжелом состоянии, избитый, разбитый, несчастный, с сотрясением мозга, вообще не понимая на каком я свете, не понимая, как жить дальше, и искал Янку, при том, что у меня не было ничего – ни адреса, ни телефона – у меня потому что не было тогда привычки ничего записывать, а помнить я тем более ничего не помнил, что касается всяких цифр, адресов и тому подобного. И вот в таком состоянии я, бродя как-то по городу, по вокзалу, буквально в первый же день, в первые часы Новосибирска, моего там пребывания, сочинил такой стишок:

х..во
когда нет крова
паршиво
когда ты вшивый

паскудно
когда жрёшь скудно
несладко
когда фэйс всмятку

но круто
что всё так люто
красиво
рвать в клочья ксиву
кайфово
аскнуть файфовый
п..датко
когда есть братка.

Этот стишок я сочинил в первый же день, в первые часы пребывания в Новосибирске и посвятил его Янке. И он ей очень понравился. Она таким образом благословила меня на поэтический путь. Вот. И Ирке, Рок-маме, он тоже очень понравился. Вот они меня и благословили. Правда, после этого я, собственно, почти ничего не писал еще почти два года. А поначалу круг общения был – ну да: Янка, Ирка и куча их новосибирских и не только новосибирских знакомых. Тогда проходил грандиозный рок-фестиваль, который практически стал панк-рок-фестивалем. «Гражданская оборона» из Омска приезжала. Я тут и с Егором Летовым общался... И с «Инструкцией по выживанию» на каких-то флэтах вместе оказывались, хотя с ними знакомство было совсем шапочное.

А.М. **С Богомяковым, наверно, могли пересекаться? Он не был здесь?**

Г.Л. А вот с Богомяковым... Что-то я не помню, не видел Богомякова. С Богомяковым я познакомился и подружился уже гораздо позже, это уже в XXI веке, в эпоху ЖЖ.

Я ходил на этот самый рок-фестиваль в ДК Чкалова. Мы, кстати, с Борей Гринбергом недавно выяснили, что он тоже туда ходил. И теоретически мы могли тогда, 25 лет назад, познакомиться. Может, мы вообще там рядом сидели в зале.

Тогда же, счастливым образом, познакомился я с Иорданскими, той же весной 88-го. Тоже был момент, когда у меня довольно тяжелое было положение, податься было некуда, ни денег не было, ни документов, и Германок Иорданский, случайно встретив меня на улице, подобрал меня, как котенка, и повез в Сокур. И месяц, может быть, если не больше, я там жил, в Сокуре. Дело в том, что я вообще был такое какое-то нервное, страшно эмоциональное существо... Эмо, наверно, как теперь сказали бы. У меня вот это стихотворение, оно оказалось пророческим – которое я посвятил Янке. Потому что там есть такие строчки: «красиво / рвать в клочья ксиву». И действительно, в Новосибирске, где-то через неделю после написания этого стихотворения, была ситуация, когда я в каком-то припадке истерическом порвал собственный паспорт на мелкие кусочки. Чем, конечно, много доставил геморроя и себе, и окружающим. Однажды нас с Янкой и Иркой и Димой Истоминым из группы «Путти» в милицию загребли в полшестого утра. Их отпустили довольно быстро, а меня продержали в одиночной камере до ночи, я там закатил сцену, милиционеры меня таскали за бороду, грозились в спецприемник отправить... В общем, от меня было много, из-за этой моей какой-то эмоциональности повышенной, как-то слишком много со мной было хлопот... И тем не менее, вот добрые люди – Янка, Рок-мама, а потом, впоследствии, и Иорданские – они сочли нужным как-то меня поддерживать и помогать и фактически меня спасли тогда. Иначе я просто не представляю, что бы со мной было. Наверно, я бы погиб той весной, если бы не они.

У Иорданских в Сокуре я целыми днями слышал фамилию Маковский. Я спал под портретом человека по фамилии Маковский, Женя <Иорданский> показывал его фотографии, ну и сам вот этот портрет... просто каждую ночь я спал на полатях под большим его таким живописным реалистическим портретом. Там в Сокуре был и до сих пор сохраняется такой замечательный культ, можно сказать, Маковского. Женя и другие «сокуряне» рассказывали, что это великий поэт. Показывали и читали его стихи. Постоянно звучали магнитофонные записи его чтения, его каких-то очень странных и сбивчивых разговоров о том о сем. И я просто как губка всем этим напитался: Маковский, Маковский, Маковский... При этом я его ни разу не видел – говорили, что он вроде бы в этот момент находился в Москве, у общих с Иорданскими друзей – Рябиковых.

Потом как-то так получилось, что все-таки я, значит, потихонечку поехал в Москву с какой-то компанией. Поехал я как-то так... Кто-то что-то немножко там денег дал – не то что на полный билет... В те годы для покупки железнодорожного билета не требовались документы, и проводник их без особой необходимости не проверял. Ну, как-то... В общем, я поехал как-то что-то, где-то там вроде даже и билет был поначалу, потом как-то «на перекладных», где-то – автостопом... С автостопом, правда, у меня не очень складывалось, но тем не менее... В общем, изрядную часть пути я проехал, на самом деле, зайцем в поездах. Я впрыгивал просто в поезд, забирался на верхнюю полку, не на вторую – на третью, в плацкартном есть такие третьи полки, для багажа. Вот, забивался там так, чтобы никакая нога не торчала, и спал, пока меня не высаживал проводник. И большую часть пути до Москвы я таким образом проехал.

Ну, неважно. В общем, добрался я тогда кое-как до Москвы. И еще там две девчонки, которые в эту компанию тоже входили, Анжела Ким и Лена Ермакова, певица, – они были такие подружки неразлучные... Значит, я когда приехал, Анжела мне позвонила домой, в Москве, и стала жаловаться, что она потеряла эту свою подружку, Лену Ермакову. Что они доехали до самой Москвы, и уже в Москве, в метро, умудрились разругаться, поссориться и потерять друг друга. И что она точно знает, что Ермакова к Рябиковым пошла, а сама Анжелка не догадалась записать никакие координаты этих таинственных Рябиковых. Она вроде там у своей какой-то тетки пристроилась, Анжелка, или у какой-то родственницы, то есть проблем с жильем нет, но грустит она без подружки.

Ну, тем не менее, мы с Анжелкой встретились в центре, посидели где-то на Пушкинской, на Страстном бульваре – там где-то посидели, поговорили... Нет, на Тверском, на Тверском бульваре. Посидели, поболтали – и только мы собирались как-то расходиться, пошли в метро... И когда мы заходили в метро, среди бела дня – вот, подземный переход в метро на Пушкинской, Анжелка вся такая несчастная, разбитая из-за того, что она потеряла подружку и не знает, где найти ее и этих таинственных Рябиковых... Анжелка и Лена – они тоже были завсегдатаями Сокура, они, конечно, тоже всё это слышали про великого Маковского и видели наверняка эти же самые портреты... Но тем не менее, Анжелка как-то так резко упилила вниз по лестнице, а я замер как вкопанный на этой лестнице подземного перехода, потому что увидел в толпе людей, поднимающихся мне навстречу, вот это самое лицо с портрета, под которым я месяц спал в Сокуре. И когда этот человек со мной поравнялся, я, конечно, к нему кинулся и даже не спросил, а так утвердительно к нему обратился: «Вы – Анатолий Маковский». Он ничуть не удивился и сразу стал со мной разговаривать, как со своим старым знакомым. Я кричу: «Анжела, Анжела!» Она поворачивается и видит, что я с каким-то старичком беседую. Ну, она так неохотно поднялась обратно. Я их представляю, говорю: «Вот, познакомьтесь, это – Анжела, это – Анатолий Маковский». Анжела просто обалдела. Она его не заметила, а я заметил. По теории вероятностей такого, конечно, не может быть, вот такой вот случайной встречи. Ну не может такого быть. Ну как такое может быть, в гигантской Москве, чтобы чуть ли не в первый день после возвращения я увидел бы и узнал в толпе человека с портрета, под которым я перед этим месяц жил за три тыщи километров, в сибирском поселке? Не может быть. Но это было. Это один из самых удивительных фактов моей жизни.

И причем он, Маковский, сразу что-то стал говорить о том о сем, о пятом о десятом, что-то рассказывать нам – как старым добрым знакомым. Хотя еще за минуту до встречи и не подо-

зревал о нашем существовании. Нисколько не удивился произошедшему. Я как-то пытался, ну, как-то поделиться с ним своим изумлением по поводу такой вот встречи, но его это абсолютно как-то... Он даже, по-моему, не очень понял, что, собственно, меня удивляет. Пошли мы с ним за компанию в Некрасовскую библиотеку. Там было какое-то выступление, насколько я помню, пушкиниста Непомнящего... А потом мы поехали все вместе к Рябиковым, и Анжелка с порога бросилась на шею своей подружке Ленке. Они были очень довольны. Так вот я им случайно помог найти друг друга. А сам я с тех пор подружился с Рябиковыми. Рябиковы оказались тоже чудесные совершенно люди – Саша Рябиков и его ныне покойная жена, Лена Васильева, и дочки, – такие гостеприимные люди. И в те времена поэты к ним часто ходили в гости – Митя Авалиани, Ваня Ахметьев, ваш покорный слуга. Михаил Айзенберг иногда заглядывал. А Маковский у них просто там подолгу, месяцами, чуть ли не годами живал. Обитал там, в Москве, он обычно именно у них в те годы, в конце 80-х – начале 90-х, и мы с ним там, у Рябиковых, частенько общались, он и к моему творчеству с сочувствием относился... Однажды даже назвал меня гением (ну, это, правда, по пьянке).

Вообще, в Сокуре очень много каких-то важных для меня завязок произошло... То есть, там постоянно разные имена звучали... Целыми днями мне Женя ставил разные записи, не только Маковского, кучу разных – и новосибирских, и вообще сибирских всяких поэтов упоминал. И московских тоже очень много, называл какие-то имена, которых я тогда просто не знал, и которые потом, впоследствии, стали для меня очень важными, ключевыми. Я как-то постепенно их запоминал, но я так подозреваю, что очень вероятно, что я там впервые услышал и про Авалиани, и про Всеволода Некрасова, и про Ахметьева, и про движение за Анонимное и Бесплатное Искусство (зАиБИ), и, может быть, про Лианозовскую школу, про Сатуновского, и так далее. Про Соковнина... Ну, про очень многие такие важные, ключевые для меня явления я впервые, мне кажется, услышал именно там. Правда, я не сразу все это запомнил, как-то постепенно в голове укладывалось, с годами...

А.М. **В то время, в первый ваш приезд в Новосибирск, вы еще были далеки от этого – от Лианозова, скажем?**

Г.Л. Да, я тогда вообще ничего этого не знал, абсолютно! Не имел никакого понятия. Я говорю, я сам тогда стихов почти не писал, у меня был 10-летний перерыв в стихописании, и о современной поэзии я имел довольно туманное представление. Ну, я знал, конечно, еще с детства некоторых приличных и даже очень хороших поэтов печатавшихся, но к концу 80-х они, по большей части, уже либо умерли, либо фактически исписались. А что касается неофициальной культуры, то я в ней был очень мало сведущ. Единственное, что – ну вот в перестройку, конечно, я где-то видел-слышал и чуть-чуть читал Пригова... Олега Григорьева я тогда знал исключительно по детским печатавшимся стихам, если не считать одного-двух стишков, ушедших в фольклор. Ну, о Бродском имел некоторое представление, но он мне тогда казался ужасно скучным. Мне нравились многие стихи моего папы, но это уже была даже не самиздатская поэзия, а совсем уже аутсайдерская, «стихи из сумасшедшего дома».

Это в Сокуре, по существу, началось мое такое... образование, что ли, в области современной поэзии. Да, ну, правда, было еще одно исключение: то, что я со времен своей ранней юности знал Еременко – его я открыл для себя совершенно случайно и самостоятельно, при случайных и удивительных обстоятельствах. Это сразу, сейчас скажу, году в 79-м, сразу после окончания школы. А больше я ничего не знал. Кстати, о существовании поэта Кибирова мне Янка рассказала, и очень изумлялась: что ж вы, говорит, москвичи, сами ничё не знаете, что у вас тут есть под носом. Ну, я действительно тогда как-то просто еще особо не интересовался и как-то не очень знал, где и как этим можно интересоваться. Потом как-то постепенно все это пришло – в 90-м в Москве появилась газета «Гуманитарный фонд», полностью посвященная неофициальной культуре...

Но в огромной степени вот таким фактором, формирующим мои представления и мои вкусы – не сразу, а так постепенно, исподволь – стал Сокур. Сокур, Женя Иорданский и его грандиозная коллекция всякой всячины. То, что вот он мне там рассказывал, показывал, магнитозаписи крутил – я постепенно как-то во все это вникал... Но я не сразу все эти фамилии запомнил. Поначалу, в первый приезд, запомнил я, собственно, только одну фамилию: Маковский. Потому что она звучала постоянно. Потому что, скажем, того же Всеволода Некрасова я для себя открыл позже – фактически впервые. И уже задним числом понял в какой-то момент, что наверняка я что-то про него слышал в Сокуре. Ну, слышал вот так – у меня в одно ухо влетело, из другого вылетело. А открыл я его по-настоящему для себя самостоятельно, на выставке в Москве, кажется, в феврале 90-го года.

Как раз незадолго до того я сам так вот капитально расписался. В общем, у меня прям пошли стишки вот такие, уже в моей манере, с самых первых дней 90-го года, в огромном количестве, я ими буквально фонтанировал. И какое-то время, полтора-два месяца, мне казалось, что вот я открыл какой-то материк, и я тут один на этом материке. Ну или, по крайней мере, необитаемом острове. А потом я пошел на выставку, вроде бы – художественную выставку, в Дом молодежи, и там был какой-то такой закуток поэтов, закуток поэзии. Просто несколько ширм стояло, они образовывали такое пространство. На этих ширмах изнутри были как-то прикреплены какие-то листочки. Я увидел эти листочки и обалдел. У меня прямо так в глазах что-то поплыло, потому что я увидел... Это были листочки со стихами Некрасова, причем – со стихами из такой визуальной серии. И это было очень близко к тому, чем я сам тогда занимался. При этом я почувствовал, что вот, оказывается...

А.М. **Обитаемый материк.**

Г.Л. Да! Остров-то, ну или материк – обитаемый! Еще как обитаемый! Причем видно было, что поэт этот зашел гораздо дальше, чем я, в том же самом, ну, в каком-то близком направлении, гораздо дальше, а я делал только первые шаги. Я был, конечно, потрясен. И счастлив, и потрясен. Ну, впоследствии мы познакомились со Всеволодом Николаевичем, и у нас складывались такие не очень простые отношения... Но, во всяком случае, было такое важное для меня знакомство. Мы даже, собственно, были соседями. Так жизнь сложилась удивительно, что мы много лет жили в одном доме, в соседних подъездах. В общем, очень часто – ну, не каждый день – но частенько виделись и здоровались во дворе, в окрестных магазинах. Так получилось, что Ася Флитман по случайному стечению обстоятельств живет в некрасовском доме, в соседнем подъезде. А я у Аси – домашнее животное. Кстати говоря, в этом же доме еще и Дима Воденников живет над нами, несколькими этажами выше. А в соседнем подъезде жил Всеволод Николаевич и Анна Ивановна Журавлева, его супруга, литературовед... Царствие им Небесное... Что еще сказать-то...

А.М. **То есть вот эта ваша манера оформлялась самостоятельно, без влияний Некрасова, Авалиани?..**

Г.Л. Да. Я так предполагаю, что наверняка я эти имена и, может быть, какие-то примерчики слышал в Сокуре. Я это задним числом стал вот так подозревать. Я практически в этом уверен. Но не могу сказать, что это прям как-то так вот сходу на меня повлияло, запомнилось – нет. Это в одно ухо вошло, из другого вышло. То есть это все я открывал, вот эту свою манеру – я дорабатывался до нее совершенно самостоятельно. И был очень изумлен, обнаружив, что есть такой Всеволод Некрасов. Потом, значит, обнаружив, что есть целая такая Лианозовская школа. Был очень изумлен и очень счастлив. Некрасов просто сразу стал, вот прямо с этих первых же выставочных стихов, которые я увидел, он стал моим любимейшим поэтом. Примерно тогда же, где-то вот в первые месяцы 90-го года, появилась в продаже его первая книжка, вышедшая в России –

«Стихи из журнала». Я об этом как-то разузнал, поехал, купил чуть ли не пачку. Раздавал всем, раздаривал направо и налево. Благо, она недорого стоила. Она такая была – брошюрка на желтоватой газетной бумаге. И, кстати, я до сих пор считаю, что, может быть, это лучшая его книжка, настолько мощное было впечатление. Ну, собственно, там были его стихи из ленинградского самиздата, очень удачно подобранные стихи 60-х – 70-х, в основном, годов.

Потом, кстати говоря, Женя Иорданский познакомил меня с Ваней Ахметьевым, о котором я к тому времени очень много слышал и от Иорданских, и не только от Иорданских, что есть такой замечательный поэт, интересный человек, знаток самиздатской литературы. А познакомил... надо же такому быть – вот мы с Ваней живем в Москве – я с отрочества, с 1975 года, он вообще с рождения, и общих знакомых у нас было довольно много, а познакомил нас все тот же Женя. Это вот должен был Иорданский из Сокура Новосибирской области приехать в Москву, чтобы нас познакомить, году в 91-м или 92-м. Это, конечно, было такое совсем уже судьбоносное для меня знакомство. С Ваней подружились и до сих пор дружим. И массу всяких делали вместе дел. И продолжаем делать. Вот, в частности, с ним и еще с Володей Орловым и Андреем Урицким вот эту нашу антологию шесть лет уже готовим. Знакомство с Ваней, оно, конечно, мою жизнь сильно так перевернуло и очень сильно повлияло на мои представления, на мои вкусы. Но я думаю, что, с другой стороны, и я тоже, в какой-то степени, на Ваню повлиял. Это было взаимное влияние, и как-то взаимно мы что-то все время открывали, какие-то имена, какие-то тексты. Но с его стороны влияние было просто мощнейшее.

Хотя, удивительное дело, но вот эту поэтику минимализма я нащупывал поначалу совершенно самостоятельно. И в принципе я уже доработался совершенно самостоятельно до такого своего стиха, который, как впоследствии оказалось, во многом довольно близок к стиху Некрасова, к стиху Ахметьева. Видимо, как-то это к тому времени в воздухе, что ли, витало. Ну, оно, конечно, не само витало, это оно во многом благодаря их творчеству и витало.

А.М. **А Бонифаций появился в 90-м году или чуть пораньше?**

Г.Л. Бонифаций? Ну, это просто мое прозвище, которое ко мне прилипло, кстати, в 88-м, все в том же 88-м году, но уже после вот этой поездки в Новосибирск, уже в Москве, летом. Так меня вдруг стали называть несколько разных людей. Несколько разных людей сказали, что я похож на льва из мультфильма, Бонифация. И так меня стали звать. Мне как-то это понравилось. Это прижилось.

А Янка, еще до моей поездки в Новосибирск, в дни нашего с ней общения в Москве, меня прозвала Стесняйкой. А Ирка, Рок-мама, уже в Новосибирске, – Сестренкой, и это в большей степени прижилось. Это прозвище восходит к книге «Митьки» Шинкарева. Там, в описании митьковских отношений, есть такой парадоксальный момент: в знак наивысшего признания митёк называет свою подругу «братушкой», после чего она в ответ начинает называть его «сестренкой». С Иркиной подачи я тогда для всех в этой сибирской панк-роковой компании был таким вот митьком Сестрёнкой. В начале 90-х, когда я уже для всех был Бонифацием, я как-то ходил на квартирник Егора Летова в Москве, через несколько лет после нашего знакомства. Где-то все встречались в метро, в центре зала, на какой-то станции... И Егор меня узнал, и сразу именно так ко мне и обратился: а, говорит, Сестренка, привет. Так меня все называли в этом кругу.

А в Москве ко мне уже вот это прозвище прилипло, Бонифаций. И я уже его стал использовать как такой литературный и артистический псевдоним. Который, впрочем, мне потом надоел, и в 94-м году я от него отказался.

А.М. **А тут не было пересечения с вот этим движением за Анонимное и Бесплатное Искусство?**

Г.Л. В псевдониме?

А.М. **Ну да.**

Г.Л. Нет. Хотя вот ребята из Анонимного и Бесплатного Искусства говорили, что если бы у них были такие выразительные прозвища, то они не стали бы анонимами. Я с ними тоже познакомился, подружился. Хорошие очень ребята. Участвовал тоже в некоторых их проектах. Это такое тоже было замечательное явление, движение. Они чего только не делали. Выпускали какую-то такую и музыку, и песни какие-то такие смешные разные, какие-то шумы на кассетах. У них было штук десять, наверно, разных таких музыкально-шумовых альбомов потрясающих. Я не знаю даже, есть они в интернете или нет. Они выпускали книжки такие, самиздатские книжки с текстами, тоже все было это анонимное и бесплатное. Они и концерты какие-то проводили, и перформансы. В общем, это была... А потом даже мультик какой-то там рисовали. Грандиозное было явление. Ну, где-то в конце 90-х основатель движения Юра Поповский (теперь уже можно назвать его имя) заявил о его роспуске, и оно, несмотря на протесты некоторых молодых участников, по существу оно как-то вот так естественно перестало... Ну, то есть, в широком смысле оно и не может, его невозможно закрыть, оно всегда было, есть и будет. А вот в таком узком, именно как группа, оно фактически перестало существовать.

А.М. **И вот этот у вас перечеркнутый копирайт – он как раз связан с этим движением? На антологии, еще где-то...**

Г.Л. Да-да-да. Перечеркнутый копирайт – это именно символ движения зАиБИ, да. То есть, за Анонимное и Бесплатное Искусство. Это я действительно у них позаимствовал и иногда, в некоторых каких-то книжках, когда мне значок копирайта кажется в отношении моей персоны неуместным, а с другой стороны – действительно, все-таки я имею к созданию книжки прямое отношение, я в таких случаях использую этот значок. Он оказался очень удобным. Я как-то таким образом помечаю, что я причастен, но что я, в то же время, не претендую ни на какие в связи с этим особые права авторские.

А.М. **Году в 2006 у вас в ЖЖ был пост, где вы сравнивали поэтические библиотеки – свою и своих друзей – и, кажется, наибольшие совпадения были как раз с Ахметьевым, Орловым и Урицким. Могло ли это послужить каким-то стимулом к созданию антологии?** [1]

Г.Л. Нет, нельзя, конечно, сказать, что именно поэтому мы стали антологию составлять. Это просто естественно. То есть тут причинно-следственная связь обратная. Ну, мы в каких-то основополагающих моментах близки по вкусу, по духу... У нас разногласия все страшные начинаются по какой-то конкретике. Но на какие-то глобальные явления мы смотрим довольно близко. Ну, скажем, нас всех объединяет то, что мы все понимаем грандиозность Лианозовской школы для русской поэзии XX века. А ведь все-таки нельзя сказать, что это понимают все вообще любители поэзии. Вот это нас объединяет. И это хорошо, потому что если... Ну и, скажем, гениальность Олега Григорьева тоже мы все признаем, как такой особой персоны... Если бы у нас не было таких вот точек пересечения, безусловных для нас для всех, то вообще непонятно, как бы мы смогли работать над антологией вместе... Потому что, ну что-то должно быть общее. Иначе будет просто лебедь, рак да щука.

---

[1] *Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение). В двух томах. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. – М.: Летний сад, 2010. – (Культурный слой; Волшебный хор).*

А.М. **Расскажите немножко про работу над антологией, как это все происходит. И насколько эта работа является для вас вторичной по отношению к вашим собственным стихам? Ну, не вторичной, но насколько она отвлекает, или наоборот вдохновляет, или никак не влияет? Такая вот, составительская, редакторская работа?**

Г.Л. На практике, в эти годы, вот в эти шесть лет работы, я думаю, что на практике, конечно, отвлекает. То есть у меня такое ощущение, что я стал писать гораздо меньше, и это не удивительно, потому что за писание стихов и чтение стихов, видимо, какие-то схожие зоны, близкие какие-то участки мозга и души отвечают. И просто вот они устают – они все время заняты. Мне кажется, я стал писать меньше. Но с другой стороны, я уверен, что когда-то ведь это кончится, рано или поздно, все-таки... Вот мы выпустим второе издание... Я сомневаюсь, что мы будем когда-нибудь заниматься третьим, потому что мы уже слишком достали друг друга за шесть лет. И я не сомневаюсь, что в какой-то перспективе эта работа – читательская, составительская и редакторская, – как раз очень благотворно, я надеюсь, скажется на моем собственном творчестве. Ну, кстати говоря, в Японии древней, там считалось, что в поэтическом искусстве... составление антологий – это была высшая, я где-то читал, это была высшая ступень поэтического искусства. То есть вот поэт, если ты поэт – это здорово, но если ты составитель антологий – это еще гораздо круче. То есть, это примерно то же самое, но только гораздо круче.

А.М. **Пластами уже оперируешь.**

Г.Л. Угу. Ну, у нас, конечно, не Япония... Вернее, не в этом дело, а в том, что с пластами надо поосторожнее, не оперировать ими надо, а изучать, искать ценности (а в искусстве это означает искать то, не знаю что), искать оптимальные способы их представления...

А.М. **Мне кажется, в этом тоже очень много творчества такого. Вот мы делали с вами телемост, и даже то, как вы выстроили порядок участников телемоста – это очень красивая получилась композиция, со своей завязкой, кульминацией и так далее.**

Г.Л. Спасибо, приятно слышать. Знаете, мне очень понравился телемост, спасибо. И идея блистательная (поясню для читателей, что это ваша, Антон, идея), и как-то очень получилось. Не все, правда, мои любимые поэты смогли поучаствовать, но, в общем, почти все. Спасибо.

А.М. **Ну, здорово, конечно, получилось. Мне кажется, едва ли не лучшее, что нам удалось сделать на фестивале – это как раз телемост.**

Г.Л. Да, мне очень понравился и телемост, и... Ну там, в общем, много что понравилось.

А.М. **Если продолжить об антологии... Я, когда читаю чужие стихи, у меня сразу начинают появляться свои. Но это, может, достаточно такой прямолинейный даже подход – когда стихи продуцируют стихи. Другого человека чужие стихи могут на какие-то другие свершения направить. А вас, как поэта, чужие стихи как-то провоцируют на написание своих? Ну, или на что-то еще?**

Г.Л. Ну, бывает, за что-то зацепишься, это да... Но вообще, я думаю, что как-то всерьез это влияние... Ну, не может пройти как-то совсем без последствий шесть лет такого вот практически круглосуточного чтения чужих стихов. Причем, это всё, в общем, стихи моих современников – не то чтобы каких-то далеких прошлых эпох. Я думаю, что это не может пройти незамеченным для моего поэтического организма. И как-то это, безусловно, отразится. Я думаю, очень сильно

отразится. Но как именно – сейчас заранее предсказать невозможно. Это все... Это такие не сиюминутные процессы... Это будет ясно лет, там, через десять. Посмотрим, что со мной станет. Это такой долголетний эксперимент над собой.

Но пока что мы просто заняты антологией. Действительно, круглыми сутками я этим занимаюсь. Уже скоро шесть лет. Я и трое моих товарищей... Еще у нас есть разные помощники, консультанты... Но так вот прям действительно активно мы занимаемся этим вчетвером. Это, конечно, сложное дело. Но просто для начала должен кто-то... Ведь очень много было, действительно, поэтов. На виду только верхушка айсберга. А мы изучаем невидимую часть айсберга. Ну и, кстати, верхушку тоже заодно, конечно, изучаем, потому что она иногда видна не совсем адекватно. И только кажется, что она вполне изучена. В общем, изучаем, да. То есть, очень много было поэтов... Для начала кто-то должен все это прочитать! Вот мы – такие герои, которые взялись... Ну, конечно, совсем всё, все стихи, написанные во второй половине XX века, мы прочитать не сможем. Ну, по крайней мере, взялись прочитать, ну – как можно больше. Вот сколько, там, за шесть лет... Мы такие, в общем, опытные читатели – у нас много получается... Должен кто-то прочитать. Должен кто-то прочитать, должен кто-то отобрать.

А у нас система отбора – это пересечение наших вкусов, наших взглядов, именно пересечение. То есть вот я отобрал тщательно... Я, к примеру, прочитал собрание сочинений такого-то поэта, отобрал тщательно десять лучших стихотворений... Ну вот для нормального антологиста на этом работа закончилась. Вот он отобрал и молодец, и печатает. А у нас совсем все не так. Я показываю коллегам – они все эти десять стихотворений вычеркивают. Хорошо, если они, там, одно или два оставят. И то – как еще оставят. Если будет, допустим, по два голоса за стихотворение, то это так и непонятно, чем это кончится – попадет этот поэт, в конце концов, в антологию или нет, это будет решаться на последней стадии. В общем, так вот, гарантированно проходят в антологию только стихотворения, которые получают хотя бы три голоса. А на сегодняшний день найти такое стихотворение, которое у нас четверых – по существу очень разных и придирчивых читателей, и уже настолько изощренных в чтении стихов... найти такое стихотворение практически невозможно. Тем не менее, мы продолжаем его искать. И иногда все-таки, изредка, по счастью, находим. И это всякий раз для нас самих большая радость.

А.М. **Какие-то прямо потрясающие открытия для вас были во время работы над антологией?**

Г.Л. Были. Конечно, были. Именно потрясающие открытия – были! Были – и не только для меня, и для коллег тоже моих. Вот, наверное, самым таким... Одним из самых – если брать вот имена – то одним из самых сильных для нас самих открытий при подготовке первого издания стал Михаил Панов, который известен главным образом как лингвист. Это всемирно известный лингвист, лингвист с мировым именем, уже покойный. Он известен как лингвист и литературовед. Он читал лекции литературоведческие в МГУ, он работал долгое время в Институте русского языка. Он автор множества книг по лингвистике и по литературоведению. При этом он прожил долгую жизнь. И он всю жизнь писал стихи, но он как-то, ну, он был человек скромный, и он, видимо, их почти никому не показывал, никогда их не печатал, хотя всю жизнь читал лекции о стихах. А свои стихи как-то, в общем, ну... Ну, писал себе и писал. Только в самые последние годы его жизни, его, видимо, близкие уговорили выпустить книжечку. И действительно, выпустили книжечку небольшим тиражом, небольшую книжечку. Я когда прочитал эту книжку, она меня просто потрясла. При этом она прошла абсолютно незамеченной. Ну, была на нее какая-то одна маленькая рецензия... В общем, незамеченной прошла книжка. Он вскоре после выхода книжки скончался, и выпустили еще одну книжечку, по материалам архива – стихов, в основном, более поздних. Ну, более поздние мне, кстати... Вторая книжка мне показалась менее удачной. А первая – просто гениальная. И то, что она прошла незамеченной – это какое-то недоразумение, которое

обязательно надо исправить. И для нас для всех это было, в общем, действительно большое открытие – стихи Михаила Панова.

При подготовке второго издания вот мы открыли Даниила Соложева, поэта и художника эмиграции, которого даже в самых обстоятельных, больших специализированных антологиях поэзии эмиграции нет. Это опять такой случай, когда одна ипостась творческой личности вытесняет, что ли, заслоняет для окружающих другую. То есть, когда поэта заслоняет – скажем, как поэта Михаила Панова совершенно для всех заслонил лингвист и филолог Михаил Панов – точно так же, в случае Соложева, поэта Соложева заслонил художник Соложев. Дело в том, что он такой достаточно известный художник, хотя у нас его даже искусствоведы плохо знают, а вот на западе он довольно известный художник. Он выставлялся вместе, там, с Пикассо, с Матиссом, со всеми вот этими ребятами. И его работы продаются на всяких аукционах. В общем, как художник он довольно известен в Европе – как Дан Соложофф. Но при этом он всю жизнь писал стихи и выпустил одну-единственную книжку избранного. Так она, по-моему, и называлась – «Избранное». И при том, что он вроде человек был общительный, как художник известен, и у него были какие-то друзья в литературных кругах... Он, например, дружил и переписывался с Ремизовым очень активно, тот как-то его очень одобрял. Ну и с другими литераторами эмиграции. Но как-то так получилось, что он почему-то, не знаю, вот он как-то не печатался в периодике почти. Только в самые последние годы немножко стали его печатать в эмигрантской периодике. В общем, как-то его прошляпили. Прошляпили. И вот наш Володя Орлов его как-то... Михаила Панова книжку я взял у Вани Ахметьева. А Соложева нашел и открыл Володя Орлов, наткнувшись на его книжки в библиотеке великого библиографа Льва Михайловича Турчинского. В общем – не сказать, что сотни, но есть, конечно, имена, которые, ну, для меня, по крайней мере, сильно поменяли мое представление о русской поэзии второй половины века.

Ну, разные есть открытия. Бывает, что вроде бы знаешь поэта и имеешь о нем уже какое-то представление... То есть, по ходу работы над антологией оказалось, что многих вроде бы мне известных поэтов я несколько недооценивал. Иногда недооценивал прямо-таки весьма радикально. Я даже тут недавно такой списочек для себя составлял, вот как мои представления изменились в результате работы над антологией в этом смысле, в смысле имен. Могу даже, если любопытно, зачесть. Но этот список относится именно только к первому изданию, к работе над первым изданием. Вот. Изменения моих представлений в процессе подготовки первого издания. Это я просмотрел только тех поэтов, которые у нас представлены большими подборками, начиная от пяти и более страниц.

Так вот, до начала работы над антологией я совсем не знал или почти не знал как поэтов, и вот эти имена стали для меня значительными открытиями... Михаил Панов. Шпаликов... Шпаликов. Ну, я знал, конечно, что есть такой великий человек, сценарист Шпаликов, про которого куча всяких мемуаров и, вроде, «Иду, шагаю по Москве» – вроде его слова, и еще, там, может, пара песенок... Но я, конечно, не представлял, что это такой потрясающий поэт! Я как-то его как поэта совершенно... Он у меня вообще как-то не ассоциировался с этим словом.

А.М. **Ушел в тень, так же как и Панов.**

Г.Л. Да, тоже его вот кинематографическая ипостась заслонила поэтическую, несправедливо совершенно. Вот. Стефанович. О Стефановиче я практически не имел представления. Елагин. Евгений Герф. Зоя Эзрохи. Анна Баркова. Юрий Панкратов. Аркадий Кутилов. Борис Куприянов. Это вот те, которых я совсем не знал или почти не знал как поэтов. И при этом они стали значительными открытиями для меня, очень такими важными.

Дальше. Вот ценил и все же сильно недооценивал как поэтов... Монастырского. Действительно, очень ценил, но то, что у нас получится одиннадцать страниц, одна из самых больших подборок – для меня это было неожиданностью. И я считаю, что это правильно, что такая большая

подборка у него. Опять-таки, слава художника-акциониста Монастырского затмила для публики его поэтическое лицо. Но я как-то... Да, ценил, но недооценивал – Монастырского, кого еще... Глеба Горбовского (хотя «фонарики ночные» с детства себе под нос напеваю). Овчинникова и Денисенко тоже я ценил, уважал, почитывал их иногда со времени своего первого пребывания в Сокуре, то есть с конца 80-х, но вот по-настоящему проникся и сильно полюбил их стихи я именно в процессе подготовки антологии. Вениамин Блаженный. Уфлянд. Сухарев, Дмитрий Сухарев. Василий Филиппов всегда был мне симпатичен, но оказался просто очень крупной фигурой. Одарченко – его я тоже и раньше читал с удовольствием, но мало что попадалось, а теперь – один из любимейших поэтов. Это вот те, кого я ценил и все же сильно недооценивал.

Ценил, но немножко недооценивал: Красовицкий и Айги.

Имел туманное представление и тоже недооценивал: Бахтерев и Георгий Иванов. Ну как-то вот у меня вот, да... Я, конечно, знал, что есть такие... Но толком вот почему-то не доходили руки почитать, случая не было... Думал, что Бахтерев – это какой-то второстепенный обэриут, а Иванов – ну, по правде сказать, я раньше почти не знал поэзию эмиграции, так уж сложилось. И теперь как-то понимаю, что... Господи, да что же я вообще, что же я тогда вообще... Ничего я не понимал в поэзии, когда мы брались за это дело, в общем-то. Темный был!

Дальше. Относился более-менее скептически или, скажем так, двойственно, но по ходу нашей работы сильно изменил свое отношение к лучшему в отношении следующих поэтов. То есть, это вот совсем случаи такие, когда прямо поменялось отношение, ну, практически с минуса на плюс. Бродский. Величанский. Айзенберг. Гандлевский. Рубцов. Юрий Кузнецов. Аронов. Рейн. Кузьминский, Константин Кузьминский. Губанов. Гандельсман. И Денис Новиков. Это вот когда... Ну, я не могу сказать, что вот эти все названные стали прямо любимейшими моими поэтами, но отношение с такого скорее настороженного поменялось на наоборот, очень такое почтительное.

Это же огромные изменения! На самом деле, человек, которому, там, ну, когда мы это начинали, мне уже было – все-таки не юноша... Человек, которому под пятьдесят. Человек, который всю жизнь читал стихи. И сам их и писал, и читал... И вдруг – такие сильные изменения в представлениях! Это, на самом деле, так не бывает. Так не бывает. Это вот работа над антологией, и я надеюсь на то, что мы всё-таки такие особенные читатели, необычные, незашоренные. Обычный человек, даже вот обычный читатель поэзии – он уже к годам к тридцати, как правило, закостеневает в своих взглядах и представлениях. Вот он, что он знает – то он и знает. Что он понимает, любит – то он понимает и любит. А больше, как правило, особо знать ничего не хочет. Ни в нынешней поэзии, ни в прошлой. А я вот все это самое, все как подросток. Не устаю удивляться, восторгаться. Хотя в то же время мы все, составители этой антологии, – страшно придирчивые, и я в том числе, и суровые.

А.М. **Расскажите, чем переиздание будет отличаться от первого издания. Оно будет построено по тому же принципу, просто большего объема? Часть подборок поменяется?**

Г.Л. Судя по тому, как у нас идет работа... Над первым изданием мы работали два года и несколько месяцев. Но это если, конечно, всей предыдущей жизни не считать, которая была, можно сказать, подготовкой к этой работе. А так вот, конкретно, над первым изданием мы работали два года и несколько месяцев. И с тех пор прошло, получается, еще три с половиной года... Трудно сейчас сказать четко и ясно, что будет собой представлять второе издание. Это все как-то постепенно по ходу работы определяется и окончательно определится на последних стадиях подготовки этого второго издания.

Во всяком случае, ясно, что там авторов будет еще значительно больше, чем в первом. Хоть и трудно нам найти это самое пересечение наших вкусов, но все-таки работа проделана большая, длительная. И, слава Богу, мы все-таки кое-что нашли. В первом издании было 576 авторов. Предполагаю, что во втором добавится еще порядка двухсот имен.

При этом сам состав подборок будет в каких-то, я думаю – во многих случаях – изменен. Потому что мы не только новых авторов за эти годы искали, но мы каких-то уже вроде представленных в первом издании иногда как-то для себя переоткрывали по-новому. Иногда... Просто опыт показывает, что для полноценного представления поэта, особенно – если это поэт достаточно заметный и значительный, необходимо, чтобы само предложение стихов исходило хотя бы от двоих составителей. Потому что отбираем-то мы все четверо, да, но отбираем из того, что кто-то из нас предлагает. Совсем хорошо, конечно, если все четверо что-то предлагали по данному автору. Но такое редко бывает. Ну, если хотя бы от двоих исходит предложение, то тогда тем самым обеспечивается некоторая стереоскопичность взгляда в самом исходном материале, в предложении. А если только от одного, то иногда, ну, такая куцеватость как бы взгляда одного, она не может не отразиться на окончательной подборке. Вот, я надеюсь, что какие-то подборки будут удачно дополнены, скорректированы по сравнению с первым изданием. Но при этом не исключено, даже наверняка, что какие-то подборки будут сокращены. Я надеюсь, что не совсем удалены, но сокращены в объеме. Потому что материала теперь, естественно, больше, соответственно у нас как бы и конкурс получается жестче. И то, что по нашим критериям несколько лет назад проходило, сейчас уже может и не пройти, какое-нибудь стихотворение. Я, правда, надеюсь, что авторы всё-таки все уцелеют, очень на это надеюсь. Но сами подборки – какие-то увеличатся, а какие-то могут и уменьшиться, тоже не исключено. Ну, я думаю, что все-таки в общем и целом картина получится более адекватная. Зря, что ли, мы работали? Там – два года, а тут – шесть. Даже не шесть, а, я думаю, будет семь лет – если, допустим, к концу следующего года антология выйдет (уж точно не раньше)...

Потом, конечно, довольно много мы нашли за эти годы ошибок. По счастью, в текстах их не очень много, но тоже есть, попадаются. Относительно немного, но попадаются. Но довольно много у нас неточностей в справках. Потому что справки мы напоследок и немножко наспех готовили. А когда начинаешь уже не просто хватать из первого попавшегося источника информацию, а обстоятельно сравнивать разные источники информации о каком-либо авторе, то почти всегда обнаруживаешь какие-то расхождения. В дате рождения, в дате смерти – в самых таких, казалось бы, очевидных, простых и понятных фактических вещах обнаруживаются расхождения, и приходится каким-то образом штудировать еще кучу разных источников и докапываться до истины. При подготовке первого издания не всегда у нас было время вот это все проделать добросовестно. Поэтому там перекочевавших к нам неточностей из других справочных изданий довольно много. И я надеюсь, что мы очень капитально поправим справки ко второму изданию. Хотя кроме нас этого все равно никто не замечает...

В общем, будет такое исправленное, значительно дополненное, а в чем-то и немножко сокращенное второе издание. Вот что касается его объема, то опять-таки неясно, у нас разделились мнения. Часть нашего коллектива считает, что второе издание, поскольку больше материала теперь нами освоено – значит, второе издание должно быть объемистей первого значительно. Ну, то есть, грубо говоря, что должно быть три тома, а не два. Хотя, возможно, эти тома должны быть сами по себе немножко компактнее, немножко меньше. Но три. Это вот одна точка зрения. А другая точка зрения – что наоборот, надо держаться того же общего объема, потому что для читабельности антологии он – критический. И в таком случае очень резкие предстоят сокращения некоторых подборок. Потому что в любом случае много чего придется добавить. А если в том же объеме, то тогда и много чего сократить. В общем, как-то мы пока не нашли консенсуса и этот вопрос отложили на потом. И как он в конечном итоге будет решен – это пока неизвестно. Я-то как раз надеюсь, что все-таки будет три тома. Потому что если возобладает точка зрения, что надо опять делать два, это означает, что надо поднимать планку до такой высоты, при которой, я боюсь, что просто подборки будут совсем куцые, и никакого представления об авторе будет составить невозможно, за исключением каких-то титанов.

Потому что есть же такой эффект, что... В какой-то степени мы стараемся учитывать, но сама по себе вот эта наша система – она не очень-то его учитывает, нам порой приходится делать какую-то корректировку на этот счет... Есть такой эффект, что помимо того, что хорошие стихи, там, есть такие хорошие стихи, в которых еще более важно... Такие какие-то хорошие стихотворения, в которых не менее важно, чем они сами, то пространство, которое они образуют. Есть авторы, которых представлять одним стихотворением просто бессмысленно, потому что тогда вообще непонятно, что человек пишет. Только если представить хотя бы четыре-пять стихотворений, может быть – однообразных, а может быть – совершенно разных, тогда появляется какое-то пространство, и какой-то образ его поэтики вырисовывается. В рамках которого каждое из этих стихотворений тоже звучит совершенно по-новому, более как-то ясно, четко и многомерно.

Главное, конечно, чтоб кто-то все это, весь грандиозный корпус русской поэзии второй половины XX века, – прочитал. Вот мы и читаем. Принцип отбора у нас такой, что... Я думаю, что классика – она вышелушивается именно таким образом. Что, собственно, такое классика? Классика – это то, что какие-то люди договорились считать классикой. Вот это и есть классика. Но не какие-то там, какие попало люди, а вот именно такие заядлые опытные читатели, которые пробовали кое-что послаще морковки. Как, собственно, образовывается классика? Вот, прибежал один, который вот заядлый опытный читатель, с вытаращенными глазами к другому. С восторгом прочитал какое-то там стихотворение поэта такого-то, в журнале тут вот напечатали. И никакой реакции в ответ не получил. Значит, классика не образовалась. В другой раз тот к этому прибежал, опять что-то нет, восторг опять остался не разделенным. Третий, четвертый... А вот на пятый раз кто-то из них к кому-то прибежал, и второй сказал: слушай, а ведь действительно – здорово, классно! Они пошли к третьему, и третий тоже сказал, что здорово. Ну, четвертому, может быть, не понравилось, а пятому тоже понравилось. И притом, что я подчеркиваю, что это не кто попало... Очень важно, что это именно опытные читатели поэзии, а не какие-нибудь там неопытные. Вот так вот постепенно классика и вышелушивается. А мы просто это делаем таким вот... У нас такой эксперимент, что мы это делаем направленно, пытаемся как-то конденсировать, так сказать, классику.

Ну, понятно, что вообще вещь это такая субъективная и так далее... Но постепенно, постепенно всё это... Понятно, что в чем-то мы ошибемся, наверняка мы в чем-то ошибаемся. Несомненно. Но я надеюсь, что все-таки при такой системе отбора это гораздо получается более правильный результат, чем когда каждую подборку готовит кто-то один. А так оно на самом-то деле всегда и бывает. То есть, во всех мне известных антологиях, кроме нашей... Их либо просто составлял целиком один человек. Ну, в лучшем случае ему кто-то что-то подсказывал как консультант, но все равно последний голос был всегда за ним, за одним человеком. Будь то Кузьминский, Евтушенко или Сапгир. Либо, как в случае с антологиями, например, под руководством Гаспарова составлявшимися, – антологиями Серебряного века – там вроде бы указан коллектив, но на самом деле каждую подборку составляет кто-то один. Вот у нас совершенно не так. Каждая подборка есть плод наших общих усилий. Это гораздо труднее, это очень мучительно, но я надеюсь, что результат должен быть лучше. Мне как-то в это верится. Иначе чего ради, спрашивается, так мучимся.

А.М. **А что касается комбинаторной поэзии? И в связи с вами, и вообще?**

Г.Л. Ну, что сказать... Вот интересная вещь. Вот поначалу, я помню, в 90-м году я очень даже гордился, что я не сочиняю палиндромов. Это очень странно сейчас вспоминать, но это факт. У меня была какая-то особая гордость тем, что я не сочиняю палиндромов. Именно такая была мысль, что вот вроде как бы я... По всем своим каким-то данным я должен палиндромы сочинять. А я их не сочиняю! Это вот было в начале 90-го года, когда я так вот толком расписался. Тем не менее, из чувства какого-то вечного протеста против самого себя, я все-таки несколько палиндромов сочинил. Так, в порядке исключения. А потом как-то чего-то еще сочинил. И еще сочинил. И

еще сочинил. И что-то пошло и пошло. И, в общем, как-то я стал их сочинять все-таки. Вот это вот состояние я помню, какой-то особой гордости, что я не сочиняю палиндромов. Именно то, что я вот говорю от своего лица, а не просто там какая-то вот...То, что там как-то оно само сложится.

А.М. **Навяжется?**

Г.Л. Да. А оказалось, что очень интересно говорить и от своего лица, и быть вот, как я впоследствии написал: «Я – з/к языка»[1]. Говорить вот так вот как бы самим языком. И вот именно вот в этих взаимоотношениях поэта и языка, вот что интересно, что вот говорит поэт, вот говорит язык, вот они говорят вместе, а вот они спорят – вот что оказалось интересно. И обуздать вот эту вот какую-то стихию языка тоже оказалось интересно, как какого-то необъезженного мустанга. И поехать, отчасти – куда он хочет, а отчасти – куда, все-таки, ты. В общем, увлекся я все-таки палиндромами, всякой такой каламбурной какой-то поэзией.

А на следующий год, в 91-м, где-то уже ближе к концу года, Света Литвак... Мы как-то со Светой Литвак шли после студии Ковальджи, кажется... Я за компанию со Светой в начале 90-х заходил иногда в студию Ковальджи, там, в клуб «Поэзия». Потом клуб «Поэзия» даже у меня дома как-то собирался. Ну, неважно. В общем, шли мы как-то со Светой Литвак, кажется, со студии Ковальджи, и она сказала, что год-то этот, говорит, палиндромический, надо бы фестиваль какой-нибудь, что ли, провести, палиндрома. И до меня дошло: действительно, елки-палки, 1991 год. А что же не провести фестиваль, в самом-то деле?

Такой жанр, палиндром, он был в тот момент совсем каким-то затюканным. Публикаций почти не было, если не считать каких-то там – в «Веселых картинках» одна-две строчки появлялись или в «Мурзилке» под заголовком «Перевертыши». И я эту идею пересказал Андрею Белашкину, своему другу, великому библиографу и знатоку поэзии. Он загорелся: а что, говорит, давай. Так же, как через много лет загорелся Володя Орлов, когда я сказал, что вот не пора ли нам свою антологию создать. А тогда – Белашкин. Я помню, что он у меня был в гостях, он чуть ли не сутки у меня сидел, уже собирался уходить, Белашкин, и вот уже когда он стоял в дверях, уже оделся, значит, уже стоял на пороге, вот-вот-вот, он уже вышел... И тут я случайно как-то брякнул, говорю: слушай, шли на днях со Светой Литвак, она вот что сказала, что 91-й год, хорошо бы фестиваль палиндрома какой-нибудь. И Белашкин вдруг загорелся: а что, говорит, давай! В общем, перешагнул обратно, снял куртку. Мы сели за стол и стали вспоминать, каких мы знаем палиндромистов, о каких мы слышали и как бы их, значит, разыскать. Стали, значит, что-то кому-то звонить, расспрашивать. Знали мы не так уж много тогда, но что-то знали. И вот тогда вот я через кого-то связался, я уж не помню, каким образом, связался с Авалиани. Мы познакомились с Авалиани. Познакомились с Гершуни. С Хромовым... В общем, с классиками. С классиками палиндрома, которые даже между собой на тот момент были так знакомы довольно шапочно. А некоторые даже и вовсе не имели друг о друге никакого представления. Настолько разрозненный был мир русских палиндромистов. Мы всех со всеми познакомили на этом фестивале. Провели, действительно, 21-го числа 12-го месяца 1991 года фестиваль палиндрома в одном московском театре-студии.

А потом, еще через несколько недель, конференцию, первую конференцию по вопросам палиндрома в Литературном музее. Тоже с кучей участников. Потом, через много лет... Да, потом я готовил антологию палиндрома[2]. А потом, вместе с Сережей Фединым, мы подготовили – это уже в 2002 году – антологию палиндрома и комбинаторной поэзии[3].

---

[1] Когда это интервью готовилось к печати, выяснилось, что строчку «Я – з/к языка» независимо друг от друга и практически одновременно, в 2000 году (лично я – летом 2000), сочинили два автора – в. п. с. и Андрей Вознесенский. У меня это одностишие, а у него – одна из строк стихотворения «Предисловие к пятитомнику», печатавшегося в «Новой газете» от 25 декабря 2000 года. (Примечание интервьюируемого.)

[2] Антология русского палиндрома. / Сост. Бонифаций и Г. Лукомников. Подготовлена в 1994 г., опубликована в конце 1990-х в Интернете: http://www.screen.ru/vadvad/Vadvad/Arp/

[3] Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии. / Сост. Г. Лукомников и С. Федин. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – Неполная сетевая версия: http://slovomir.narod.ru/slovarevo/leftA.html

***А.М.* Тоже в палиндромическом.**

Г.Л. Тоже в палиндромическом, так вот совпало, да. Кстати, вот удивительное дело... Когда я... Я помню, что я вел этот первый фестиваль палиндрома... У Германка Иорданского, кстати, сохранились уникальные совершенно съемки, он еще на киноаппарат снимал. У него черно-белая пленка есть: первый фестиваль палиндрома. Это фактически одно из первых публичных выступлений Авалиани со стихами – вот так вот прямо, не в домашнем кружке, а так вот – на публике. Так вот, есть и магнитозапись, у кого-то должна сохраниться. Может быть, у Германка тоже есть, у Иорданского. Так вот, когда я закрывал... Я был ведущим этого фестиваля первого. И когда, значит, уже вот там он шел долго прям, много, несколько часов... Очень много выступило авторов, в том числе и классики, и просто разные такие творческие личности... И когда я закрывал, я так пошутил – я сказал, что следующий палиндромический год у нас будет 2002, вот, значит, до встречи в 2002 году, проведем тогда второй фестиваль палиндрома. Я думал, что я пошутил. Но оно так и вышло. Я действительно провел второй фестиваль палиндрома в 2002 году. Но, правда, уже на этот раз не с Белашкиным, а с Сережей Фединым мы его провели, 20.02.2002. И это была в то же время презентация вот этой антологии, составленной нами с Фединым. Но это, конечно, вообще уникально, что палиндромические годы пришлись на жизнь одного человека, что они так близко подошли друг к другу. То, что на стыке тысячелетий это... 1991 и 2002 – ну, господи, что там, какие-то 11 лет разницы.

10 ноября 2013 года, по скайпу

Андрей ПЕРМЯКОВ

«НАГЛЯДЕВШИСЬ НА АНГЕЛОВ ЧЕРЕЗ ОКУЛЯР МИКРОСКОПА»

Павел Чечёткин. Кот Несмеяны: Книга стихов. – Пермь: ИЦ «Титул», 2013. – 174 с.

Когда во втором эпизоде фильма «Андрей Рублёв» стражники жёстко пакуют скомороха, вопрос «за что»? кажется вроде неуместным. Ясно же за что: не положено, вере христианской противно. Но реальность, как всегда, сложнее. Именно в годы жизни Рублёва русские города начали заключать с князьями «уставные грамоты». Да-да, идея правового регулирования была далеко не столь чужда средневековому социуму нашей страны, как то хотят представить адепты «особого пути» или их суровые либеральные оппоненты. Так вот: в этих уставных грамотах был оговорён интересный запрет на деятельность скоморохов. Она, деятельность эта, не предавалась анафеме, но горожане запрещали актёрам «играть сильно». Что это значит? А вот что: жившие при дворах правителей или наместников артели шутов время от времени отправлялись на заработки. И придя в слободу, устраивали представление. Вход на то представление был платным и едва ли не обязательным: княжьи люди всё ж! Такое вот получалось добровольно-принудительное веселье. А скоморох из фильма работал на себя и, очевидно, на чужой территории. Ревность же людей творческих – жуткая вещь.

Не слишком ошибусь, предположив: серьёзное большинство наших литераторов в глубине души соотносят себя с вот этим гонимым лицедеем. Вот только ведут себя иначе, совсем как те, о ком писано было на Стоглавом соборе: «...ходят скоморохи совокупяся, ватагами многими, до штидесят и до семидесят и до ста человек и по деревням у крестьян сильно едят и пиют...». Заметим: в близости к официозу при этом обвиняют своих оппонентов. Групп и группочек таких у нас десятки, если не сотни. И вольно бы им пребывать – поле-то деятельности велико, всем хватит, но уж слишком навязчиво при выходе любой заметной книги начинает звучать вопрос: какой лагерь представляет автор? Особенно моменты эти заметны в провинции.

Вот и о Павле Чечёткине, чья третья книга вышла совсем недавно, приходилось слышать отзывы: «Так, конечно, его из Москвы тянут, он там прилепился», и наоборот: «Он в Перми всем рулит, на грантах сидит». Понятно, что первый из вариантов чаще оглашается на малой родине автора и, помимо прочих факторов, формируют его те самые «заниженная самооценка и завышенное самомнение уральских поэтов», о которых довольно давно уже написал Виталий Олегович Кальпиди. А вот москвичам-то зачем сплетничать? Ну, может быть, от обиды на раннее и – по их мнению – незаслуженное признание. Действительно, Павел ещё в 2002-м году, будучи совсем молодым автором, стал лауреатом премии «Триумф». В тот год эту награду получили, например Елена Шварц, певица Земфира и актёр Иван Вырыпаев. Да и потом всё, кажется, обстояло благополучно: регулярные, хоть и нечастые публикации в толстых журналах, редактирование литературного, выходящего в Перми, но совсем не провинциального журнала «Вещь», руководство местным отделением Союза писателей... Так, значит, всё-таки из писательского официоза он, да? Недоброжелатели вольны думать чего захотят, на то они и недоброжелатели, но вот ни литературщины, ни тем более официального пафоса в стихах Чечёткина нет.

А что есть? Биография? Присутствует, пожалуй. Но весьма своеобычным образом. А она интересной выходит, биография эта. Ещё подростком перебрался из родной индустриальной Перми в подмосковный, однако, тихий Сергиев Посад. Окончил художественное училище, слушал лекции в семинарии. Оставил Сергиев Посад, вернулся в Пермь, поступил на филологический факультет. Много ездил по северу Края, населённому заключёнными и охранниками. Да и вообще по стране катался интенсивно. Приключения имел. Потом опять Москва, Свято-Тихоновский институт. Не надолго, правда. Тут курса не окончил. Тоже

много приключений, но, конечно, по большей части из духовных сфер. Другой бы на одних только лагерных знакомствах выстроил поэтику – известны нам такие случаи, даже и вполне интересные. Но нет. Сам автор говорит так, чуть бравируя, конечно: «...на той пирушке я и познакомился с моим будущим издателем, а через год вышла первая книга моих стихов. С тех пор я почти совсем не интересуюсь лагерями». Следы религиозного обучения более приметны в текстах, но вряд ли способны понравиться бывшим наставникам. Нет, не атеизм, не богоборчество. Нечто иное совсем:

<...>
Долго потом мы сидели бок о бок,
Дуя в жаровню обжаленных рук.
Гадили мухи в листы зарисовок,
Призванных грешников брать на испуг.
И разошлись мы, пока что до срока,
Твёрдо уже перешедши на «ты».
Он, по всему, подобревший немного.
Я – с тайной меткой в районе пяты.

Это не Бог Авраама, Исаака и Иакова, а скорее Бог Вениамина Блаженного, только совсем другой, но тот же самый: Бог так умеет. У Блаженного Он старик, а тут мерцающего возраста. Оттого автор то вяжет «младенцу-Богу рукавички», то радуется:

– Как же черти полосаты!
Как же милостив Господь!

Милость эта, правда, странная порой. На обычном языке звучащая едва ли не кощунством и насмешкой над здравым смыслом:

<...>
«Мёртвые не имут сраму», –
Повторяет сын урок.
– Мам, я тоже мёртвым стану?
– Обязательно, сынок!

А чего вы хотели от скомороха? Да, рецензию мы недаром начали с упоминания этой свободной профессии – скоморохом Павла называли давно, сразу после выхода первой книги. При этом заметим: ритмических отсылок к раёшнику, к акцентному стиху, у него практически нет. Дело не в формальных признаках, а в интонации и манере высказывания: «Бог, болеющий людьми» делается собеседником именно в рамках вот такого карнавального снижения. Вообще, порою возникает чувство, будто для Павла Чечёткина русская поэзия состоит из лакун. Вот – летописные тексты, вот – следы русского фольклора, далее силлаботоническая революция Ломоносова, классики первой половины XIX столетия, а дальше точно и не было в России новаторов и бунтарей. А до них – будто не было «канонизации» определённых ритмических рисунков стиха, когда звук высказывания в значительной мере определял смысл этого самого высказывания. Ритм в стихах Павла часто почти совпадает с метром, делаясь неприлично простым в наши перегруженные звуком времена. Выдают отсылки к предшественникам, обильнейше представленные во многих текстах сборника. Скажем шесть слов в двух строчках –

Врача ко мне!
Пол-ада за врача!

– содержат целое дерево аллюзий – как прямых, так и ветвящихся на второй и третий порядки. Но вообще повторю: ритм в новой книге Чечёткина стал проще. Выбор этот, очевидно, сознателен. Так автору удобнее говорить именно то, что он хочет сказать. Насколько этот путь продуктивен в перспективе, сказать не могу, но в масштабе книги – работает. Павел Чечёткин как-то сформулировал авторское кредо так: «Я думаю, когда мы изживем эту первобытную эклектику из нашего сознания, выраженную фразой про “поэта в России”, тогда у нас будет чистая, настоящая поэзия». Только попробуй вот определи, что есть «чистая, настоящая поэзия»? Поиск ответа на этот вопрос предполагает удивительные находки, но никак не финальный ответ. А отражение поиска в текстах далеко не всегда станет успешным. Собственно, единственная серьёзная претензия к новой книге Чечёткина заключается в её избыточности. Причём избыточность заметна порою и на уровне отдельных текстов, и часто в целом, как будто автор нашёл ответ, но, разочаровавшись в нём, продолжил поиск. Это, разумеется, вещь нормальная и даже не-

избежная, но когда результатом этого поиска становятся тексты-близнецы, в итоговом варианте книги лучше оставить один из них. Хотя это к редактору и составителю вопрос, скорее.

А вот лучшие стихи сборника безупречно точны и длятся ровно столько, сколько нужно. Холодок, оставляемый ими, совершенно особенный. Именно тот самый холодок – от взаимного разглядывания наблюдателя и бездны. Фраза Ханны Арендт о банальности зла обретает чуть другое наполнение. Всё-таки Эйхман был где-то далеко и давно, а коллективный маньяк – вот он, рядом: за соседним столом в офисе, в левом ряду дороги, в школе, где ребёнок. И в зеркале:

Чикатило выжил и живёт напротив
Неприметной дверью с миром тет-а-тет,
У него в активе – год на педработе
И литературный факультет.
Каждым божьим утром он спешит
в контору,
Где, раздав приветы и полив цветы,
Он у монитора впитывает в поры
Лепет полоумной школоты.
Первопроходимец социальной сети,
Он чужую душу долбит, как урок.
Руки скоро вспомнят цепкость ловчей
плети,
И в глаза нальётся розоватый смог.
А вокруг на блогах люд мозолит лавки,
Навостряя души горестным вестям;
Алыми соплями тянутся отставки
И угрозы срезать яйца по частям.
Но один лишь знает, как всё будет после,
В час, когда на ощупь в гущу людных мест
Выйдет он и глянет на тельцов и козлищ,
Просветлеет взором и протянет перст.
Там на самой страшной, на
предсмертной ноте,
Выплеснув наружу скопленную страсть,
Он напьётся чаю за дверьми напротив
И к тебе заглянет побурчать на власть.

Забавно, но вот такое страшное знание не кажется безнадёжным. Как-то так устроены эти стихи. Сложно, получается, устроены при внешней простоте. Всё-таки скоморохам былых времён жилось проще. Тогда грязь, смерть, боль, страх были честны и обитали всегда рядом, а тот, кто над ними умел смеяться, вызывал восхищение или хотя бы сочувствие. В пластмассовом же мире нынешнего века эти жутковатые сущности прикрыты толстым-толстым слоем шоколада, не становясь от этого другими. Коснуться бытия стало труднее. Вернее, так: можно долго-долго жить, бытия не касаясь. Только всё равно многим придётся, например, умирать. И тогда знание о мире рухнет на индивидуума всей тяжестью. Суть же поэзии, да и вообще искусства, ещё, наверное, и в том, чтобы дать это трудновыносимое знание, не убивая человека. Книга «Кот Несмеяны» знанию сему, безусловно, сопричастна. А уж найдутся ли желающие такое знание принять – вопрос открытый. Он всегда открытый.

Александр КОТЮСОВ

ФОТОШОП

Сергей Шаргунов. 1993. Роман. – М.: АСТ, 2013. – 568 с.

Во второй половине сентября 93-го я заболел. Простуда, думал я про себя, мужественно вставая по утрам на работу и уже к обеду с трудом находя сухое место в носовом платке. Постепенно становилось хуже, голову словно сжимало где-то внутри, ближе ко лбу. Я запивал боль анальгином, ненадолго облегчавшим мою участь. В конце концов, я не выдержал мучений и поехал в больницу.

Меня госпитализировали.

Я лежал в отдельной палате. Гайморит не сдавался. Из каждой ноздри моей выходило по маленькой трубочке, закрепленной у переносицы кусочками белого лейкопластыря. Дышать было невозможно. Регулярно заглядывала медицинская сестра и вводила через трубки в нос лекарство. Я пил какие-то таблетки, грустно наблюдал за примкнувшим к цифре 38 столбиком термометра и целыми днями смотрел в маленький черно-белый, словно фотография моих лобных пазух, экран телевизора. Как сейчас помню – Шилялис. Сделано в Литве. Тогда еще СССР.

По телевизору мелькали знакомые лица депутатов, Ельцина, Руцкого, Хасбулатова.

Я разбирался в политическом пространстве. Узнавал каждого. Споры, дебаты, снова споры. Потом началась война. По улицам Москвы поползли танки, черным дымом закурился Белый Дом. Меня выписали.

С тех пор многое забылось, затуманилось, ушло вглубь истории, стало стираться. И вдруг взгляд споткнулся о яркую обложку в книжном магазине. Сергей Шаргунов, «1993». Имя писателя давно попадалось мне на глаза в основном благодаря Захару Прилепину и фейсбуку, где Захар регулярно публикует ссылки на свои статьи, размещенные на их с Сергеем совместном детище – портале «Свободная пресса» (www.svpressa.ru). Оттуда-то я и узнал, что есть такой писатель – Шаргунов. Современные авторы, балансирующие где-то на грани «политика-литература» – люди особые. Их таких не много, во всяком случае, тех, кто на слуху, прорвался к творческим вершинам, признанию, премиям, публичности. Проханов, Лимонов, тот же Прилепин. Тяжелая это задача – делать литературу, стараясь отвлечься от собственных политических взглядов, которые неизбежно влияют на качество написанного, в особенности если ты пишешь о реальных событиях, да к тому же происходящих в переломные для страны периоды истории.

«Финалист премии “Национальный бестселлер”, – прочитал я на обложке книги. – 1993-й – гражданская война в центре Москвы. Время больших надежд и больших потрясений. Он и она по разные стороны баррикад». Это время я провел в больнице. Я купил роман Сергея Шаргунова. Купил и прочитал.

Необходимо признать, что автор проделал весомый труд. 570 страниц в наше время, когда многие писатели стараются крупным шрифтом размазаться на трехстах страницах, – дело трудное. Шаргунову повезло с фактурой. Благодаря работе в Думской комиссии по расследованию событий осени 1993 года он оказался в непосредственной близости от первоисточника, да что там в близости, можно смело сказать – в нем самом. Более точно, пожалуй, живописать события могли бы только его участники. Но самому автору в то время было лишь тринадцать. Не удивлюсь, если окажусь прав в том, что именно эта работа в Думской комиссии и сформировала будущую протестную позицию Сергея. Ведь за его плечами и создание политических движений, и несостоявшееся депутатство по спискам «Справедливой России». В романе «1993» политическое кредо автора легко читается в каждой строке. Главный герой Виктор Брянцев – несостоявшийся ученый-электронщик, человек, оказавшийся то ли по воле судьбы, то ли по собственному желанию где-то ниже своих изначальных возможностей и уж тем более амбиций, в прямом и переносном смысле ближе к земле, в подвалах, рядом с рвущимися от старости и коррозии трубами и вешающимися на них бомжами. Рвутся трубы, трещит страна, и из труб, и из страны рвется перегретый пар. В подвале авария, в стране революция. Кто-то должен все это устранять, ремонтировать, чинить. Вот главный герой и пытается. Получается плохо. И то плохо, и другое. Виктор – не самостоятельный, он ведомый. Он продукт пропагандистской эпохи. Пусть и эпохи девяностых, менее выстроенных, чем сегодняшние, десятые, двадцать лет спустя, но продукт. Перестройка, ломка государства сильно изменили героя. Из «статного, высокого, светлоглазого парняги» середины семидесятых с «широким свежим лицом» он по ходу романа превращается в нерегулярно моющегося, с запахом сырости из подмышек, расхаживающего вечно в трусах по дому, подрастерявшего жизненный драйв мужика. Жизнь вертится по заведенному несколько лет назад циклу: электричка-работа-электричка-дом-электричка... Дом в поселке «43-й километр». Ни имени, ни истории. Какой-то километр. Рядом железка, поезда, ларек, магазин, тоска. Постоянные конфликты с женой, просто так, без причины, на пустом месте, порой от бессмысленной ревности, порой от ее претензий уже в его адрес. Скуку, тоску, стремление вырваться герой топит в водке. Все так узнаваемо. Какой русский не ищет в водке смысл жизни! Нет, нельзя назвать Брянцева опустившимся. Он пытается найти какой-то выход, стремится выскочить за пределы этого круга, в который сам себя и затащил в восьмидесятые годы, порвав с наукой. Наверное, только телескоп, который он смастерил в своем доме, знает о его стремлении уйти из той затянувшейся, во многом бессмысленной жизни, про которую мно-

гие бы наши соотечественники сказали – да нормально, мы все так живем. Брянцев так не хочет. Брянцеву помогает время. Трудно это, не разбираясь в политике, понять, кто прав, кто виноват. Виктор не входит в политику медленно, обстоятельно, шаг за шагом, постигая суть процессов, изучая партийные программы. Брянцев, наверное, как и многие в нашей стране, изучает политику по телевизору. Главной передачей в доме становится программа «Парламентский час». Она и превращается для Виктора в тот самый общеобразовательный ликбез и наталкивает на мысль, что из круга, по которому он ходит уже который год, есть выход. Этот выход – революция! Поиск этой революции и становится для героя смыслом жизни и главной целью.

В романе Шаргунова героев не пересчитать. На трехсотой странице я даже испытал порыв – а дай подсчитаю. Сколько же у него героев? Схватил карандаш, начал ставить цифири. Один, два, десять, тридцать. Потом бросил – ведь не сначала, что ж, перечитывать снова? Большая часть героев романа появляется силуэтно, на несколько строк. Кто-то чуть ярче – запоминается, кто-то нет. Почти каждого из этих героев автор наделяет именем, порою фамилией, а иногда и специальностью, характерными чертами. Зачем? В глазах начинает рябить. Ладно, когда идет речь о родственниках главного героя, например, бабушке Виктора Антонине Андриановне из деревни Шельпяки, что в восьми километрах от рынка в Кирове – к чему такая точность? Сразу хочется проверить. Или о попутчиках Лены, жены Виктора, встреченных ею в поезде «Москва – Пермь». Евгений и Вадим. Двое случайных парней, словно боевые петухи, бросившиеся бороться друг с другом за внимание, и как оказалось потом, и за тело Лены. Первая измена мужу, внезапное понимание того, что она все еще молода, привлекательна, желанна. Все описано четко, педантично. Эпизод на несколько страниц. Больше герои не появятся. Остались лишь имена. Ну хорошо, эти сделали свое дело сразу. А остальные? От остальных своих секундно-двухстрочных героев автор оставляет имена, отчества, фамилии. Зачем? Почему? Вопросы эти остаются без ответа. Конечно, столь конкретная детализация, казалось бы, должна делать роман более правдоподобным, но это только на первый взгляд. В реальности она засоряет его обилием абсолютно ненужной информации, которая все равно забывается через несколько страниц, уходит на третий, четвертый планы. Таких героев в романе огромное количество. Сторож детского сада Руслан Муратович, майор Олег Майстренко, муж подруги Лениной мачехи, ветеринар Дмитрий Яковлевич, лечивший козу водкой. Десять проходящих и больше не появляющихся в романе героев, двадцать, тридцать, пятьдесят. По три строки на героя, по пять. Не больше.

А сколько совсем незаметных, которые появляются мелкой ссылкой, даже не секундой, мгновеньем, намеком, полустрокой, без рода, казалось, без племени – и все равно автор методично наделяет их паспортными данными. Девочка Таня Кривошеева, с которой в школе целовался Виктор, сосед по лестничной клетке Сашка Моисеев, школьный шпаненок Мишка Зыков, старуха Мария Никитична, жившая у поля в поселке. Они проскальзывают по всему роману, оставляя на страницах короткие упоминания о себе, и исчезают навсегда. И так далее, и так далее, и так далее... Если бы автор переписал свой роман в пьесу, страниц только двадцать у него ушло бы на перечисление всех героев. Не могу сказать, что это недостаток. Нет. Возможно, этот педантизм есть элемент авторского стиля писателя, его отличительная черта. Возможно, что столь повышенная конкретика по отношению к каждому персонажу нарочито специальна, чтобы показать, как герой движется по жизни сквозь массу случайных, быстро забывающихся людей, движется к чему-то главному, нужному, великому. Движется к перелому в истории, к войне, к революции. Не исключено. Только вот, к сожалению, все это утяжеляет произведение, делает его восприятие более трудным.

В своем романе автор стремится быть максимально точным, останавливаясь на каждой, порою самой незначительной, с точки зрения обывателя, мелочи. В аннотации Шаргунов характеризуется как «социальный писатель». Я бы дал его стилю иное название – «бытовой». Все выписывается до деталей, с моей точки зрения, порою лишних и ненужных. Вот взя-

тое наугад описание телевизионной ведущей, одной из многих среди промелькнувших на несколько строк в романе.

«...молодая блондинка в светло-зеленом пиджаке и такой же юбке. У нее было слегка припухлое приветливое лицо. То и дело загорались белые буквы «Нина Бердникова»... Ресницы хлопали над голубыми, будто стеклянными глазами». Сколько конкретики в отношении еле заметного персонажа – не главного, не второстепенного, не даже третьестепенного, – который больше никогда не появится на страницах романа. И снова имя и фамилия. Нужно ли это?

Вообще Сергей Шаргунов стремится (и это снова элемент той самой «бытоватости», если возможно так исказить слово) показать, что все происходящее в романе не выдумано, а происходило в действительности. Именно для этого, убежден, в романе мелькают фамилии известных в те годы (а некоторые, хоть и немногие, сохранили свою публичность и сегодня) политиков и военных. Аксючиц, Анпилов, Баркашов, Терехов, Алкснис. Автор намеренно вводит в роман этот калейдоскоп, чтобы показать читателю реальность происходящего. Лимонов, Белов, Уражцев. Честно говоря, в определенных случаях возникает ощущение того, что называется «перебор». Шаргунов явно переигрывает в эпизодах, где Руцкой назначает Виктора Брянцева командиром отряда, а неожиданно возникший на баррикаде Анпилов ест испеченную тут же в золе картошку и обзывает главного героя Чубайсом за копну рыжих волос. А уж то, что главная героиня крестила дочь не у какого-то священника, а у известного и популярного в те годы отца Меня, вызывает недоумение. Быт сразу становится нарочито показным.

Роман «1993» четко демонстрирует, что людям, профессионально занимающимся тем или иным видом деятельности, бывает трудно – а некоторым невозможно – понять, что другие далеко не всегда знают тему так же хорошо, как профссионалы, а порой вообще в ней не разбираются. «Это элементарно, Ватсон», – словно говорит автор. «Как вы можете этого не знать», – вторит ему Брянцев. Читатель виновато пожимает плечами. Вот яркий пример всезнайства:

«На апрельском референдуме девяносто третьего года родители голосовали так. Мама: да-да-нет-да. Папа: нет-нет-да-нет». Все! Больше ни слова. А теперь вспомните, как звучали вопросы того референдума. Думаю, ни у кого не получится. Что за референдум? О чем он? О сохранении СССР? Нет! Тот проводился в 91-м. О доверии Ельцину? Вроде да. Но это я вам напомнил. А сами бы справились? Автор не подсказывает.

Думаю, что Шаргунов, профессиональный журналист, еще раз подчеркиваю, работавший в Думской комиссии по расследованию событий 1993-го года, совершает литературно-историческую ошибку, соря десятками фамилий людей, в те годы известных, но подрастерявших к сегодняшнему дню публичность, не утруждая себя подчас разъяснениями. Несмотря на то, что от событий 93-го нас отделяют всего два десятилетия, многое уже успело позабыться. И первыми позабылись фамилии участников тех событий. Конечно главные герои – Руцкой и Хасбулатов – останутся в памяти надолго, закрепленные тем более учебниками новейшей российской истории, а вот фамилии других требуют конкретизации. Убежден, что людям политически неактивным и в особенности тем, кому сегодня чуть за тридцать, роман читать сложно. Все же это произведение не о мировой войне, события 1993 года не изучают столь подробно в школах. Умиляет то, что чуть ли не единственный раз, когда автор снизошел до объяснения, расшировки того или иного героя, – упоминание о Натальи Варлей. Про нее Шаргунов честно и откровенно написал, мол, это героиня кинофильма «Кавказская пленница». Убежден, что читатели Наталью знают намного лучше, чем Алкснса или Аксючица. Но для Шаргунова, видимо, политики ближе популярной актрисы.

В романе автор пытается провести параллель между событиями на Болотной площади и 93-м. Это, на мой взгляд, лишнее. Подводка и окончание романа как раз о мае 2012-го. Митинг, собираются люди. Вокруг полиция, ОМОН. Зачем? Что случилось? Автор ничего не объясняет читателю. И так все должны знать. Шестое мая, проскальзывает через строку. Что за дата? «Седьмого он въезжает в Кремль», – объясняет кто-то. Кто он? «Его же все равно

избрали». А! Начинаешь догадываться. Речь о Президенте. Были выборы. Инаугурация. Но все равно – зачем собрались, что хотим. Автор не отвечает. Это же было год назад. Все должны знать. Помнить. Все? А если не знают?! Москва – не Россия. Или роман только для той узкой прослойки, что варилась в гуще событий.

Кстати, забавно, что говоря о событиях на Болотной, Шаргунов вдруг начинает изменять себе (впрочем, это становится очевидно уже позже) и называет лидеров Болотной лишь по именам, заставляя читателя самим угадывать знакомые образы. «Сергей, похожий на Железного дровосека, с бритой головой, в черной ветровке и в черных очках», «статный матово-бледный красавец-блондин Алексей в голубой рубашке, с неподвижной, как бы приклеенной улыбкой», «большой писатель Дмитрий в безразмерной сырой футболке с полустертым Че Геварой». Удальцов, Навальный, Быков. Это вот я узнал их. А остальные? Шаргунов не называет эти фамилии. Почему? Запретили? Боится? Удалило издательство? Позвонили из Кремля? Бред. Не понимаю.

Любой, кто занимается фотографией на профессиональном или хорошем любительском уровне знает, что такое фотошоп. Графический редактор, который позволяет существенным образом изменить внешний вид любой фотографии, превратить ее из простого фото в картину. Шаргунов в работе над романом пользуется своеобразным литературным фотошопом. На историю обыкновенной семьи – муж, жена, дочь, проблемы, рутина, пьянство – такая история мало кому интересна, каждая вторая семья в России узнает себя – он накладывает слой из настоящей жизни, событий, вытащенных из 93-го года, вытащенных скрупулезно, по деталям, по черточкам.

Доклад Комиссии Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в Москве в 1993-м году, задокументировал каждый день, каждый час, каждую минуту. Покадровое восстановление событий. Все, что требуется от автора, это только литературно обработать эпизоды. И он это делает, впрочем, порой не сильно заморачиваясь обработкой. Так, Шаргунов описывает, например, как некий гражданин, из числа осаждавших Останкино, не смог взвести гранатомет и зарядить гранату. Ему помог в этом другой нападавший, участковый милиционер. Все это описано в Докладе и размещено в Википедии. С именами и фамилиями. Николай Абраменков и Михаил Смирнов. Странно только, что автор, так любящий точность, вдруг не раскрывает эти фамилии в романе. Объяснение только одно – именно здесь, когда он берет реальный эпизод, описанный другими авторами в другом, пусть и не литературном произведении, ему необходима анонимность. И подобных исторических заимствований полно. Шаргунов повествует о смерти немецкого журналиста. Все это есть в докладе. Журналиста звали Рори Пек. И снова в романе – в отличие от многих других сюжетов – нет имени. В принципе, как говорится, ничего страшного. И все же!

В романе можно натолкнуться на штампы, которые перепечатываясь из одних сборников воспоминаний в другие, в таком же виде и попали в Википедию. Приведу пару примеров. Один связан с решившим повеситься негром из Мозамбика, которого спасает Виктор Брянцев. Придя в себя, негр начинает рассказывать о тяжелой судьбе своей страны, погибшем в авиакатастрофе при загадочных обстоятельствах Президенте, о том, что жена его после этого вышла замуж за Манделу. Достаточно набрать в любом поисковом сайте «Самора Машел – Президент Мозамбика» и эти факты, слово в слово, выдадут нам десятки сайтов. Сергей Шаргунов, не мудрствуя, просто переписал их, вложив в уста говорящего с акцентом чернокожего. Поверхностное отношение автора к литературной работе особенно четко проявляется в повествовании о встретившемся Виктору в ночной Москве пьяном мужчине, оплакивавшем смерть своего начальника – руководителе концерна «ДИАМ» Илье Медкове. Банальнейшее описание дня рождения с Овсиенко в мини-юбке можно также найти везде в мировой сети, стоит лишь набрать в поисковом сайте «Медков» или название концерна. Там везде подчеркивается – «Овсиенко в мини-юбке». Шаргунов даже не позаботился внести свои литературные коррективы.

Излишняя любовь Шаргунова к бытовым деталям его же самого и губит. Губит, прежде

всего, там, где он не является специалистом и где ему совершенно объективно не хватает знаний. Подчеркиваю, речь идет о неточностях, которые не меняют сути романа, не дискредитируют его, но вместе с тем вселяют своего рода недоверие к написанному автором, а, следовательно, портят впечатление о книге. Например, автор четко указывает, когда родился главный герой – зимой пятьдесят третьего. Соответственно весной семьдесят первого, в восемнадцатилетнем возрасте его должны были забрать в армию. Пусть даже осенью. Автор отправил служить героя в Североморск, на флот, на большой корабль «Достойный». Все бы ничего. Только вот в состав Северного флота сторожевой корабль «Достойный» был включен годом позже, в апреле 1972-го.

Следующий ляп у автора возникает при упоминании о работе автора в ФИАНе. Виктор Брянцев, работая в лаборатории института, оставил на одной из деталей лунохода отпечаток своего пальца, предварительно обмакнув его в краску. Теперь, гордится он, мои пальцы есть и на Луне. История красивая, хотя невозможная в принципе. Возможно, автор не знал, поленился посмотреть (ненужное зачеркнуть), что в советское время срок службы во флоте составлял три года и соответственно вернуться на гражданку Брянцев мог только в 1974 году. Всего в истории советской космонавтики было два лунохода. Первый стартовал на Луну в 1970 году, второй в январе 1973. Ни в создании первого, ни второго Виктор Брянцев не мог поучаствовать по очевидным причинам.

Вообще Шаргунов явно некстати столь подробно описывает «физическое» прошлое главного героя. Так уж получилось, что когда-то мне довелось несколько лет проработать в теоретическом отделе Научно-исследовательского радиофизического института в Нижнем Новгороде и даже защитить там кандидатскую диссертацию. Мне, да и, пожалуй, любому другому человеку, имеющему хоть когда-нибудь отношение к физике, в лучшем случае становится смешно от описания телескопа, сделанного из банок из-под зеленого горошка и кукурузы. Вызывает сомнения и то, что в 1977 году в ФИАНе (на всякий случай: в Физическом институте Академии наук!!!), месте, где работали величайшие ученые-физики СССР, занимались проектированием уличных экранов, да и вообще были ли они тогда, неизвестно. Явно не стыкуются года в этой части жизни главного героя. В 1974 он приходит из армии, поступает на физтех, начинает учиться, бросает, а уже в 1977 году приходит в Министерство обороны согласовывать свой проект этого самого экрана. Поверить в то, что за три года из радиста Виктор Брянцев, студент-недоучка, превращается в хорошего специалиста, ученого-инженера, невозможно. В принципе можно просто не обращать внимания на подобные мелочи, от которых точно не страдает повествование, но ведь автор сам наталкивает пытливого читателя на свои ляпы. Последней «физической» ошибкой автора становится вживление в роман личности академика Пилюгина, директора закрытого учреждения, в котором проектировали приборы для наведения. Автор косвенно дает понять, что работал Виктор Брянцев под руководством Пилюгина в 1984-85 гг. Увы, академик умер в 1982-м. Впрочем, еще раз подчеркну, логику романа ошибки эти портят не сильно.

Больше всего обидно, что автор позволяет себе ошибаться на своем поле – литературном. Так «Злые стихи» поэта Бориса Гунько, датированные во всех его сборниках январем 1994 года, Шаргунов зачем-то помещает в газете «Молния», вышедшей годом раньше.

Возможно, автору в написании мешает собственная гражданская позиция. Ему на протяжении всего романа не удается соблюсти этот баланс между политикой и литературой, попытаться стать нейтральным, взлететь над происходящими событиями. Шаргунов сам внутри романа. И он по конкретную сторону баррикад. В романе это ощущается достаточно четко. Он с теми, кто за Парламент. Он против Ельцина, против развала СССР. Не случайно в романе почти нет ни одного героя той, противоположной стороны. Люди этой стороны есть, депутаты, писатели, актеры, просто граждане. С той, противоположной стороны почти никого. Безликая масса. Разве только Ельцин, которого Брянцев накануне расстрела Белого Дома видит по телевизору. Возможно, этим писатель хочет провести границу между наро-

дом и одним-единственным человеком, против которого выступает народ, но у которого есть власть – Президентом России. Не исключено, что Шаргунов, работающий сегодня в оппозиционных власти журналистских кругах, хочет лишний раз сделать отсыл в сегодняшний день, на Болотную – вот народ, а вот одинокий Президент. Впрочем, это просто мои домыслы. А вот то, что главный герой умирает не 4-го октября, в день, когда был расстрелян Белый Дом, когда были арестованы его защитники, а на сутки раньше, очень символично. Тем самым автор глазами своего героя как будто не признает поражения в войне, намекая, что ничего не потеряно, что нужно бороться дальше, за лучшую жизнь, против антинародного, с точки зрения Шаргунова, режима. Это подтверждается действиями внука Брянцева, мелькающего в подводке и в окончании романа. Он выходит на Болотную площадь. Для него это важнее, чем тусоваться в московском ресторане «Жан Жак».

Займет ли этот роман достойное место в библиотечном ряду, покажут годы, история. Мое личное мнение, что нет! Роман специфичен. Он написан словно для своих, осведомленных. Он не для широкого круга. Роман точно не может претендовать на фундаментальность «Войны и мира». В «1993» есть факты, есть сюжет, есть события. В романе нет мысли. «1993» о том, как было в тот год. Это бытовой роман, не социальный. Вот как-то так и было, говорит автор, это, мол, я нашел в Думском докладе. Ну а чтобы вам всем не скучалось, я наложил сверху историю про Виктора Брянцева. Как в фотошопе, объединил два слоя. Получилась книга. Будут его читать через двадцать лет? Посмотрим. Может быть, будут. Кто-то вспоминая (а помнишь, мы тогда на баррикадах), кто-то познавая (во зажгли предки!), кто-то учась. А кто-то будет нервно пролистывать страницы, испещренные никому к тому времени не известными фамилиями – Бабурин, Аксючиц, Уражцев, Анпилов, Константинов... Кто это, будет думать читатель и искать их фамилии в той же Википедии. Но разве это роман, для чтения которого требуется интернет. Впрочем, возможно я ошибаюсь. И все будет иначе. Поживем – увидим.

Сергей ТРУНЕВ

АНТОЛОГИЯ БЕЗЫСХОДНОГО РЕАЛИЗМА

Современная уфимская художественная проза (1992–2012): хрестоматия. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 434 с.

«Книга, которую мы вам предлагаем, уникальна», – пишет в предисловии И. Прокофьева. Действительно, четыреста тридцать четыре страницы мелкого, почти не читаемого текста под мягкой обложкой. Внушительный список тех, кому «Антология» адресована, перечеркнутый ее же весьма ограниченным тиражом (100 экз.). Фрагменты романов соседствуют с целыми рассказами; все авторы – уфимцы, творчество многих отмечено премиями и многочисленными публикациями. Очевидным плюсом «Антологии» являются сопутствующие текстам списки литературы по каждому автору (в списках, как это и положено, безоговорочно доминирует уфимский журнал «Бельские просторы»). Волей-неволей приходится согласиться: перед нами героическая попытка доказать широким читательским массам, что уфимская художественная литература не только существует, но и развивается.

Кстати, в моих словах иронии не столь избыточно, как может показаться. Об антологии, например, саратовских авторов многие грезят уже давно, однако до материализации дело никак не доходит. Полагаю, в ближайшее время и не дойдет...

Вообще, судьба российской региональной литературы в эпоху рыночных отношений, что и говорить, драматична. Наиболее остро этот драматизм ощущают сами писатели, отчего многие их произведения обретают черты граничащей с исповедью саморефлексии. Авторы, представленные в «Антологии», – не исключение. Магистральная тематическая линия почти всех текстов – «лишние люди» – в зависимости от поколенческой принадлежности писателя варьируется следующим образом:

«Интеллигенция и народ» (Петр Храмов): «Как я понял позже, зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла

перед «народом», просто-таки олицетворяя трагедию русской интеллигенции» (23). Пафосно, но душевно.

«Ненужный писатель» (Михаил Чванов): «И вдруг разом оказалось, что больше никому не нужен ни он сам, ни его книги, ни его мысли о Родине, а еще оказалось, что, кроме книг у него в жизни ничего не было: все в своей жизни он бросил в жертву им» (62). Просто пафосно.

«Ненужный поэт» (Игорь Фролов): «И тогда я создам театр поэзии: в нем поэт будет в безопасности, там никто не скажет ему, что он вор чужого времени, что он мал и мерзок. Там я буду читать свою поэму» (151). Самому себе?

«Ненужный мужик» (Всеволод Глуховцев): «Пусть не будет никого, даже следов ничьих. И счастья не надо, и любви никакой: пусть все это для тех, кто это заслужил» (173). Это верно...

«Несчастная любовь писательницы» (Раиля Шаяхметова): «Игра, которую я вела, была слишком серьезна и не терпела ни свидетелей, ни секундантов, ни порученцев, ни судей. Ни даже утешителей и плакальщиц – в конце» (199). Напечатанный в «Антологии» фрагмент романа хотя и не позволяет оценить сам роман, но отметить своеобразие и зрелость авторского стиля мне бы хотелось.

«Трагедия литератора» (Анатолий Яковлев): «Какой ты мужик! – кричала жена. – Мужики несут в семью деньги» (209). Об этом чуть ниже.

«Литератор и масса» (Салават Вахитов): «Много таких, кто вообще не читает. Когда я стал работать в приемной комиссии университета, я впервые столкнулся с этой бездуховной массой, которую интересовали только деньги и их количество. Тогда я научился материться» (224). Поздно начинать материться, когда уже работаешь в приемной комиссии. Это столь же верно, как и то, что основной массе трудящихся в других местах людям порой просто некогда читать.

Особняком стоит тема «ненужных детей» (Юрий Горюхин, Светлана Чураева, Денис Лапицкий) и подростков (Игорь Савельев), наиболее сильно стилистически поданная, на мой взгляд, Юрием Горюхиным, Светланой Чураевой и Игорем Савельевым. При этом фрагмент романа Светланы Чураевой выделяется из общего ряда каким-то вопиющим бытовым садизмом, поданным, однако, так, что от повествования невозможно оторваться.

Небольшое замечание: если учесть, что, помимо прочих, «Антология» адресуется преподавателям и студентам средних специальных учебных заведений, остается лишь догадываться о том, какие уроки из нее смогут извлечь последние. То, что писатели и поэты по жизни никчемны и никому не нужны? Что жизнь – это кромешный ад, из которого единственным выходом мерцает горлышко бутылки? Сколько вообще можно писать о впавшей в забвение, поруганной и истерзанной Родине, о бомжах, алкашах и неудачниках великой духовной силы?

Чернуха, бытовуха, безысходность. Разве что откровенной порнухи в текстах «Антологии» нет – видимо, оттого, что «герои» слишком много и брутально пьют... Не до любви. На общем безрадостном фоне выделяется лишь раблезиански-сытая армейская жизнь из рассказа Артура Кудашева. Также, несмотря на жестко доминирующую тему абстиненции, показалась интересной (и даже как-то не к месту оптимистичной) третья часть книги Анатолия Яковлева «Еллада».

Справедливости ради отмечу, что до некоторой степени апокалипсическая картина уфимского бытия выравнивается описаниями природы и традиционного быта (которые, кстати, почти исчезают из текстов «нового поколения» прозаиков). Признаюсь, яркие и поистине живые картинки вставали передо мной по мере прочтения текстов Петра Храмова и Камиля Зиганшина.

В заключение хочется сказать, что книга оставила довольно неровное и смутное впечатление. Возможно, это оттого, что в ней практически нет никакого юмора или даже иронии. Нет никакой игры, обманных боковых ходов и головокружительных трюков. Лишь неприкрытый безысходный реализм, основные приемы и тематика которого оформились еще в начале XX века. Поэтому, наверное, «на выходе» создалось ощущение, что уфимские писатели воспринимают реальность как некую суровую данность, которую надо либо во что бы то ни стало изменить (возможно, при помощи литературы), либо погибнуть под ближайшим забором. Всем вместе, плечом к плечу, лоб в лоб...

Олег РОГОВ

ПЯТЫЙ ТОМ

Елены Шварц. Сочинения. Том V. – СПб: Пушкинский фонд, 2013. – 408 с.

Эта книга включает в себя стихи и дневники – самые ранние и самые поздние. Поздние логично замыкают четвертый том, а ранние, помещенные в конец книги, словно бы закольцовывают пятитомник, предлагая – уже теперь, после всего – снова вернуться к его первым страницам.

Зияние между дневниковыми блоками обнимает собой ни много ни мало тридцать семь лет. 1957–1964 и 2001–2010, эти записи погибли во время пожара, уничтожившего и архив, и привычный бытовой уклад. «Целая жизнь прошла с того дневника. А ведь остальной дневник погиб при пожаре 30 марта» (запись 23 апреля 2004 года).

Самая ранняя запись – конец января 1957 года, Елене Шварц еще 8 лет. Последняя сделана меньше чем за два месяца до смерти. Уверенное смирение последних дневников и рост поэтического самосознания в ранних тетрадях отражаются друг в друге, и трудно читать эти записи без слез.

Предельная интимность детских и подростковых строк ужасает своим главным стержнем – безусловной уверенностью в собственном предназначении. Кажется, даже нет сомнений в своем призвании – только аккумуляция сил для будущей работы (а хотелось написать – подвига). Конечно, там есть и школьные радости и печали, расцвет и закат каких-то общений, недоверчивое вглядывание в окружающий мир. Но нам дано увидеть и бурлящую внутреннюю работу, которая не довольствуется только культурным потреблением. Привычка к самостоятельному мышлению опирается именно на тот незыблемый фундамент самосознания – «здесь я стою, и не могу иначе». Эта точка отсчета останется неизменной на всю жизнь. И сверяясь именно с ней, нужно давать оценку непростому, мягко говоря, характеру Елены Шварц и множеству нелестных характеристик, рассыпанных по дневниковым страницам разных лет.

Странно, что сохранились именно эти записи. Ранний блок и последние страницы заканчиваются двумя обращениями.

«Сегодня двадцатое апреля, и скоро мне стукнет восемнадцать. И я хочу, чтобы меня выгнали из университета, и я могла бы писать стихи и только писать стихи. О Боже, помоги мне, и я проведу свою молодость в душной комнате, у колб и реторт. И превращу камень в золото, слово – в стихи живые и ослепительные» (запись 1966 года).

«Благодарю Тебя за то, что Ты создал меня поэтом Твоей милостью...» (6 октября 2009 года).

Николай СКВОРЦОВ

ОТБРОШЕННЫЕ ГЛАВЫ

Надежда Мандельштам. «Люсаныч» и другие отброшенные главы // Знамя. – 2014. – № 6.

Журнальная публикация предваряет собой выход двухтомника Надежды Мандельштам, который планируется в 2014 году в екатеринбургском издательстве «Гонзо». В это издание должны войти все значимые произведения вдовы поэта, ее знаменитые мемуары и литературоведческие заметки, в дополнение к основному блоку – фрагменты, наброски и дневниковые записи.

В публикации «Знамени», подготовленной и откомментированной С. Василенко, П. Нерлером и Ю. Фрейдиным, представлены главы, не вошедшие в мемуарный канон Н. Мандельштам, «зависшие» между первой и второй книгами и свивающиеся возле «ахматовского» блока воспоминаний.

«По ночам мы говорили и о Мандельштаме. Она ни на секунду не теряла веры в него. Эта вера помогла мне устоять. Она была единственным человеком, который в те годы не забывал его и поддерживал меня. Без нее я бы пропала – не только от бедствий, голода и нищеты, но и от ужаса забвения. От полной глухоты всех, кто случайно попадался на на-

шем пути. От огромного враждебного мира, где слышны были только враждебные голоса. Ни один звук из будущего еще не пробивался в нашу тюрьму. Вдвоем мы хранили свою тайну, оплакивали умершего и дрожали за еще живого каторжника. Это было самое лучшее и самое спокойное время в нашей жизни».

Читатель помнит, конечно, выбранный Н. Мандельштам способ повествования – не всегда последовательный по линейному отрезку времени. Ее находка – емкие и бьющие в цель сгустки текста, оформленные в главы с эффектом «трамплина». Так, главка «Люсаныч» развивает известный эпизод из мемуаров, но посвящена она жаргону «для своих», который складывается наверняка в любом сообществе и непонятен непосвященному без комментариев. Уличные фразы, разговорные сентенции, газетные формулировки становятся узнаваемыми элементами языка общения, которые могут сохраняться на протяжении десятилетий.

В этом отношении показательна лакуна в этой главе (несколько страниц машинописи отсутствуют). Вот разговор только что шел о словечках своего круга («и никакой неловкости не произойдет»), а после многоточия в скобках – уже выход в открытое пространство обобщений: «Только крошечная горсточка людей осознала, что у нас происходило в течение всех этих лет, остальным же начхать на прошлое, и в будущем они способны повторить всё, что было. И никакой неловкости не произойдет...»

Этот «трамплин» – от бытовой детали к экзистенции – используется очень часто и срабатывает безотказно, словно предмет шамана, который вызывает приход ветра – в данном случае, ветра времени.

Глава «Кличка» посвящена ташкентским дням Ахматовой, но исподволь выводит нас – через бытовые эпизоды, через череду спутников (Шилейко, Пунин, Гаршин) – к личной мифологии, связанной, прежде всего, с творческим именем Ахматовой – псевдонимом, ставшим фамилией.

Проза Надежды Мандельштам с ее узнаваемыми интонациями, давно шагнула за рамки мемуарной литературы. Ее текст – цепкий наблюдатель, пристрастный рассказчик, свидетель многого, встреча с ним – всегда испытание и всегда вызов.

Память изменчива. Но внимательная осознанность может творить чудеса: «мы старались понять настоящее, потому что от него зависело наше ближайшее будущее, завтрашний день в буквальном смысле этого слова».

В этом смысле интересно одной из ее наблюдений: «Сталин, систематически уничтожавший свидетелей – всех, кто писал письма, дневники, помнил что-нибудь или знал, участвовал в каком-нибудь злодеянии или видел его вблизи, – тщательно заботился о том, чтобы после него осталась груда документов, грозно свидетельствующих против его эпохи... <...> Но какая почти слепая должна быть вера в силу лжи, если он надеялся, что все эти пустые формы, куда всунуто невероятное содержание, обманут не только дрожащих современников, но и будущее».

Человеческая память оказалась более мощным оружием, чем любые фальшивые документы. Проза Надежды Мандельштам тому порукой.

Иван КОЗЛОВ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ ТЕОРИИ ХАОСА В ЭПИЗОДЕ ИЗ ЖИЗНИ СБОРЩИКА ЖЕЛЕЗА

«Трудно быть богом» *(реж. Алексей Герман)*

Последний фильм классика всегда воспринимается как своего рода прощальный завет, даже если таковым и не задумывался, ведь сознательно «прощальный поклон» отвешивали очень немногие.

Тем не менее, ожидаемая грандиозность и неожиданная громоздкость проекта по срокам производства поневоле делают эту ленту опус магнум Германа. Фильм долго ждали – вот подходят к концу съемки, нет, еще нужно что-то переснять, идет монтаж, на этот фестиваль не успеваем, пошла озвучка – и так буквально годами. Потом – известие о смерти режиссера. Прокат ленты – не только в артхаусных кинотеатрах. Резко разделившиеся мнения критиков и зрителей – от «больше, чем кино» до «распад поэтики».

Удивительно, что предельная «киношность» Германа в данном случае крепко завязана на «литературности». В том плане, что это кино может быть воспринято более адекватно, если зритель знаком с первоисточником и, в идеале, читал сценарий. Кроме тщательной проработки кадра, бешеного визуального ряда – от лиц до декораций, кроме предметной перенасыщенности и специфической озвучки, важны именно моменты несовпадения, новых обертонов.

На книжных злодеев всегда направлен прожектор внимания, они в световом круге, явные и запоминающиеся. У Германа они могут мелькнуть двумя проходами, пробормотать что-то невнятное, но очень важное – и исчезнуть. В этом фильме ничто не подается с пафосом, есть только очень плотная реальность, в которой тесно, кажется, даже воздуху.

«Трудно быть богом» – один из тех фильмов, смотреть которые очень тяжело, но время от времени тянет пересматривать. Так перечитывают классику, чтобы сверить с ней себя – сквозь годы.

«Джек Райан: Теория хаоса» *(реж. Кеннет Брана)*

Кеннет Брана известен, прежде всего, своими экранизациями Шекспира (их пока семь, но это еще не предел). «Теория хаоса» – фильм-экранизация очередных приключений Джека Райана, героя романов Тома Клэнси. Бойкий Крис Пайн в главной роли финансового аналитика, который работает на ЦРУ, Кевин Костнер играет его мудрого наставника, готового появиться в любой точке земного шара, чтобы придти на помощь, Кира Найтли – прекрасная и ревнивая невеста, в роли главного злодея – русского олигарха – снялся сам режиссер. Ожидаемый экшн, минимум «клюквы», пуды конспирологии, эстетство – неизбежное, когда жанровое кино снимают независимые режиссеры, – все это располагает к приятному и необременительному зрелищу.

Вот только «обидно и досадно», что штампы холодной войны снова начинают становиться актуальными, причем это процесс двусторонний. Только-только мы привыкли воспринимать подобные сюжеты как архивное ретро, как вдруг на глазах начинает возникать новая пропагандистская мифология.

Впрочем, за одну сцену беседы о Лермонтове и русских романтиках можно многое простить. Этим разговором героиня Киры Найпли отвлекала главного злодея в ресторане, пока ее благоверный вскрывал сейф олигарха в его офисе.

«Эпизод из жизни сборщика железа» *(реж. Данис Танович)*

Эта небольшая камерная лента – продукт совместного производства четырех стран (Босния-Герцоговина, Словения, Франция и Италия). Данис Танович, запомнившийся «Ничьей землей» и «Адом» (второй фильм – подхват сценария Кшиштофа Кеслевского, который тот не успел воплотить, «Рай» снял Томас Тыквер), снял фильм из жизни цыганской семьи, которая живет в богом забытой дыре. Болезни, социальные проблемы, безденежье – социальный контекст, казалось бы, должен «забить» простые человеческие чувства. Но именно они, без всякого педалирования, являются главным стержнем фильма. Любовь и взаимопомощь – что может быть проще и нормальнее в неуютном мире европейской окраины? Герой – отец семейства Назиф – как бы вычеркнут из активного социума, боевое прошлое осталось где-то там, далеко, вокруг только неустроенный быт поселка, где за неуплату отрезают электричество, а чужой страховой полис может спасти жизнь его жены – своих социальных гарантий подобного рода у его семьи нет.

Прокормиться можно, куроча старые машины и сдавая их в металлолом – вместе с соседями. Вещь как бы возвращается к своему первоначальному, непроявленному бытию – из автомобиля в металл. Так и жизнь вокруг – только базовые потребности, минимум условий, необходимых для существования...

Режиссер снял в главных ролях непрофессиональных актеров, более того – они именно те люди, которые разыгрывают эпизод из своей жизни: Танович прочитал в газете заметку об этой истории и, разыскав ее героев, убедил их сняться в картине. Настоящие люди, реальный конфликт, «живая» камера – все это делает фильм своего рода документальным.

Лента получила «Серебряного медведя» – Гран-при жюри Берлинского кинофестиваля.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 20 июня 2014 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.